

Отдел рукописей
Государственной библиотеки имени Ленина
Фонд № 387
И. С. Шмелев
Картон № 7
Ед. хран. № 11

Шмелев,
Иван Сергеевич
«Волчий пережат» — рассказ
четыре поздних редакции, две без концов
одна с пропусками
1913

Машинопись с авторской правкой 47 лл. (1 ч)
Подпись «Ив. Шмелев» на л. 19 четвертой рукописи
на л. 1 первой рукописи — дата 29 окт. 1913 г.

Надорваны, загрязнены края одного листа.

ж. «Современный мир» 1913 г. № 12.
Рассказы т. V Москва 1914. стр. 7-45.

г) 6 лл. (1 ч.)
Поздняя редакция

ВОЛЧІЙ ПЕРЕКАТЪ.

I.

Въ двадцатыхъ числа въ августѣ Серегинъ опять перекинулся на средній плесъ, подѣ Большіе Щуры. Такъ онъ и самъ говорилъ про себя — перекинулся: такая неспокойная была должность.

Сейчасъ же за половодьемъ провѣряли стержень на нижнемъ плесѣ, потомъ перекинули его на Завалы, гдѣ землечерпалка; три недѣли, петровками, маячилъ онъ на косахъ у деревни Большіе Щуры, а потомъ мѣсяца полтора обставлялъ судоходными знаками участокъ по Вычегдѣ. И только покончилъ, — срочная телеграмма кинула его вновь подѣ Щуры, гдѣ стали крѣпко садиться только-что пущенные большіе пароходы. Лѣто было засушливое, вода валилась, и жалобные ящики на судоходныхъ постахъ каждый день доставляли неприятность.

Назначеніе подѣ Щуры было Серегину въ радость: онъ и самъ собирался туда, хотя бы налетомъ. А когда-то онъ проклиналъ ихъ, эти Щуры. Маячники штрафились тамъ, какъ нигдѣ. Тамъ рѣка баловалась, играла перекатами и косами, ставила заманихи пароходамъ. Можетъ, и село понесло свое прозвище отъ этой игры. Тамъ и пѣсню такую пѣли:

«Отъ поры до поры
«Расходился Щуры!..

А теперь все здѣсь нравилось: и еловая чаща на кручахъ, и пески того берега, и вязкое побережье въ ключахъ, и валунъ, завалившійся къ самой водѣ, и самое имя — Большіе Щуры. Они таились за взгорьемъ и конечками крышъ хитро мигали пароводнымъ дымкамъ: а вотъ и мы, Большіе Щуры! а вотъ и нѣтъ насъ!

// л. 1

И какъ увидалъ съ парохода поспѣшавшаго на веслахъ Рыжаго Семена — маячника, приставилъ ладони и крикнулъ раскатисто во всю рѣку:

— Навастрива-ай!

Долгимъ стономъ отвѣтила ему еловая чаща, а сбитыя крикомъ чайки заплакали. И не отъ тоски, потому что не было здѣсь тоски: весело было на свѣтлой рѣкѣ. Радовались свѣжей краской баканы; висли внизъ головами рыжія ели, точно въ веселой игрѣ, вцѣпившись корнями въ тряскіе берега, а зеленые заглядывали на нихъ сверху; Ключи такъ сверкали, точно весь берегъ былъ въ серебрѣ. Все показалось Серегину яснымъ, веселымъ, добрымъ: даже валунъ улыбался каменной лысиной. Потому что судьба подарила ему здѣсь улыбку, и эта улыбка осталась на всемъ. Воздухъ былъ такъ звонокъ и чистъ, что Семень сразу призналъ, кто высокій стоитъ на кормѣ, загородивъ спиной падающее къ пескамъ солнце. Да и кому еще ѣхать сюда, на вязкіе берега, снизу!

А Серегинъ и киснуть-то не умѣлъ никогда, хоть все кругомъ кисло и морщилось. Да и некогда было киснуть. Когда жизнь играетъ вперекидку, — нѣтъ

времени задумываться и киснуть. Да и не пошла бы къ нему эта манера, разъ он могъ глядѣть черезъ головы, а руками выверты-

// л. 1 об

вать такіе вонь круглики, вѣвшіеся въ глину на четверть.

— Егоръ Ива-нычъ!

Серегинъ прыгнулъ въ Семенову лодку и остался стоять, качаясь на высокой волнѣ, провожаемый взглядами женщинъ, вольный, крѣпко загорѣвшій, веселый. Увидалъ свѣтлый валунъ и вспомнилъ, какъ въ бѣлой ночи не могъ спать, какъ охватилъ тогда накрѣпко этотъ холодный валунъ и вырвалъ изъ заѣвшей его, чмокнувшей глины. И все вспомнилъ. Стряхнулъ на затылокъ фуражку и руганулъ весело и Семена, и рѣку, и затихающій пароходъ:

— Раковъ все, черти, давите!

Подмигнувъ пароходу, сказалъ весело и Семень:

— Повертѣлся надъсь у косы... Та-чалъ капитанъ... шумнѣй!

— Съ вами будешь шумной!

А Семень подмаргивалъ про себя изъ-подъ драного картуза подъ пискъ ерзавшихъ весель. А когда Серегинъ доставалъ папиросу, призналъ жестяную коробочку съ крашеной бабочкой наверху. Показывалъ ему какъ-то Егоръ Ивановычъ эту коробочку, тыкалъ къ носу и говорилъ:

— Хорошъ я себѣ портсигаръ удѣлалъ?!

Чудакъ. А былъ у него настоящій портсигаръ, на прожинк], вычернены<й съ> высеребренной лошадиной головкой на крышкѣ. Взялъ да на его же глазахъ и швырнулъ въ рѣку. Хоть бы ему подарилъ! Ну, да все ра-

// л. 2

вно: потомъ онъ этотъ портсигаръ выловилъ.

— А портсигарчикъ-то вашъ надъшній ущупалъ я, рашницей досталъ. А этотъ у васъ, съ бабочкой какой былъ?

— Подгребайся, подгребайся... съ бабочкой! Съ солдаткой-то какъ?

— Хе-э... ничаво.

Отъ шалашика лаяла на воду рыжая Лиска съ бѣлоголовымъ кутенкомъ, и казалось, что въ чащѣ есть еще Лиска и тоже радуется.

Прямо съ ходу Серегинъ осмотрѣлъ запасные баканы, кучу ржавыхъ цѣпей, оглянулъ рѣку, привычно выискивая отсвѣты косъ и наносовъ.

— Какъ на скатѣ?

— У Таей, у долгой, новый перекатецъ задирать... Да отъ ее версту туды, квыше... заманиха ростъ стала на глыби... да къ буграмъ, жалились, что низвергло, да къ Каменьямъ...

— Ого! Ну, завтра поврешь — погляжу. Придется подъ якоря двоихъ со Щуровъ взять...

— Безпремѣнно, што взять... Братишку бы Степандина да...

— Лакомый, чортушка, до степанидиныхъ!

И какъ сказалъ про Шуры — заманило на сердцѣ. Поднялъ затертый чемоданчикъ и посмотрѣлъ къ чащѣ. И Семень покосился къ чащѣ.

— Стоять-то тамоди опять будете, въ жилищѣ?

— А-а...

// л. 2 об.

И русая головка голубоглазой Саши, съ ямочками-умилками на щекахъ, игривой, увертливой Саши, къ которой только и ѣхаль, о которой — теперь было ясно — только и думаль эти мѣсяцы рѣчной жизни, встала живой. Онъ толконуль легонько въ брыластую мордочку лизавшаго сапоги кутенка, далъ щелчка Лискѣ и пошелъ выбитой по осыпи тропкой. На заворотѣ посмотрѣлъ на пески того берега, осыпанные чернотой полоскавшихся въ ночи воронь, на опускавшееся солнце.

Возилъ онъ сколько разъ Сашу на эти пески. Тогда солнце играло въ ея глазахъ, и ушки ея просвѣчивали на этомъ солнцѣ. И не разъ покусывалъ онъ эти ушки и щекоталъ усами. И теперь, вспомнивъ, почувствовалъ радость, что она не такая, какъ всѣ: ни пески, ни темная чаща, ни крѣпкія до хруста объятія не сломили ее. Точно сейчасъ слышалъ податливо-робкій шопотъ:

— Ой, миленькой, не надо...

И ловилъ ее на пескахъ, и перегибалъ за плечи на томъ камнѣ, въ бѣлой ночи, мѣрялся съ ней глазами, близко-близко, видѣлъ въ нихъ притаившуюся робкую страсть — и жалѣлъ. Все могъ сдѣлать съ ней, юной совсѣмъ, — и жалѣлъ. Зналъ, что оставитъ ее черезъ день-другой, только приди телеграмма. А для забавы можно найти другое, чего не станешь жалѣть. Вотъ тогда, когда боролся съ собой, и вывернулъ изъ глины валунъ, только ушла она отъ него, слабая съ поцѣлуевъ. Такъ и осталось въ немъ съ той поры, жалостью залегло на сердцѣ такое простое:

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

// л. 3

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не сгадала бѣ, Егоръ иванычъ...

Смотрѣла лукаво, посмѣиваясь глазами, сѣрыми съ золотинкой, такими же грѣшными, какъ у Анисьи.

— Куда, грудашка?

— А за рыбкой... — сказала она, жеманясь, и облизнулась.

— Охъ, попадешься мужу! — весело оглянувъ ее, посмѣялся Серегинь.

— И не сказывайте! Ито по рыбку... Свекры все бажитъ, рыбки просить... Вильнула, посмѣиваясь и облизывая красныя губы. Серегинь пошелъ, покачивая чемоданчикомъ.

— А, Егоръ Иванычъ! Санюшку-то Милованову... выдали!

Точно дернула она его этимъ словомъ. Онъ остановился, не слыша земли, и глядѣлъ въ прыгающія степанидины губы.

— Только-только опослѣ Успенья свадьбу сыграли! И что позарились, на богатство! И рябь-то, и... Окрутили и окрутили живой рукой. Въ престоль ѣздили на Казанскую, въ Рожню, къ бабушкѣ... тамъ-отъ Санюшку и приглядѣлъ трактирщикова парень, косою который. Сватай и сватай! А отецъ-мать рады... гулять сталъ шибко Миколай-то у нихъ, все оженить думали. А дѣвка-то слабенькая, и грудишки-то у ней ягнячьи, куды бѣ ее отдавать! И даль-то какую, въ Рожню, болѣ двадцати верстъ. Ужъ и къ тестю прїѣзжали гоститься. А старикъ еще и поселъ все крутить... Ишла — видала: по улицѣ шатать, пѣсни ореть...

// л. 5

Не дослушалъ, пошелъ потихоньку въ Большіе Щуры. Темнѣло на тихой тропѣ, а потомъ яснѣть стало, какъ вышелъ на щуровскую полевину. Тутъ Серегинь присѣлъ на знакомый пенъ, досталъ «бабочку», закурилъ и смотрѣлъ на деревню. До половины казала она теперь высокія избы, съ окошечками-тройками подъ верхомъ.

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ день, тогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Сашурка! Такъ бы все стоялъ и смотрѣлъ, какъ кружилась она на коникѣ, подъ бисерными висюльками карусели, а ножки въ туфелькахъ — такія туфельки на Шекснѣ, въ Горицахъ, монашки продаютъ — мигали и прятались подъ голубой, вздувающейся пузыремъ, юбкой. Поигрывала она бойкими круглыми глазами, кидала ихъ въ звонкомъ кругомъ бѣгѣ, — ловила его бѣлую тужурку. Да и не трудно ловить, когда глазъ только и видитъ одно, и никого во всѣхъ Пунсахъ и по округѣ, какъ ни ищи, не найдешь такого, цѣлой головой выше попа Ивана со Срѣтенскаго погоста. А кругомъ жестяные голоса дудками звенятъ въ уши: и съ Ярославля, и съ Костромы, и съ Вологды:

— Кольца обмѣнныя, серебряныя-мѣнныя, товары отмѣнныя!..

— Брошки... ежели кому для Матрешки! Хороши сережки!..

— Эхъ, и зеркальцѣ, смотреть на лицо!.. Каждый мужикъ и баринъ будетъ благодарень...

— Отрада для души! Каньфеты хороши, лампасе особенное!..

— Эхъ, и дѣвки ядрѣны, орѣхи калѣны! Съ лѣсу-бору натрясѣны, на ярмонку привезѣны, родимые мои!..

Все смотрѣлъ, какъ кружится Саша — само счастье. Вотъ бери и неси. И смотрѣлъ такъ, точно хотѣлъ выхватить ее съ коника, смять съ голубымъ платьемъ, съ ножками въ туфелькахъ, съ задорными круглыми глазами, и понести съ собой очертя голову Можетъ, и есть-то всего на всей землѣ для него одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

// л. 5 об.

На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ деньтогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Саша, Сашурка, Шурка моя!

И вспомнилась русая коса и красная лента съ желтой прошивой, и голубое платье въ бѣлыхъ горошкахъ, съ позументовыми узорами на груди.

...А ножки! Такъ бы все стоялъ и смотрѣлъ, какъ кружилась она на коникѣвъ карусели, а ножки въ красныхъ атласныхъ съ золотцемъ туфелькахъ, — такія туфельки продають монашки въ Горицахъ, — мигали и прятались.

// л. 6

д) Более поздняя редакция с пропусками 8 лл.

Волчій перекаць.

I.

Въ двадцатыхъ числахъ августа Серегинъ опять перекинулся на средній плесъ, подъ Большіе Шуры. Такъ онъ и самъ говорилъ про себя — перекинулся: такая неспокойная была должность.

Сейчасъ же за половодьемъ провѣряли стержень на нижнемъ плесѣ, потомъ перекинули его на Завалы, гдѣ землечерпалка; три недѣли, петровками, маячилъ онъ на косахъ у деревни Большіе Шуры, а потомъ мѣсяца полтора обставлялъ судоходными знаками участокъ по Вычегдѣ. И только покончилъ, — срочная телеграмма кинула его вновь подъ Шуры, гдѣ стали крѣпко садиться только-что пущенные большіе пароходы. Лѣто было засушливое, вода валилась, и жалобные ящики на судоходныхъ постахъ каждый день доставляли непріятность.

Назначеніе подъ Шуры было Серегину въ радость: онъ и самъ собирался туда, хотя бы налетомъ. А когда-то онъ проклиналъ ихъ, эти Шуры. Маячники штрафились тамъ, какъ нигдѣ. Тамъ рѣка баловалась, играла перекатами и косами, ставила заманихи пароходамъ. Можетъ, и село понесло свое прозвище отъ этой игры. Тамъ и пѣсню такую пѣли:

«Отъ поры до поры
«Расходился Шуры!..

А теперь все здѣсь нравилось: и еловая чаща на кручахъ, и пески того берега, и вязкое побережье въ ключахъ, и валунъ, завалившійся къ самой водѣ, и самое имя — Большіе Шуры. Они таились за взгорьемъ и конечками крышъ хитро мигали пароходнымъ дымкамъ: а вотъ и мы, Большіе Шуры! а вотъ и нѣтъ насъ!

И обманъхъ былъ, что они близко: они были далеко отъ берега, версты на три, — крылись подъ кривымъ мѣстомъ.

И только узналъ, что приказано перекинуться къ этимъ Шурамъ, милымъ, хитрымъ Шурамъ, — дрогнуло сердце.

— Вотъ лафа!

А какъ увидалъ съ парохода глянувшій изъ-за гривки конекъ крайняго дома, только завидѣлъ на веслахъ Семена, лучшаго маяч-

// л. 7

ника по всему аплесу, приставилъ широкія ладони ко рту и крикнулъ такъ, что услышали бы и за гривкой:

— Навастрива-ай!

А еловая чаща отвѣтила долгимъ и глухимъ стономъ: а-ай!

И не отъ тоски, потому что не было здѣсь тоски: весело было на свѣтлой рѣкѣ. Радовались свѣжей краской баканы; висли внизъ головами рыжія ели, точно въ веселой игрѣ, вцѣпившись корнями въ тряскіе берега, а зеленыя заглядывали на нихъ сверху; Ключи такъ сверкали, точно весь берегъ былъ въ серебрѣ. Все показалось Серегину яснымъ, веселымъ, добрымъ: даже валунъ улыбался каменной лысиной. Потому что судьба подарила ему здѣсь улыбку, и эта улыбка

осталась на всемъ. Воздухъ былъ такъ звонокъ и чистъ, что Семень сразу призналъ, кто высокій стоитъ на кормѣ, загородивъ спиной падающее къ пескамъ солнце. Да и кому еще ѣхать сюда, на вязкіе берега, снизу!

— Егоръ Ива-нычъ!

Серегинъ прыгнулъ въ Семенову лодку и остался стоять, качаясь на высокой волнѣ, провожаемый взглядами женщинъ, вольный, крѣпко загорѣвшій, веселый. Увидаль свѣтлый валунъ и вспомнилъ, какъ въ бѣлой ночи не могъ спать, какъ охватилъ тогда накрѣпко этотъ холодный валунъ и вырвалъ изъ заѣвшей его, чмокнувшей глины. И все вспомнилъ. Стряхнулъ на затылокъ фуражку и руганулъ весело и Семена, и рѣку, и затихающій пароходъ:

— Раковъ все, черти, давите!

Подмигнувъ пароходу, сказалъ весело и Семень:

— Повертѣлся надысь у косы... Та-чалъ капитанъ... шумной!

— Съ вами будешь шумной!

А Сухощавый Семень потряхивая сизой бородкой, подмигнувъ въ сторону уходившаго бѣлаго парохода и сказалъ весело:

// л. 7 об.

— Хорошъ я себѣ портсигаръ удѣлалъ?!

Чу-дакъ! А былъ у него настоящій портсигаръ, на пружинкѣ. На его глазахъ тогда и зашвырнулъ въ рѣку, хоть бы ему подарилъ!

— А портсигарчикъ-то вашъ надышній ущупалъ я, рашницей досталъ. А этотъ у васъ, съ бабочкой какой былъ?

— Подгребайся, подгребайся... съ бабочкой! Съ солдаткой-то какъ?

— Хе-э... ничаво.

Отъ шалашика лаяла на воду рыжая Лиска съ бѣлоголовымъ кутенкомъ, и казалось, что въ чащѣ есть еще Лиска и тоже радуется.

Прямо съ ходу Серегинъ осмотрѣлъ запасные баканы, кучу ржавыхъ цѣпей, оглянулъ рѣку, привычно выискивая отсвѣты косъ и наносовъ.

— Какъ на скатѣ?

— У Таей, у долгой, новый перекатецъ задирать... Да отъ ее версту туды, квыше... заманиха ростъ стала на глыби... да къ буграмъ, жалились, что низвергло, да къ Каменьямъ...

— Ого! Ну, завтра поврешь — погляжу. Придется подъ якоря двоихъ со Щуровъ взять...

— Безпремѣнно, што взять... Братишку бы Степандина да...

— Лакомый, чортушка, до степанидиныхъ!

И какъ сказалъ про Шуры — заманило на сердцѣ. Поднялъ затертый чемоданчикъ и посмотрѣлъ къ чащѣ. И Семень покосился къ чащѣ.

— Стоять-то тамоди опять будете, въ жилищѣ?

— А-а...

И русая головка голубоглазой Саши, съ ямочками-умилками на щекахъ, игривой, увертливой Саши, къ которой только и ѣхалъ, о которой — теперь было

ясно — только и думалъ эти мѣсяцы рѣчной жизни, встала живой. Онъ толкнулъ легонько въ брыластую мордочку лизавшаго сапоги кутенка, далъ щелчка Лискѣ и пошелъ выбитой по осыпи тропкой. На заворотѣ посмотрѣлъ на пески того берега, осыпанные чернотой полоскавшихся въ ночи воронъ, на опускавшееся солнце.

// л. 8

Возилъ онъ сколько разъ Сашу на эти пески. Тогда солнце играло въ ея глазахъ, и ушки ея просвѣчивали на этомъ солнцѣ. И не разъ покусывалъ онъ эти ушки и щекоталъ усами. И теперь, вспомнивъ, почувствовалъ радость, что она не такая, какъ всѣ: ни пески, ни темная чаща, ни крѣпкія до хруста объятія не сломили ее. Точно сейчасъ слышалъ податливо-робкій шопотъ:

— Ой, миленькой, не надо...

И ловилъ ее на пескахъ, и перегибалъ за плечи на томъ камнѣ, въ бѣлой ночи, мѣрлся съ ней глазами, близко-близко, видѣлъ въ нихъ притаившуюся робкую страсть — и жалѣлъ. Все могъ сдѣлать съ ней, юной совсѣмъ, — и жалѣлъ. Зналъ, что оставить ее черезъ день-другой, только приди телеграмма. А для забавы можно найти другое, чего не станешь жалѣть. Вотъ тогда, когда боролся съ собой, и вывернулъ изъ глины валунъ, только ушла она отъ него, слабая съ поцѣлуевъ. Такъ и осталось въ немъ съ той поры, жалостью залегло на сердцѣ такое простое:

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не сгадала бѣ, Егоръ Иванычъ...

// л. 8 об.

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ день, тогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Сашурка! Такъ бы все стоялъ и смотрѣлъ, какъ кружилась она на коникѣ, подъ бисерными висюльками карусели, а ножки въ туфелькахъ — такія туфельки на Шекснѣ, въ Горицахъ, монашки продаютъ — мигали и прятались подъ голубой, вздувающейся пузыремъ, юбкой. Поигрывала она бойкими круглыми глазами, кидала ихъ въ звонкомъ круговомъ бѣгѣ, — ловила его бѣлую тужурку. Да и не трудно ловить, когда глазъ только и видитъ одно, и

никого во всѣхъ Пунсахъ и по округѣ, какъ ни ищи, не найдешь такого, цѣлой головой выше попа Ивана со Срѣтенскаго погоста. А кругомъ жестяные голоса дудками звенять въ уши: и съ Ярославля, и съ Костромы, и съ Вологды:

— Кольца обмѣнные, серебряныя-мѣнные, товары отмѣнные!..

— Брошки... ежели кому для Матрешки! Хороши сережки!..

— Эхъ, и зеркальцò, смотреть на лицо!.. Каждый мужикъ и баринъ будетъ благодарень...

— Отрада для души! Канѣфеты хороши, лампасье особенное!..

— Эхъ, и дѣвки ядрѣны, орѣхи калѣны! Съ лѣсу-бору натрясѣны, на ярмонку привезѣны, родимые мои!..

Все смотрѣль, какъ кружится Саша — само счастье. Вотъ бери и неси. И смотрѣль такъ, точно хотѣль выхватить ее съ коника, смять съ голубымъ платьемъ, съ ножками въ туфелькахъ, съ задорными круглыми глазами, и понести съ собой очертя голову Можетъ, и есть-то всего на всей землѣ для него одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

Купилъ онъ и зеркальце въ росписной жести, и жестяную баночку съ леденцами, сбившимися въ пестрый комокъ, и голубенькую змѣйку — браслетку. Насоваль ему торгошъ полны карманы и медовыхъ жемковъ, и бѣлыхъ, и розовыхъ пряниковъ, и фальшивый двугривенный сдачи. Ушелъ онъ съ ярмарки, поджидалъ на лѣсной закраинѣ, у этого пня. Тогда была ночь — бѣлый день, бѣлая ночь. Темныя избы поглядывали коньками крышъ, щурились. Видѣли, какъ одна рука прижимала закружившуюся свѣтлую головку, нажимала разгорѣвшуюся щеку на холодную пуговицу, а другая совала въ ускользящую куда-то карманъ — была тамъ каменная баночка помады — все, насыпаль плутоватый торгошъ: и пряники, и слюнявую карамельку-гадалку, и голубенькую змѣйку, и зеркальце, и фальшивый двугривенный. И Саша смѣялась короткимъ смѣшкомъ, повизгивала со щекотки, и льнула, и не давалась. И пахло отъ ея головы сладкой помадой.

— ...Ой, миленькой, не жми...

Подбирала ноги подъ платье, не уходила и не давалась, все оглядывалась на засыпавшія избы и все пугалась.

// л. 9

— ...Ой, мамынька меня...

— Саша! — сказалъ Серегинъ, смотря въ край деревни. — И нѣту тебя...

Онъ пошелъ полевой загородиной, знакомой дорогой. Три недѣли ходилъ онъ здѣсь, — на рѣку и съ рѣки, — когда работаль на берегу, и ходила здѣсь голоногая въ будни Саша, носила ему обѣдать къ камню. Поглядывала на него въ сторонкѣ. Потомъ пересмѣивались глазами. Потомъ полюбились.

Желтобурыя щетки жнивья глядѣли голо и холодно въ сумеркахъ, только чертополохъ силой засѣлъ на межахъ съ черножелтыми пуговками ржавой дикой рябинки. Уже не было стрѣляющихъ въ просторѣ стрижей, только черное галочье шумѣло въ холодѣющемъ небѣ, кружило надъ избами, кричало, что идетъ осень.

Въ сѣрыхъ рядахъ стояли пышно разубранныя рябины, точно краснокафтанная стража, затесавшаяся въ сѣрую толпу мужиковъ. Стайки жирѣвшихъ гусей звонко трубили, подвигаясь къ ночлегамъ, и въ крикъ ихъ чуялись холода. Черныя пугалы пялили руки въ заходождѣвшихъ пустыхъ огородахъ — гдѣ все? Неуютомъ и холодомъ смотрѣло все здѣсь, и не хотѣлось итти.

И все же пошелъ.

Пьяный, косоватый Андронъ распояской бродилъ подъ избой, постукивалъ топоромъ объ стѣны — искалъ работы.

— Ягоръ Ива-нычъ!

Вогналъ въ стѣну топоръ и полѣзъ цѣловаться.

— Чисто подгадалъ я — трехъ барашковъ намедни принялъ... Дочку выдалъ, Ягоръ Иванычъ, живое дѣло!

Угощали бараниной, рассказывали про свадьбу.

— По-четъ какой... становой, Ягоръ Иванычъ, пировалъ! Полулодокъ у сватьюшки-то, оень укупаетъ... Первомѣсто мнѣ теперь въ трактирѣ у ево. Самъ бы Саньку уцопилъ, да жена жива, вотъ какой! Будетъ она у ихъ въ дому баженая, пуще хозяйки...

— Будетъ зря молотъ-то! — ступилась на него Марья, такая же круглоглазая, какъ и Саша.

// л. 9 об.

И въ избѣ было пусто и холодно, какъ на водѣ, и все еще стоялъ здѣсь тошный и горькій духъ пьянаго праздника. Долго не могъ уснуть Серегинъ. Думалъ о Сашѣ, о своей незадачливой, неуютной жизни. Думалъ, что недалеко Еловая Рожня, что живетъ же Саша на свѣтѣ. И въ бессонной ночи казалось опять, что было на всей землѣ для него только одно, только одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

// л. 10

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не сгадала бѣ, Егоръ иванычъ...

Смотрѣла лукаво, посмѣиваясь глазами, сѣрыми съ золотинкой, такими же грѣшными, какъ у Анисьи.

— Куда, грудашка?

— А за рыбкой... — сказала она, жеманясь, и облизнулась.

— Охъ, попадешься мужу! — весело оглянувъ ее, посмѣялся Серегинь.

— И не сказывайте! Ито по рыбку... Свекры все бажитъ, рыбки просить... Вильнула, посмѣиваясь и облизывая красныя губы. Серегинь пошелъ, покачивая чемоданчикомъ.

— А, Егоръ Иванычъ! Санюшку-то Милованову... выдали!

Точно дернула она его этимъ словомъ. Онъ остановился, не слыша земли, и глядѣлъ въ прыгающія степанидины губы.

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ деньтогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Саша, Сашурка, Шурка моя!

И вспомнилась русая коса и красная лента съ желтой прошивой, и голубое платье въ бѣлыхъ горошкахъ, съ позументовыми¹

// л. 10 об.

Всегда передъ нимъ стоялъ полный стаканъ. И всегда видѣлъ — вотъ-вотъ, близко совсѣмъ, — играющіе, несбыточные глаза, и въ нихъ такое, такое... какъ сказка.

...Что за вино! Пьешь — больше хочется. Еще бутылку несетъ Иванъ. теперь красное начали... вотъ ши-кують!

Разсказывалъ о бучахъ въ водополье, о крестахъ, о погостахъ. Сыпалъ пословицами. Вытащилъ «бабочку», положилъ на столъ, и лежала она рядышкомъ съ золотымъ портсигаромъ въ буквахъ. Смотрѣлъ сбоку, какъ попиваетъ она глоточками, точно цыпленокъ, эта чудесная женщина, сама красота. Совсѣмъ близко взглянулъ — свѣтлые круглые глаза... Сашины глаза! А изъ души не шла камнемъ навалившаяся тоска. И вино не брало ее. Говорилъ о Шурахъ, какія хитрыя бываютъ мѣста на рѣкахъ. Тамъ и пѣсня такая есть: «отъ поры да до поры разыгрались Шуры!»

Опять кричали пароходъ, спрашивалъ ночь, тише шлепалъ колесами. Приглядѣлся Серегинь — часто стоятъ баканы, знакомое мѣсто.

— Рожня, никакъ... — сказалъ старичокъ, дремавшій у стѣнки.

— Самая она...

Серегинь подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ запотѣлость, смотрѣлъ на невидные берега. Рожня! Ни огонька не было на горѣ, и горы не было, и села съ синими пузатыми куполами въ звѣздахъ, и трактира на самомъ вѣнцѣ горы. Прижался лицомъ къ стеклу — ничего.

— ...Сашура! — позвалъ онъ. — Чуешь ли?!

Стиснулъ зубы, сдавилъ глаза, задавилъ въ себѣ нежданно запросившіяся слезы.

---

¹ Предложение не закончено.

Онъ сидѣлъ, наклонившись и отвернувшись, не думая уже, — прилично ли такъ, — смотрѣлъ на сапогъ, а губы дрожали, и хотѣлось бы закричать, побѣжать куда-то, разметаться.

— Ну, скажите... — нарушила молчаніе пѣвица. — Вы довольны своей судьбой?

Она такъ тепло посмотрѣла, такъ участливо спрашивала.

— Судьбой... — сказалъ онъ, не подымая головы, забывая, прилично ли. — Судьба моя... невеселая, сударыня...

Встряхнулся, взглянулъ на нее и улыбнулся грустно.

— Все бываетъ.

Прошелся по салону, понюхалъ розовые цвѣты, которые ничѣмъ не пахли, взглянулъ на часы — второй. Пѣвица постукивала ложечкой.

— А вы далече изволите? Туда-съ... Тамъ теперъ ярмарка начинается. По торговымъ дѣламъ изволите ѣхать?

— О, нѣтъ! — разсмѣялась пѣвица. — Почему вы думаете, что мы по торговымъ дѣламъ?

Посмотрѣла на баритона. Тотъ смѣялся глазами — по торговымъ дѣламъ!

— Такъ, ошибся, конечно... Слышалъ — коммерческій разговоръ, думаю — по торговымъ дѣламъ...

Смотрѣлъ на нее съ простоватой улыбкой.

— Нѣтъ, мы не по торговымъ дѣламъ... — сказала пѣвица задумчиво. — Не по торговымъ...

Она подошла къ піанино, открыла крышку, посмотрѣла на черное окно. Задумалась. Постояла и тихо опустила крышку.

— Вѣтеръ какой!

Кажется, никогда не утихнетъ вѣтеръ, не перестанетъ дождь, не кончится непогожая ночь, стоящая за пароходомъ. Ни эти рвущіе ночь гудки.

— Не маячи-ить! — кричалъ все тотъ же не устающій голосъ.

— Не маячи-ить! — подавалъ выше, подъ темнымъ небомъ.

— Вы женаты?

— Нѣтъ-съ. У меня ни жены, ни сестры... ни мамы...

Она посмотрѣла на него по-другому, чѣмъ раньше. Такой огромный, медвѣжій человекъ, а сказалъ такъ, по-ребячьи, такъ нѣжно, — ни мамы.

...Что она смотреть такъ? Вѣдь она ничего не знаетъ.

И понялъ — жалѣеть.

А если ей рассказать... Она пожалѣетъ... А тотъ ужъ дремлетъ, упился...

Серегинъ смотрѣлъ въ переднее, черное окно, по которому струились капли. Поднялся, вглядываясь. Ну да, самый и есть, Волчій Перекатъ. Надвигается линія бакановъ, частыхъ огней.

— ...Приду, Саша! — сказалъ онъ невиднымъ берегамъ.
— Не тутъ родина ваша? — услыхалъ онъ играющей голосъ.
— Нѣтъ, сударыня. Родина моя далече отсюда...
Подумалъ, было, — сказать? Посмотрѣлъ въ себя, посмотрѣлъ на столикъ съ ведеркомъ, — нѣтъ.
— Скоро уходитъ вамъ?
— Да... полчаса, не больше...
Онъ сидѣлъ, наклонившись и отвернувшись, не думая уже, — прилично ли такъ, — смотрѣлъ на сапогъ, а губы дрожали, и хотѣлось бы закричать, побѣжать куда-то, разметаться.
— Ну, скажите... — нарушила молчаніе пѣвица. — Вы довольны своей судьбой? Она такъ тепло посмотрѣла, такъ участливо спрашивала.
— Судьбой... — сказалъ онъ, не подымая головы, забывая, прилично ли. — Судьба моя... невеселая, сударыня...
Встряхнулся, взглянулъ на нее и улыбнулся грустно.
— Все бываетъ.
Прошелся по салону, понюхалъ розовые цвѣты, которые ничѣмъ не пахли, взглянулъ на часы — второй. Пѣвица постукивала ложечкой.
— А вы далече изволите? Туда-съ... Тамъ теперь ярмарка начинается. По торговымъ дѣламъ изволите ѣхать?
— О, нѣтъ! — разсмѣялась пѣвица. — Почему вы думаете, что мы по торговымъ дѣламъ?
Посмотрѣла на баритона. Тотъ смѣялся глазами — по торговымъ дѣламъ!
— Такъ, ошибся, конечно... Слышалъ — коммерческой разговоръ, думаю — по торговымъ дѣламъ...
Смотрѣлъ на нее съ простоватой улыбкой.
— Нѣтъ, мы не по торговымъ дѣламъ... — сказала пѣвица задумчиво. — Не по торговымъ...
Она подошла къ піанино, открыла крышку, посмотрѣла на черное окно. Задумалась. Постояла и тихо опустила крышку.

// л. 12

...Эхъ, ей бы сказать, пожалѣла бы съ такими глазами, маленькая...
— Счастливо оставаться!
Она протянула ему маленькую холодную руку, которую онъ боялся пожать, — такая она была крохотная.
— Вы будете счастливы... — сказала она съ чувствомъ, въ порывѣ вдругъ поднявшейся жалости къ нему, уходящему въ ночь. — Желаю вамъ... и хочу, чтобы вы были счастливы!
Онъ поклонился неуклюже, тронутый такой неожиданностью, вѣря сердечности нѣжнаго голоса. Поклонился молча курившему рухляку.
— Мое по-чтенье!

Оглянулъ салонъ, точно искалъ свой чемоданчикъ и плащъ, оставленные у вахтеннаго. Увидаль дремлющаго у стѣнки официанта, долго рылся въ карманахъ, вытаскивая какія-то бумажки, отыскивая кошелекъ.

— Семьдесятъ копеечекъ съ васъ, Егоръ Ивановичъ. Нѣту — потомъ отдадите.

— Какъ нѣтъ, какъ нѣтъ...

Сунулъ рубль бокомъ, наспѣхъ, поклонился къ столу и вышелъ на палубу. На него пахнуло вѣтряной мокрой ночью.

— Бѣдный... — вздохнула пѣвица.

— Ммда... — отозвался баритонъ. — Мнѣ показалось, вы ему пѣть хотѣли...

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да, я хотѣла бы спѣть ему... Хотѣла бы спѣть всѣмъ... всѣмъ этимъ пустымъ просторамъ...

// л. 12 об.

— Вы напрасно, дорогая. Я не смѣюсь... Я бы и самъ ему спѣлъ.

Пѣвица переплела пальцы, положила на нихъ подбородокъ и задумалась.

— Да, я хотѣла спѣть, и почему-то было стыдно... Я пѣла на пароходахъ, но теперь... мнѣ показалось это такимъ... Что бы я стала пѣть? Онъ, вѣроятно, никогда ничего не слыхалъ... Но что бы я стала пѣть ему? «И тихо, и ясно, и пахнетъ сиренью?» Что-нибудь бодрое? А онъ послушаетъ и пойдетъ въ ночь?.. Мы можемъ пѣть съ вами тамъ, въ залахъ, рядамъ... а *здѣсь* надо что-то другое пѣть, въ этой жути, какую-то страшную симфонію... Она творится здѣсь, я ее чувствую, эту великую симфонію... Мои пѣсенки были бы здѣсь насмѣшкой, какимъ-то пискомъ. Да, да!.. Сюда надо итти не съ подаяньемъ!.. А когда-нибудь и здѣсь будутъ пѣть... другіе...

Она позванивала ножичкомъ по лафитничку.

— Прикажете убирать-съ? — спросилъ официантъ.

— Ну, хорошо-съ, — сказалъ баритонъ. — Представимъ себѣ, что всѣ эти наши «пѣсенки»...

На палубѣ пороло дождемъ. Со свѣту ничего не было видно. Говорили вахтенные, что былъ огонь съ берегу, а вотъ нѣту. Звалъ и звалъ пароходъ.

— Даютъ? — кричалъ Серегинъ капитанскому мостику.

— А чортъ ихъ знаетъ! — сердито отвѣчалъ мостикъ. — Баканы горять — есть кто-нибудь...

Гдѣ берега? Непроглядная темень съ покачивающимися какими-то голыми огоньками.

// л. 13

— Даетъ! — крикнули отъ кормы голоса.

— Въ корму води-и! — заревѣлъ рупоръ.

Завозились кожаныя куртки въ свѣтъ фонарика, поднялись черныя жерди и упали: багры зацѣпили невидно подобравшуюся лодку.

— Готова-а!

Серегинъ прыгнулъ. За нимъ кинули чемоданчикъ. Подняло и швырнуло въ хлябь. Отходили свѣтлыя окна салона, узились, завернулись. Дальше, дальше

уходили боковые огни, свѣтя на прыгающіе волны, пуская два долгихъ расходящихся вала, унося тыльный рубиновый огонь. Уже не было ихъ, а этотъ кормовой огонекъ становился недвижимъ и уже не живымъ былъ, а покачивался на вольныхъ волнахъ рядовымъ унылымъ баканомъ. Дольше всего держался бѣлый на невидной мачтѣ, и не разобрать было — парходъ ли шелъ гдѣ вдали, звѣздочка ли глядѣлась въ прорывѣ неба.

// л. 13 об.

— Да вы молодецъ! — сказала пѣвица. — Расскажите намъ еще что-нибудь. Такъ мы скучали все время...

Онъ былъ счастливъ, что она говоритъ съ нимъ и такъ смотреть. Какая женщина! Скажи ему — и по одному ея слову, за эту невиданную улыбку, въ этотъ нѣжный, пѣвучій голосъ, отъ котораго съ чего-то понывало сердце, онъ готовъ былъ бы перебить всѣхъ медвѣдей, пойти на нихъ съ голыми руками. А легкая какая, субтиленькая! Онъ рассказалъ имъ, какъ былъ разъ подъ медвѣдемъ, какъ взялъ рысь однѣми руками — ободрала, шельма, плечо! — какъ подъ Архангельскомъ, — тамъ рѣка, господа, ка-кая! версты! — переходилъ въ ледоходъ. Объ этомъ писали въ газетахъ. Ну, это когда былъ моложе, конечно. Теперь дорожить жизнью. Зажигалъ передъ ней, передъ этой чудесной розовой женщиной, весь жаръ, который таился въ душѣ. Былъ счастливъ, что она такъ глядитъ, — и вдругъ стало не по себѣ: замѣтилъ, какъ она наклонилась къ скучному рухляку и что-то шепнула.

// л. 14

е) Еще более поздняя редакция, без конца
Машинопись с авторской правкой 14 л.

ВОЛЧІЙ ПЕРЕКАТЪ.

І глава.²

Баритонъи лирическая пѣвица завершалим артистическую поѣздку.

Ихъ провожали оваціями. Баритонъ прижималъ руку и посылалъ поцѣлуи, пѣвица разоряла поднесенный букетъ, гимназисты ловили ея пальцы и щекотали губами. Все это очень мѣшало спѣшившимъ съ догрузкой. Катились скрипучія бочки съ сахаромъ, синія — съ керосиномъ, неслись на плечахъ дробнымъ шажкомъ, какъ маленькіе дома, громоздкіе ящики, пугали щебечущую толпу придушенные оберегающіе голоса:

— Пу-скай... дорогу!..

Можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ, но пѣвица выбрала пароходъ. Баритонъ убѣждалъ, что въ концѣ августа ѣхать по рѣкѣ вовсе не интересно, можетъ измѣниться погода, что они, наконецъ, рискуютъ. Говорилъ о туманахъ, о возможности застрять на мели. Но пѣвица настаивала. Она не бывала въ этихъ пустынныхъ краяхъ, гдѣ въ тихихъ селеніяхъ дремлютъ старенькія церквушки, гдѣ по погостамъ — тамъ есть такіе погосты — притаилась сиротливая жизнь. Наконецъ, хотѣла отдохнуть на водѣ, гдѣ всегда чувствуешь себя хорошо.

Ихъ импрессарио — онъ же и піанистъ — поѣхалъ впередъ — налаживать дѣло, а баритону пришлось уступить.

// л. 15

Пока они сядутъ на небольшой пароходъ, а съ половины дороги — тамъ вода позволяетъ — поѣдутъ на самоновѣйшемъ, большемъ и роскошномъ, со всѣми удобствами. Общество можетъ гордиться своими «американцами», и пусть не подумаютъ, что полный комфортъ можно получить только на Волгѣ.

Такъ сказалъ имъ пароходный агентъ.

— На этомъ пароходѣ ѣхалъ министр!

Агентъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и галантно добавилъ:

— Вы дѣлаете намъ честь.

Когда народъ отвалилъ, пѣвица сказала устало:

— Надоѣли.

— Въ ушахъ какъ кузнечики... — добавилъ съ кислымъ лицомъ баритонъ.

Походили по палубѣ, провожаемые косящими взглядами двухъ крѣпышей — штурвальныхъ, въ угрюмой сосредоточенности вертѣвшихъ туда и сюда колесо. Приглядывались, кто ѣдетъ. Публики не было. На затрубной части, подъ дымомъ, посаживали простые люди.

— Кажется, мы одни... — сказалъ баритонъ. — Да тутъ всегда такъ.

— Я рада, — сказала пѣвица. — Какая милая простота!

Хорошо и покойно было вокругъ. Плыли берега, слоистые отъ опадавшей за лѣто воды, въ лознячкѣ, уже потерявшіе куличковъ-свистуновъ, полетѣвшихъ къ югу. Крестами стояли въ высокихъ мыскахъ полосатыя мачты съ отдыхающими

---

² І глава *вписано*.

воронами. Еловыя гривки падали въ пустые дуга. Широко сидѣли по взгорьямъ деревни. Лѣнливо кружили крестами одинокіе вѣтряки.³

// л. 15 об.

Въ салонѣ перваго класса сидѣлъ въ уголкѣ батюшка въ фіолетовой рясѣ, съ падающими на столъ волосами, и вычерпывалъ изъ тарелки, шумно похлебывая. Они просмотрѣли карту и заказали обѣдъ.

— Врядъ ли найдется порядочное вино... — сказалъ баритонъ, морщась.

— Какое-съ! — отозвался батюшка, выплевывая въ тарелку. — У нихъ и лимонадъ-то съ фальсификаціей. Налимью уху вонъ ставятъ сорокъ копеекъ, а что подали, — одни хвостики!

Баритонъ повелъ бровью, а пѣвица отвернулась къ окну и беззвучно смѣялась.

Плыли рыбы заколы, синіе дымки костерковъ у шалашиковъ, золотистые водопадики текущихъ съ откоса пошелковъ. Пестрыми лоскутками попрыгивала дѣтвора, звонкая, какъ стекло.

Капи-танъ, капи-танъ!

Наши день-ги укралъ!...

— Ти-та-та... ти-та-та... — повторила пѣвица, попросила дать ей стекла съ большого стола и стала вызванивать на лафитничкахъ.

— Очень похоже-съ, — сказалъ, улыбаясь, батюшка. — Точная копія!

До вечера смотрѣли они изъ салона. Берега стало заливать вечернимъ солнцемъ. Золотистыми пятнами глядѣли въ лѣсныхъ углахъ новыя сторожевыя избы, пылали ихъ пузырьчатыя оконца. Баканы зажигали огни, а сумерки все не уходили.

// л. 16

— На сѣверѣ всегда такъ... — отзывается собесѣдникъ. — И потомъ конецъ августа... Вамъ не холодно?

Она еще глубже прячетъ въ пушистый мѣхъ блѣдное лицо и отрицательно качаетъ головой. Смотритъ въ темноту, куда гдѣ куда увѣренно устремляется пароходъ.

— Нѣтъ, право хорошо... — говоритъ она. — Какая чернота... жутко... И эти огни... плывутъ, плывутъ... Какой дождь! И какъ-то странно представить себѣ, что гдѣ-то кругомъ, въ этой тьмѣ люли... Слѣдятъ за нами... зажигаютъ огни... Сейчасъ они подъ дождемъ... въ этихъ шалашикахъ... а кругомъ глушь... а мы здѣсь... какъ на островѣ...

— И сейчасъ будемъ ѣсть паровую семгу...

Потомъ они говорятъ, въ десятый разъ о предстоящемъ послѣ завтра концертѣ, о томъ, что они и тому и другой хорошее извѣстно и о чемъ они уже говорили.: о своемъ импресарио, о зимнемъ сезонѣ, о томъ городѣ, куда ѣдутъ и гдѣ ихъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ждутъ.

³ *Далее было:* — Родное, милое... — мечтательно говорила пѣвица. — Какой воздухъ! — Но сыровато, — сказалъ баритонъ, поглаживая горло. — Не лучше ли изъ салона?

— Странно... — задумчиво говоритъ дама, всматриваясь въ темноту за окно<.> Мы ѣдемъ уже тысячу верстъ, и почти ни одного города... Точно пустыня кругомъ. Лѣса, лѣса... Если вдуматься... Здѣсь... здѣшніе — вѣдь живутъ же здѣсь кто-нибудь.... Не для насъ же только этотъ пароходъ<.>

Ея собесѣдникъ всталъ и позвонилъ.

— Конечно живутъ... «дере-венскіе, русскіе люди...» Милѣйшій, когда же вы, наконецъ подадите?..

Лакей предупредительно отвѣчаетъ — сію минуту-съ и уходитъ.

— Да, мы, дѣйствительно, бѣдны, бѣдны... — говоритъ она, откидываясь въ мягкую глубину кресла. — Да... Огромные просторы... Сколько ихъ проѣхали! и рѣдкіе золотыя точки... гдѣ люди любятъ и понимаютъ искусство, красоту... смыслъ жизни...

Пауза. Господинъ проглядываетъ преисъ-курантъ. Розовыя шапки гортензіи щекочутъ его гладко выбритую щеку.

// л. 16 об.

Уходя, батюшка сказалъ:

— Въ седьмомъ часу, поутру, и погость мой. Позвольте съ вами распроситься и пожалеть добраго здоровья. Пріятно время провели.

И Когда вышелъ, пѣвица долго смѣялась...

— Пріятно... пріятно провели... ха-ха-ха...

— Вы нервничаете, дорогая... — сказалъ баритонъ.

Утромъ они пересѣли въ какомъ-то растрепанномъ поселкѣ на большой бѣлый пароходъ, который носилъ славное имя — Чайковскій.

— Какъ это пріятно, — показала пѣвица на золотыя буквы по бѣлому. — Лѣса, глушь, и вотъ... Это символъ.

— Тутъ и читать-то не умѣютъ!

Это былъ, дѣйствительно, прекрасный пароходъ, недавно спущенный, на которомъ ѣхалъ министръ. Было пріятно видѣть большой свѣтлый салонъ, въ красномъ деревѣ, бронзѣ и кожѣ, свѣжія скатерти, разноцвѣтный хрусталь, розовыя шапки гортензіи надъ серебромъ, зеркальныя, во всю стѣну, окна, мягкіе диваны и піанино. Отъ него еще пахло лачкомъ и слабымъ камфорнымъ духомъ.

— Какъ мило... даже цвѣты!

Съ палубы смотрѣли они на поселокъ.

// л. 17

Было пасмурно. Красныя ящики товарныхъ вагоновъ, тамъ и сямъ разбросанныя стройки безъ крышъ — говорило, что это только-только устраивающійся городокъ. Гулко скатывали бревна гдѣ-то, громыхало желѣзо. Толклись крючники, мужики съ кнутьями, бабы съ пирогами, молодцы съ желтыми аршинчиками въ кармашкахъ, съ пачками накладныхъ; степенный, рыжебородый, съ намасленными волосами, съ картинкой храма на широкой груди, собирающій на недостроенную церковь, — и ни одного отдыхающаго лица. Три слѣпца, ухватившись за кафтаны, стояли у края пристани, поднявъ пустые

глаза въ сѣрое небо, и причитали. Мальчикъ-поводырь, перекосивъ лицо, жестоко скребъ въ головѣ. Щелкалъ на вѣтру флагъ.

А и кто насъ бу-детъ поити-кормити,

Отъ темнаи ночи укрывати!..

— Будни... — показала на все пѣвица.

И опять все тянулись изрытые берега, замутившіяся, въ бѣлыхъ гребешкахъ, воды, захмурившіеся лѣса. На одной пристани, гдѣ ничего не было, кромѣ сарая и лѣса за нимъ, выгрузили піанино. Его выкатили парходные молодцы и поставили къ горкѣ мѣшковъ. Мужикъ къ полушубкѣ потыкалъ кнутомъ въ доски.

— Стекла, што ль?

— Кто-то живетъ здѣсь, любитъ искусство... — мечтательно сказала пѣвица.

Вспомнила батюшку, и забитое въ доски піанино показалось ей жалкимъ и лишнимъ здѣсь.

За завтракомъ она сказала задумчиво на какія-то свои мысли:

— Ну, да... Но вотъ... въ деревнѣ у насъ, въ усадьбѣ, я пѣла... Къ намъ стало столько народу приходило, заборы ломали. Приходили послѣ работы, изъ другой деревни...

// л. 17 об.

А они нѣтъ-нѣтъ да и появлялись — то бородатые, то румяные и безусые, то сумрачныя — бабы, то веселыя — дѣвичьи лица. Выходили изъ какихъ-то лѣсныхъ своихъ деревень. Куда-то, зачѣмъ-то ѣхали. Иногда съѣзжали на такіе же пустынные берега.

Кто-то радостно крикнулъ:

— Эна, журавли-и!

Пѣвица долго глядѣла въ сѣрое небо. Ползли тяжелыя облака, — вотъ-вотъ начнетъ сѣять дождемъ, — а подъ ними двѣ веревочки уголкомъ, темнѣющія узелками. Да, журавли... Три сѣрыхъ креста стояли на берегу.

— Что это значить... кресты? — спросила пѣвица у капитана, съ грубымъ бурнымъ лицомъ, къ которому совсѣмъ не шла маленькая фуражка.

— Кресты... — повторилъ онъ раздумчиво. — У насъ тутъ много крестовъ. Погибшіе которые... по разнымъ случаямъ...

И, разглядѣвъ какое у ней красивое, нѣжное лицо и какіе славные мечтательные глаза, мягко добавилъ:

— Скучныя наши мѣста, сударыня!

Онъ былъ изъ лоцмановъ и изъ всѣхъ вѣжливостей зналъ развѣ только одно это слово — сударыня. И отвѣтивъ на два — на три вопроса, поднялъ фуражку и четко кинулъ на благодарность:

— Мое почтенье.

// л. 18

Чернѣли вороны на пескахъ. Въ пролѣскахъ кружили грачи. На буромъ жнивѣ увидали точно лоскутное одѣяло — бабью толпу, провожающую бѣдную позолоту хоругвей: какой-то праздникъ. Изъ песчано-глинистыхъ береговъ глядѣли древніе валуны, точно орѣхи въ шафранномъ тѣстѣ. Хохлилось и супилось все въ мелкомъ дождѣ. Гасла даль.

Въ салонѣ пѣвица подняла крышку піанино, взяла нѣсколько грустныхъ аккордовъ, посмотрѣла въ окно и захлопнула.

— Какая тоска!

Кричалъ пароходъ, изъ мути наплывалъ встрѣчный, тащилъ мокрую баржу съ дровами, съ выглядывающей изъ-подъ грязной рогожи головой.

— Второй день мы ѣдемъ, — говорила пѣвица, смотря на замутившіеся въ дождѣ берега, — кажется, цѣлое государство проѣхали... и только представить всю нашу Россію!..

— Дистанція огромнаго размѣра!

— Всмотриваюсь я, думаю... Чѣмъ живутъ эти всѣ здѣсь... Что у нихъ хоть немножко яркаго въ жизни? Куда-то идутъ, бѣгутъ, везутъ, валятъ бревна... точно переѣзжаютъ все и никакъ не могутъ устроиться...

Баритонъ ходилъ по салону, засунувъ руки въ карманы, и, раздумывая о чемъ-то своемъ, посвистывалъ. Пѣвица сидѣла съ ногами въ диванѣ, кутаясь въ мѣхъ. Позванивали хрустали на столѣ, и розовыя шапки гортензій мѣрно дрожали въ работѣ машины.

— «Мы ѣдемъ... поздно... меркнетъ день...» Дальше? Это Тютчева, кажется...

— Можетъ, и Тютчева-чева, а можетъ, и Пушкина-кина... — въ тактъ шагамъ отозвался баритонъ. — Не помню, какъ дальше. Ыхали бы мы въ купѣ съ вами...

— Оставьте. Да... Кругомъ лѣса, неуютъ... кому-то выгрузили піанино... Кому нужно здѣсь піанино!

— Какой-нибудь пападьѣ. Будетъ пападьѣ играть, а попь будетъ танцовать... а волки — выть...

// л. 18 об.

— Живешь въ городѣ, не замѣчаешь... Петербургъ, Москва, культура, яркая жизнь... А отсюда... всѣ они какія-то пылинки, свѣтлыя точки... — она запряталась въ мѣхъ, и только большіе глаза ея грустно глядѣли въ окно въ передней стѣнѣ, по которому брызгалъ дождь. — во всемъ этомъ. Вся Россія — огромная, сѣрая, а мы въ ней... будто какой-то малюсенькій придатокъ... какъ то піанино у лѣса.

— Зачѣмъ такъ мрачно! — съ чувствомъ сказалъ баритонъ, проглядывая объденную карту. — Гм... іоганисбергъ имѣется... Позволяете?

— А, все равно! Вся жизнь, эта вотъ и вездѣ, идетъ какимъ-то своимъ сѣрымъ путемъ, куда-то идетъ, идетъ... а мы только скользимъ, скользимъ... и мнѣ кажется иногда, что она кѣмъ-то обижена... Будни, будни...

— Смотрите, какъ огни зажигаютъ, — кивнулъ на окно баритонъ.

Начинали загораться огни бакановъ — красные, бѣлые. Изъ салона было видно, какъ въ прыгающей на волнахъ лодочкѣ возилъя человѣкъ около бѣлаго колпачка. Они проводили его, слѣдя, какъ вспыхивало и гасло. И чѣмъ дальше шель пароходъ, — больше было огней на водѣ и черноты въ небѣ. Барометръ упаль, предсказывая бурю. Да она уже и начинала шумѣть порывами. Стояль въ мути нарастающій шорохъ. То лѣса шумѣли невидные. То волны накатывали на берега.

— Какой вѣтеръ!

Къ ночи стало тревожнѣй. Чаше вскрикиваль пароходъ, чуть пошлепываль въ чернотѣ, нащупывая дорогу. Чаше подаваль съ носа осипшій голосъ:

— Во-симв!.. де-вять!!

// л. 19

Они сидѣли у передняго окна, къ носу, и въ скупомъсвѣтѣ лампочки съ передовой мачты видѣли чью-то копошащуюся мокрую кожаную спину.

— Подъ таба-акъ! — веселѣй кричаль голосъ. — Не маячи-ить!!

— Не мая-чить!! — выше перекидываль другой, мальчишескѣй, наверху гдѣ-то передаваль штурвалу. Радостно вскрикиваль пароходъ — такъ! такъ! —колоколь билъ отбой, и кожанаая спина проваливалась.

Часовъ около одиннадцати, когда они ужинали, пароходъ заскребся и сталь.

— Сѣли-таки! — воскликнулъ баритонъ и постучаль ножичкомъ. — Сѣли? — спросиль онъ служившаго имъ сѣденькаго официанта.

Тотъ наострилъ ухо, поглядывая къ окну, точно могъ тамъ что-нибудь разглядѣть, и сказалъ почтительно-вдумчиво:

— Хитрое мѣсто подошло-сь. А должны бы сойтить-сь...

Пароходъ подрожалъ на мѣстѣ, еще немного поскребся и сплыль.

— Сошель-сь. Ежели, Господь дастъ, минемъ его...

— Что такое... хитрое мѣсто?

— Есть тутъ такое у насъ. Большіе Щуры-сь называются. Очень лукавое для пароходовъ-сь.

Они подошли къ окну. Плесъ былъ, должно быть, очень широкій: красные и бѣлые огни раскинулись здѣсь ширококѣй путанной сѣтью. Зыбились на волнѣ. Пароходъ отходилъ назадъ, кружилъ около одного огонька, а мокрая спина на носу подавала и подавала:

— Четыре съ полви-най... четыре-и!!

// л. 19 об.

Они продолжали ужинъ. Пароходъ, должно быть, миноваль «хитрое мѣсто» — шель ровно.

И только поставиль передъ ними официантъ длинное блюдо подъ мельхиоровой крышечкой и отошелъ неслышно къ сторонкѣ, закинувъ мастерски салфетку подъ лѣвый локоть, — въ коридорѣ салона послышалось топотанье: вытирали ноги. Сейчас же стали приближаться тяжелые, осторожные шаги, и въ

салонъ вошелъ высокій плечистый мужчина въ тужуркѣ и сапогахъ, — должно быть, только-что принятый пассажиръ. Мелькомъ оглянулъ ужинавшихъ, щурясь отъ яркаго освѣщенія, какъ-будто замялся, куда бы сѣсть, и направился въ уголокъ, къ стлику, стараясь не шумѣть. Сѣлъ на диванчикъ и перевелъ духъ.

— Егоръ Иванычъ, добраго здоровьица! — ласково сказалъ, кланяясь, сѣденькій офиціантъ. — Погодку-то какую выбрали. Ну, и рыскунъ вы!

— Да, братъ, закрутило. Дай-ка мнѣ, братикъ... — онъ покосился на ужинавшихъ, — гм... да горяченькаго чего, ветчинки... Плохо на берегу.

— Очень дождикъ-съ. Зато всѣ каютки свободны, не какъ лѣтомъ.

— Каюты мнѣ не потребуется. Слѣзть скоро, на Волчьемъ Перекатѣ. Я тамъ говорилъ капитану, а ты все-таки накажи вахтеннымъ... какъ бы не проскочить.

— Чего жъ ночью-то вамъ на перекатѣ?..

— Надо. Маячникъ тамъ утонулъ.

Баритонъ постучалъ ножичкомъ.

— Давайте, что тамъ... Да подогрѣйте вино.

II.⁴

— Знаете что! — возбужденно говоритъ она. — Потребуйте шампанскаго. Я не люблю его, но я хочу сбросить это онѣмѣніе... Есть у нихъ?

— Гдѣ нѣтъ шампанскаго? — напѣвомъ отвѣчаетъ онъ и даетъ распоряженіе. Лакей почтительно докладываетъ, что есть самое лучшее и *будетъ сей минутъ-съ*.

Они оба смѣются и находятъ, что лакей говоритъ — «⁵семь минутъ-съ. <»>

— Видите? Что это?

Впереди, въ черной мути они видятъ среди рѣдкихъ тихо колышавшихся огней — мечущійся красный огонь.

— Что это?

Они видятъ, что это не бакенъ. Красный огонь судорожно метался надъ другими тихими огнями, точно предупреждалъ или призывалъ. Его очевидно, замѣтили и съ капитанской вышки, и гулкой два короткихъ свистка крикнули темнотѣ, что поняли.

// л. 20

Они увидели ныряющую въ волнахъ лодочку и все пропало.

// л. 20 об.

II.

Въ двадцатыхъ числахъавгуста Серегинъ опять перекинулся на средній плесъ, подъ Большіе Щуры. Такъ онъ и самъ говорилъ про себя — перекинулся: такая беспокойная была должность.

Сейчасъ же за половодьемъ провѣряли стержень на нижнемъ плесѣ, потомъ перекинули его на Завалы, гдѣ землечерпалка; три недѣли, петровками, маячили онъ на косахъ у деревни Большіе Щуры, а потомъ мѣсяца полтора обставлялъ судоходными знаками участокъ по Вычегдѣ. И только покончилъ, — срочная

⁴ II. вписано.

⁵ Далее было: <нрзб.>

телеграмма кинула его вновь подъ Шуры, гдѣ стали крѣпко садиться только-что пущенные большіе пароходы. Лѣто было засушливое, вода валилась, и жалобные ящики на судоходныхъ постахъ каждый день доставляли непріятность.

Назначеніе подъ Шуры было Серегину въ радость: онъ и самъ собирался туда, хотя бы налетомъ. А когда-то онъ проклиналъ ихъ, эти Шуры. Маячники штрафились тамъ, какъ нигдѣ. Тамъ рѣка баловалась, играла перекатами и косами, ставила заманихи пароходамъ. А тепрь все здѣсь нравилось: и еловая чаща на кручахъ, и пески того берега, и вязкое побережье въ ключахъ, и валунъ, завалившійся къ самой водѣ, и самое имя — Большіе Шуры. Они таились за взгорьемъ и конечками крышъ хитро мигали пароходнымъ дымкамъ: а вотъ и мы, Большіе Шуры! а вотъ и нѣтъ насъ!

И какъ увидалъ съ парохода поспѣшавшаго на веслахъ Рыжаго Семена — маячника, приставилъ ладони и крикнулъ раскатисто во всю рѣку:

— Навастрива-ай!

// л. 21

Долгимъ стономъ отвѣтила ему еловая чаща, а сбитыя крикомъ чайки заплакали. И не отъ тоски, потому что не было здѣсь тоски: весело было на свѣтлой рѣкѣ. Радовались свѣжей краской баканы; висли внизъ головами рыжія ели, точно въ веселой игрѣ, вцѣпившись корнями въ тряскіе берега, а зеленыя заглядывали на нихъ сверху; Ключи такъ сверкали, точно весь берегъ былъ въ серебрѣ. Все показалось Серегину яснымъ, веселымъ, добрымъ: даже валунъ улыбался каменной лысиной. Потому что судьба подарила ему здѣсь улыбку, и эта улыбка осталась на всемъ. Воздухъ былъ такъ звонокъ и чистъ, что Семень сразу призналъ, кто высокій стоитъ на кормѣ, загородивъ спиной падающее къ пескамъ солнце. Да и кому еще ѣхать сюда, на вязкіе берега, снизу!

— Егоръ Ива-нычъ!

Серегинъ прыгнулъ въ Семенову лодку и остался стоять, качаясь на высокой волнѣ, провожаемый взглядами женщинъ, вольный, крѣпко загорѣвшій, веселый. Увидалъ свѣтлый валунъ и вспомнилъ, какъ въ бѣлой ночи не могъ спать, какъ охватилъ тогда накрѣпко этотъ холодный валунъ и вырвалъ изъ заѣвшей его, чмокнувшей глины. И все вспомнилъ. Стряхнулъ на затылокъ фуражку и руганулъ весело и Семена, и рѣку, и затихающій пароходъ:

— Раковъ все, черти, давите!

Подмигнувъ пароходу, сказалъ весело и Семень:

— Повертѣлся надъсь у косы... Та-чалъ капитанъ... шумндѣй!

— Съ вами будешь шумной!

А Семень подмаргивалъ про себя изъ-подъ дранаго картуза подъ пискъ ерзавшихъ весель. А когда Серегинъ доставалъ папиросу, призналъ жестяную коробочку съ крашеной бабочкой наверху. Показывалъ ему какъ-то Егоръ Иванычъ эту коробочку, тыкалъ къ носу и говорилъ:

// л. 21 об.

— Хорошъ я себѣ портсигаръ удѣлалъ?!

Чу-дакъ! А былъ у него настоящій портсигаръ, на пружинкѣ. На его глазахъ тогда и зашвырнулъ въ рѣку, хоть бы ему подарилъ!

— А портсигарчикъ-то вашъ надышній ущупалъ я, рашницей досталъ. А этотъ у васъ, съ бабочкой какой былъ?

— Подгребайся, подгребайся... съ бабочкой! Съ солдаткой-то какъ?

— Хе-э... ничаво.

Отъ шалашика лаяла на воду рыжая Лиска съ бѣлоголовымъ кутенкомъ, и казалось, что въ чащѣ есть еще Лиска и тоже радуется.

Прямо съ ходу Серегинъ осмотрѣлъ запасные баканы, кучу ржавыхъ цѣпей, оглянулъ рѣку, привычно выискивая отсвѣты косъ и наносовъ.

— Какъ на скатѣ?

— У Таей, у долгой, новый перекатецъ задирать... Да отъ ее версту туды, квыше... заманиха ростъ стала на глыби... да къ буграмъ, жалились, что низвергло, да къ Каменьямъ...

— Ого! Ну, завтра поврешь — погляжу. Придется подъ якоря двоихъ со Щуровъ взять...

— Безпремѣнно, што взять... Братишку бы Степандина да...

— Лакомый, чортушка, до степанидиныхъ!

И какъ сказалъ про Щуры — заманило на сердцѣ. Поднялъ затертый чемоданчикъ и посмотрѣлъ къ чащѣ. И Семень покосился къ чащѣ.

— Стоять-то тамоди опять будете, въ жилищѣ?

— А-а...

И русая головка голубоглазой Саши, съ ямочками-умилками на щекахъ, игривой, увертливой Саши, къ которой только и фхаль, о которой — теперь было ясно — только и думалъ эти мѣсяцы рѣчной жизни, встала живой. Онъ толкнулъ легонько въ брыластую мордочку лизавшаго сапоги кутенка, далъ щелчка Лискѣ и пошелъ выбитой по осыпи тропкой. На заворотѣ посмотрѣлъ на пески того берега, осыпанные чернотой полоскавшихся въ ночи воронъ, на опускавшееся солнце.

// л. 22

Возилъ онъ сколько разъ Сашу на эти пески. Тогда солнце играло въ ея глазахъ, и ушки ея просвѣчивали на этомъ солнцѣ. И не разъ покусывалъ онъ эти ушки и щекоталъ усами. И теперь, вспомнивъ, почувствовалъ радость, что она не такая, какъ всѣ: ни пески, ни темная чаща, ни крѣпкія до хруста объятія не сломили ее. Точно сейчасъ слышалъ податливо-робкій шопотъ:

— Ой, миленькой, не надо...

И ловилъ ее на пескахъ, и перегибалъ за плечи на томъ камнѣ, въ бѣлой ночи, мѣрялся съ ней глазами, близко-близко, видѣлъ въ нихъ притаившуюся робкую страсть — и жалѣлъ. Все могъ сдѣлать съ ней, юной совсѣмъ, — и жалѣлъ. Зналъ, что оставить ее черезъ день-другой, только приди телеграмма. А для забавы можно найти другое, чего не станешь жалѣть. Вотъ тогда, когда боролся съ собой,

и вывернулъ изъ глины валунъ, только ушла она отъ него, слабая съ поцѣлуевъ. Такъ и осталось въ немъ съ той поры, жалостью залегло на сердцѣ такое простое:

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не стадала бѣ, Егоръ иванычъ...

// л. 22 об.

Смотрѣла лукаво, посмѣиваясь глазами, сѣрыми съ золотинкой, такими же грѣшными, какъ у Анисьи.

— Куда, грудашка?

— А за рыбкой... — сказала она, жеманясь, и облизнулась.

— Охъ, попадешься мужу! — весело оглянувъ ее, посмѣялся Серегинъ.

— И не сказывайте! Ито по рыбку... Свекры все бажить, рыбки просить... Вильнула, посмѣиваясь и облизывая красныя губы. Серегинъ пошелъ, покачивая чемоданчикомъ.

— А, Егоръ Иванычъ! Санюшку-то Милованову... выдали!

Точно дернула она его этимъ словомъ. Онъ остановился, не слыша земли, и глядѣлъ въ прыгающія степанидины губы.

— Только-только опослѣ Успенья свадьбу сыграли! И что позарились, на богатство! И рябь-то, и... Окрутили и окрутили живой рукой. Въ престолѣ ѣздили на Казанскую, въ Рожню, къ бабушкѣ... тамъ-отъ Санюшку и приглядѣлъ трактирщиковъ парень, косою который. Сватай и сватай! А отецъ-мать рады... гулять сталъ шибко Миколай-то у нихъ, все оженить думали. А дѣвка-то слабенькая, и грудишки-то у ней ягнячи, куды бѣ ее отдавать! И даль-то какую, въ Рожню, болѣ двадцати верстъ. Ужъ и къ тестю пріѣзжали госить. А старикъ еще и поселъ все крутить... Ишла — видала: по улицѣ шатать, пѣсни ореть...

Не дослушалъ, пошелъ потихоньку въ Большіе Щуры. Темнѣло на тихой тропѣ, а потомъ яснѣть стало, какъ вышелъ на щуровскую полевину. Тутъ Серегинъ присѣлъ на знакомый пенъ, досталъ «бабочку», закурилъ и смотрѣлъ на деревню. До половины казала она теперъ высокія избы, съ окошечками-тройками подъ верхомъ.

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ день, тогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Сашурка! Такъ бы все стоялъ и смотрѣлъ, какъ кружилась она на коникѣ, подѣ бисерными висюльками карусели, а ножки въ туфелькахъ — такія туфельки на Шекснѣ, въ Горицахъ, монашки продають — мигали и прятались подѣ голубой, вздувающейся пузыремъ, юбкой.

// л. 23

Черныя пугалы пялили руки въ заходѣвшихъ пустыхъ огородахъ — гдѣ все? Неуютомъ и холодомъ смотрѣло все здѣсь, и не хотѣлось итти.

// л. 23 об.

И все же пошелъ.

Пьяный, косоватый Андронъ распояской бродилъ подѣ избой, постукивалъ топоромъ обѣ стѣны — искалъ работы.

— Ягоръ Ива-нычъ!

Вогналъ въ стѣну топоръ и полѣзъ цѣловаться.

— Чисто подгадалъ я — трехъ барашковъ намедни принялъ... Дочку выдалъ, Ягоръ Иванычъ, живое дѣло!

Угощали бараниной, рассказывали про свадьбу.

— По-четъ какой... становой, Ягоръ Иванычъ, пировалъ! Полулодокъ у сватьюшки-то, оенъ укупаетъ... Первомѣсто мнѣ теперъ въ трактирѣ у ево. Самъ бы Саньку уцопилъ, да жена жива, вотъ какой! Будетъ она у ихъ въ дому баженая, пуще хозяйки...

— Будетъ зря молотъ-то! — ступилась на него Марья, такая же круглоглазая, какъ и Саша.

Молчалъ Серегинъ, утрюмо смотрѣлъ въ сѣрую грудку вареной баранины на деревянномъ кружкѣ, по которой лѣпились мухи. Смотрѣлъ на пѣгую сашину кошку, на жующіе рты хозяевъ, на зеленыхъ чертей въ языкахъ пламени, на картинкѣ, за головой Андрона. А тотъ приставалъ — опробуй баранину-то! — наливалъ изъ зеленой бутылки, копался обрубленнымъ пальцемъ въ кускахъ и запихивалъ въ мокрый, закрытый усамы, ротъ. Вытиралъ пальцы о золотистую широкую бороду, тарацилъ на Серегина голубоватые, сонные съ многодневнаго пьянства глаза, трясъ вихрами и уговаривалъ:

— Ребрушко-то опробуй...

// л. 25

И въ избѣ было пусто и холодно, какъ на водѣ, и все еще стоялъ здѣсь тошный и горькій духъ пьянаго праздника. Долго не могъ уснуть Серегинъ. Думалъ о Сашѣ, о своей незадачливой, неуютной жизни. Думалъ, что недалеко Еловая Рожня, что живетъ же Саша на свѣтѣ. И въ безсонной ночи казалось опять, что было на всей

землѣ для него только одно, только одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

На уро Андронъ опять угощалъ бараниной и рассказывалъ, Какіе у света лошади и ковровые санки: будетъ теперь Санюшка кататься о святкахъ въ лисей шубейкѣ, — сватьюшка все сулилъ.

...Саша! — кричало тоской въ Серегинѣ.

Онъ забралъ чемоданчикъ и попрощался: много работы теперь на рѣкѣ; поживетъ тамъ, у Семена, въ землянкѣ.

И когда опять шелъ къ полевой загородинѣ, на задворкахъ, у знакомой рябины, нагнала его Марья, съ чего-то накрывшись поверхъ головы рванымъ шугаемъ.

— Постой, погодь-ко, Егоръ Иванычъ... Плакала по тебѣ доченька-то... Мой-то сбѣсился, слышь... Свать-то ему и курму сулиоъ на семгу, и трактиромъ-то заманялъ...

// л. 25 об.

— Плакала... — хмуро сказалъ Серегинъ, глядя въ рябины. — Теперь посмѣется.

Стиснулъ раскосившіяся, было, губы, тряхнулъ головой и пошелъ, не видя ни золотистаго въ солнцѣ жнивья, ни бордовыхъ сочныхъ головокъ татарника, что давилъ сапогами, ни журавлей, летѣвшихъ надъ его головой. Паутинки перетянулись вездѣ, паутинки плыли, играли на солнцѣ и какъ-будто заткали все впереди стеклянными нитями. Липли къ глазамъ.

Три дня работали на рѣкѣ, наводили форватеръ, снимали и ставили знаки. Три дня бились на вселахъ съ теченіемъ, насажавъ кровяныхъ мозолей. Три дня путала ихъ рѣка, сбивая поставленныя въ первый день вѣшки-указки. Три ночи каменнымъ сномъ спалъ Серегинъ въ угарной землянкѣ Семена. И всѣ эти дни и ночи летѣли гуси и журавли за солнцемъ. На четвертый день пришелъ пароходъ снизу и сдалъ депешу — ѣхать нанизъ, къ Волчьему Перекату, быть при дознаніи: тамъ утонулъ маячникъ.

Пароходъ сверху долженъ подойти передъ вечеромъ. Съ утра моросило, нависло и пошелъ вѣтеръ. Разыгрался широкій плесъ, Подъ дождемъ ставили послѣдніе баканы. Закачались огоньки на новыхъ мѣстахъ въ дождѣ — только-только заправленныя печальныя лампадки. Ночью тянуло съ еловой чащи, въ черноту ушла мутная даль песковъ, шумѣло по берегамъ осеннею непогодой. А парохода все не было.

— Можетъ, подъ Буграми шестится гдѣ... Шибко вѣмелько тамъ! — гадалъ Семень. — Погодка-то шумная, Егоръ Иванычъ...

Серегинъ сидѣлъ пердъ растрескавшейся печуркой, въ дыму. Жалась со своимъ кутенкомъ вислобрюхая Лиска, смотрѣла въ огонь и плакала. Продрогъ и заголодался за день Серегинъ, хотѣлось водки. Боялся, что пароходъ запоздаетъ: закроютъ буфетъ.

// л. 26

— Ишь ты, утопь Василій... — говорилъ Семень. — Выпивши, не иначе. И бырить тамъ, а долженъ бы выплысть, коли съ лодкой что обошлось. Шутовое дѣло выплысть... можетъ, на стерженѣ понесло, въ сапоги налило. — А жонка у ево осталась, двое ли — трое ли у ево было. Такъ-то вотъ женишься, наведешь ихъ, а тамъ и потопнешь. На харчи-то и то не хватать...

Серегинъ вышелъ на волю. Хлестало дождемъ съ рѣки. Черно было на берегахъ, черно и на водѣ; но тамъ хоть по широкому плесу поигрывали, дробились въ дождѣ огоньки. Онъ смотрѣлъ на свои огоньки, разбирая кривую линію стржня. Да, вотъ наладилъ и тутъ, и тамъ... а свое не наладилъ. Ползло подъ ногами. Даже сквозь дождь и гулъ чащи пробивался булькающій шорохъ ключей. Пофыркивала рядомъ Лиска.

— Лиска!

Она взглянула и заюлила у ногъ. Бывало, сидѣла у камня, когда онъ ѣлъ, и смотрѣла въ глаза. Тогда было свѣтло на берегу.

...Что жъ не идетъ-то, а? огни не кажутся?.. Выпить бы вкрѣпкую да заснуть...

Смотрѣлъ въ черноту, за баканы, гдѣ должны показаться огни.

— Не кажить? — отзывался изъ темноты Семень, — А, ты, дѣло какое...

— Какой сегодня идетъ?

— Думается такъ, что Чиковскій... либо тотъ... Генераль... Новые, къ имъ и не приглядишься...

...Когда же?

// л. 27

III

Послѣ⁶ сутокъ своего одиночнаго заключенія въ салонѣ и бар<итонъ> и пѣвица⁷ проявили вниманіе къ⁸ такъ неожиданно пришедшему⁹ изъ¹⁰ ночи человѣку¹¹.

Они сѣли, за отдѣльный столикъ, другъ противъ друга. Онъ поднялъ крышечку, отстранивъ услужливаго лакея, и слегка потянулъ носомъ душистый паръ ароматъ паровой семги.

— Прекрасная штука... —¹² Только¹³ въ этихъ мѣстахъ можно¹⁴ получить такую... — сказалъ онъ^{15, 16} подхватывая розовый дымящійся ломт<икъ> и накладывая на тарелку ей.¹⁷

⁶ Далее в рукописи ошибочно: Послѣ

⁷ Вместо: и бар<итонъ> и пѣвица — было: оба

⁸ Далее было: этому человѣку, появившемуся

⁹ пришедшему вписано.

¹⁰ Далее было: бушующей

¹¹ человѣку вписано. Далее было: Они сейчасъ же замѣтили высокіе сапоги съ приставшей къ нимъ грязью (это покоробило), потертую тужурку, сильныя волосатые руки и загорѣлое лицо.

¹² Тире вписано.

¹³ Далее было: здѣсь, мо

¹⁴ Вместо: можно — было: можете

¹⁵ Над строкой вписан незачеркнутый вариант: барит.

¹⁶ Далее было: красиво

III

Послѣ¹⁸ сутокъ своего одиночнаго заключенія въ салонѣ и бар<итонѣ> и пѣвица¹⁹ проявили вниманіе къ²⁰ такъ неожиданно пришедшему²¹ изъ²² ночи человѣку²³.

А тотъ, точно его ослѣпили²⁴ свѣтъ, сидѣлъ на диванчикѣ и²⁵ оглядывалъ бѣлыя скатерти, играющій хрусталь, люстру.

Вынулъ, было, жестяной портсигаръ, /посмотрѣлъ въ сторону кушающихъ/ но и опять спряталъ. Это движеніе не ускользнуло отъ пѣвицы. Она поняла, что эту корректность и непринужденнымъ тономъ сказала:

---

¹⁷ *Далее было:* — Ахъ, я что-то совсѣмъ не хочу ѣсть <в рукописи ошибочно: есть — ред.>... — скучно протянула она, пробуя вилкой, шевели<. —> Дайте вина...

Она пила маленькими глоточками, а онъ мастерски расправлялся съ семгой, рассказывая, какъ онъ видѣлъ рѣдкое зрѣлище, когда на эта самая семга, перепрыгивала черезъ пороги.

Но и это было невесело. Было не весело, потому что въ салонѣ было пусто и не бодрило то винцомъ.

— Нашъ пароходъ — какъ могила... — сказала она. — Какіе-то будни.

— Вы непос Какъ вы непостоянны! — говорилъ онъ, расплаывая рыбу ловко<. —> Только недавно говорили, что вамъ надоѣли люди смертельно... а... мечтали даже поселиться гдѣ-то въ глуши и вести настоящую трудовую жизнь — онъ поперхнулся и извинился. На его [нижней] губѣ повисла тонкая косточка, но онъ не замѣчалъ этого и Его рыхлыя щеки прыгали, глаза налились кровью отъ охватившаго его припадка кашля.

— Результатъ парохода... — едва проговорилъ онъ. — разглаживая горло.

— Не потеряйте свои верхи... — засмѣялась она. — У насъ съ вами только это и есть...

— Это меня просквозило тамъ... — /плаксиво/ указалъ онъ на палубу. — Гм... Кха...

— Чтобы съ вами было, если бы вамъ пожить денька два въ тѣхъ шалашикахъ, что мы видѣли по берегамъ. — А вѣдь тутъ проводятъ всю жизнь<.> Бѣдный вы, бѣдный!

— Да но не Ничего. Тогда бы я не ѣздилъ на этихъ проклятыхъ пароходахъ въ такую погоду.

— И со мной... Но не вы ли потащили меня на сѣверъ?

— Не знаю, кто кого потащилъ. Не знаю, кто хотѣлъ показать себя и сѣверу...

— И это говорите вы! Выпейте лучше теплаго вина... Вы, кажется, хрипите...

Она протянула ему свой стаканъ.

— Хриплю?.. кхы... Развѣ я хрии-плю? — постарался онъ отчетливо выговорить...< —> Нѣтъ, серьезно?..

Онъ, дѣйствительно, забеспокоился. Смотрѣлъ на нее, потирая горло<.>

— Не пейте слишкомъ много... ха-ха-ха...

Она знала его болѣзненную мнительность и шутила. Но какія тутъ шутки<и>, когда его голосъ йѣнился котировался на рынкѣ выше десятки тысячъ глотокъ всѣхъ тѣхъ, кто въ настоящую минуту сторчалъ во всѣхъ этихъ шалашахъ по берегамъ... гораздо выше, чѣмъ, на которыхъ она тащила его смотрѣть, не обращая вниманія на сырую промозглую погоду. И теперь, сидя противъ нея и разглядывая скучныя, примелькавшія ему черты, онъ думалъ злился на себя, что согласился поѣхать на этотъ проклятый сѣверъ.

¹⁸ *Далее в рукописи ошибочно:* Послѣ

¹⁹ *Вместо:* и бар<итонѣ> и пѣвица — было: оба

²⁰ *Далее было:* этому человѣку, появившемуся

²¹ пришедшему *вписано.*

²² *Далее было:* бушующей

²³ *человѣку вписано. Далее было:* Они сейчасъ же замѣтили высокіе сапоги съ приставшей къ нимъ грязью (это покоробило), потертую тужурку, сильныя волосатыя руки и загорѣлое лицо.

²⁴ *Далее было:* яркій

²⁵ *Далее было:* какъ-то изумленно

— Пожалуйста, курите...

Еще на берегу Серегинъ рѣшилъ, точно на зло кому-то, выпить да вкрѣпкую. А какъ увидалъ съ лодки, что во второмъ классѣ темно, вспомнилъ съ досадой, что кухня кончается въ половинѣ двѣнадцатаго. И обрадовался: салонъ перваго класса былъ освѣщенъ. И хоть не любилъ онъ перваго класса, — аристократы тамъ все, — вошелъ.

Ѣлъ ветчину, выпивалъ рюмку за рюмкой, поглядывая на ужинавшихъ. Господинъ былъ кистлый съ лица, съ рыхлыми синими щеками, брыластый, рухлякъ; и голосъ былъ непріятный, и движенія барственныя. Зато дама была красавица. У ней было нѣжное, бѣлое, какъ изъ воску, лицо, тонкія, яркія губки, темныя бровки мягкими дужками и чудесныя свѣтлыя локоны, какіе видалъ онъ въ Архангель-

// л. 27

скѣ, въ лучшей парикмахерской, за окномъ. А когда увидалъ глаза, — сладко тронуло сердце. Такъ и подумалъ — божественныя глаза. На ней было чуть розоватое, съ блескомъ, платье, и на плечахъ пышный мѣхъ, запавшій на спинку стула. И все въ ней было прекрасно: какъ поворачивала пышную головку, въ золотистой повязкѣ, какъ держала стаканчикъ, какъ пила маленькими глоточками и какъ говорила.

Онъ съѣлъ ветчину и допилъ всю водку. Закурилъ и почувствовалъ наплывающую истому.

...Соснуть бы часокъ... или пивка попросить?..

Поманилъ старичка и попросилъ подать пива.

— Ужъ какъ-нибудь разстараюсь.

Отъ столика до Серегина долетали отрывки непонятнаго разговора:

— ...за одну недѣлю. Пять тысячъ даль!

— ...конечно, отказался... Лучше заплатить неустойкую

— ...въ Симбирской губерніи, на самомъ берегу Волги... Сто тысячъ заплатилъ!

И игралъ, конечно... всякія операціи...

Слышалъ Серегинъ сквозь наплывающую дремоту. Думалъ — коммерсанты какіе нибудь, маклачить ѣдутъ на ярмарку... Ярмарка тамъ лѣсная... Поглядѣлъ вялыми глазами на даму, откинувшуюся на спинкѣ, — ножки какія маленькія, — опять подумалъ: «красавица... можетъ, содержанка этого рухляка... самъ ѣдетъ маклачить на ярмарку, а ее боится одну оставлять, вотъ и потащилъ въ такую погоду... Цѣпищу какую выпустилъ — чисто скоба.

Мѣрно позвякивалъ хрусталь на столѣ. Бѣлая скатерть расплывалась, тускнѣла, что-то мерцало — розовое. Поглядѣлъ къ столику. Матово свѣтилось серебряное ведерко съ выглядывающимъ горлышкомъ.

// л. 27 об.

До него доносились отрывки разговора, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ выводъ что это, очевидно, финансисты. Онъ слышалъ:

— Я ему тогда за недѣлю пять²⁶ тысячъ... <нрзб.>²⁷
...говорятъ²⁸ выбралъ за три года больше²⁹ двухсотъ.³⁰ Самъ³¹ мнѣ говорилъ...
...купилъ³² имѣніе за сто и <нрзб.>³³...
...Конечно купилъ³⁴... онъ коллемъ взялъ на сорокъ тысячъ, черезъ годъ
чистые³⁵ полтора ста... <нрзб.>³⁶

«Должно быть комиссіонеръ... — думалъ Серегинъ³⁷. Съ³⁸ имѣнія маклачить... а
это его содержанка... А-а! У такого рухляка... такая. <нрзб.> опернатая!³⁹

И въ его головѣ⁴⁰ — (<нрзб.>⁴¹) рисовалась картина. Она была бѣдной
дѣвушкой,⁴² <нрзб.> сама, м. б.⁴³ зарабатывала⁴⁴ шитьемъ⁴⁵. (⁴⁶ красивы были ея
тонкія пальчики⁴⁷, державшія стаканчикъ<.>) Тотъ⁴⁸ встрѣтилъ ее гдѣ-нибудь въ
большомъ городѣ подвѣ вечеръ, съ узелкомъ⁴⁹ по дорогѣ⁵⁰ къ богатой аристократкѣ-
заказчицѣ. — Сталъ⁵¹ преслѣдовать. Уговорилъ⁵² ее бросить бѣдность⁵³
существованія и соблазнять⁵⁴ богатой и <нрзб.> жизнью⁵⁵. Она колебалась.⁵⁶ И⁵⁷ не

²⁶ *Вместо:* недѣлю пять — *было:* два дня далъ шестнадцать

²⁷ <нрзб.> *вписано.* *Далее было:* — Не спорю.

²⁸ *говорятъ вписано.*

²⁹ *Вместо:* больше — *было:* болѣе

³⁰ *Точка вписана.* *Далее было:* пятидесяти.

³¹ *Далее было:* же

³² *Вместо:* купилъ — *было:* а покупаетъ

³³ *Вместо:* и <нрзб.> — *было:* семьдесятъ

³⁴ *Вместо:* Конечно купилъ — *было:* а. Да знакомый этотъ <нрзб.> б. <нрзб.>

³⁵ *Далее было вписано:* <нрзб.>

³⁶ <нрзб.> *вписано.*

³⁷ *Вместо:* думалъ Серегинъ — *было:* строилъ предположенія челоуѣкъ въ сапогахъ

³⁸ *Далее в рукописи ошибочно:* имѣ

³⁹ *Вместо:* <нрзб.> опернатая! — *было:* божественная...

⁴⁰ *Над строкой незачеркнутый вариант:* ему представилось

⁴¹ *Вместо:* (<нрзб.>) — *было:* онъ-таки почитывалъ романы —

⁴² *Запятая вписана.*

⁴³ *Вместо:* <нрзб.> сама, м. б. — *было:* которая

⁴⁴ *Далее было:* себѣ <нрзб.>

⁴⁵ *Далее было:* тонкаго бѣлья

⁴⁶ *Далее было:* очень

⁴⁷ *Вместо:* тонкія пальчики — *было:* хрупкія пальцы

⁴⁸ *Вместо:* Тотъ — *было:* Онъ

⁴⁹ *Далее было:* въ кото

⁵⁰ *Далее в рукописи ошибочно:* съ

⁵¹ *Вместо:* — Сталъ — *было:* И сталъ

Далее было: постоянно

⁵² *Вместо:* Уговорилъ — *было:* Онъ уговорилъ

⁵³ *Вместо:* бросить бѣдность — *было:* покинуть бѣдственныя условія своего углаго

⁵⁴ *Вместо:* соблазнять — *было:* соблазнительно

⁵⁵ *Вместо:* богатой и <нрзб.> жизнью — *было:* представилъ [ей] картины жизни въ роскошной обстановкѣ

⁵⁶ *Она колебалась. зачеркнуто и восстановлено.*

⁵⁷ *Вместо:* И — *было:* Потомъ... потомъ она

могла устоять... Онъ подпоилъ⁵⁸ ее⁵⁹...⁶⁰ и вотъ <нрзб.>⁶¹... Теп<ерь> она его, конечно,⁶² не любитъ (⁶³онъ уловилъ⁶⁴ недовольство въ ея разговорѣ съ нимъ)⁶⁵. Она еще молода, а онъ... — онъ опять посмотрѣлъ на его рыхлыя⁶⁶ сизыя щеки и ожирѣвшую фигуру — <нрзб.>⁶⁷. Ёдетъ⁶⁸ на ярмарку маклачить⁶⁹ —⁷⁰ тамъ, куда они ѣдутъ,⁷¹ лѣсная ярмарка⁷² — и⁷³ боится оставить ее одну и таскаетъ за собой по водѣ въ такую погоду.

— Надоѣли вы мнѣ!⁷⁴⁷⁵.. — услышалъ онъ ея нѣжный уталый голосъ.

Ну,⁷⁶ такъ и⁷⁷ есть... Она улыбается, но это улыбка сквозь слезы. Бѣдная! Много⁷⁸ такихъ примѣровъ зналъ онъ⁷⁹.⁸⁰ Вспомнилъ⁸¹ — лѣсопромышленника, который погубилъ многихъ дѣвушекъ⁸²...

// л. 28

Опять кричали пароходъ, спрашивалъ ночь, тише шлепалъ колесами. Приглядѣлся Серегинъ — часто стоятъ баканы, знакомое мѣсто.

— Рожня, никакъ... — сказалъ старичокъ, дремавшій у стѣнки.

— Самая она...

Серегинъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ запотѣлость, смотрѣлъ на невидные берега. Рожня! Ни огонька не было на горѣ, и горы не было, и села съ синими пузатыми куполами въ звѣздахъ, и трактира на самомъ вѣнцѣ горы. Прижался лицомъ къ стеклу — ничего.

— ...Сашура! — позвалъ онъ. — Чуешь ли?!

Стиснулъ зубы, сдавилъ глаза, задавилъ въ себѣ неожиданно запросившіяся слезы.

⁵⁸ *Вместо: подпоилъ — было: поилъ*

⁵⁹ *ее вписано.*

⁶⁰ *Многоточие вписанною Далее было: и можетъ быть быть опоилъ ее непривычнымъ шампанскимъ, ея маленькая головка [и] закружилась*

⁶¹ *<нрзб.> зачеркнуто и восстановлено.*

⁶² *Занятая вписана.*

⁶³ *Вместо открывающей скобки было тире.*

⁶⁴ *Далее было: усталость и*

⁶⁵ *Закрывающая скобка вписана.*

⁶⁶ *В рукописи ошибочно: рыхлое*

⁶⁷ *Вместо: <нрзб.> — было: и вотъ онъ боится отставить ее и одну*

⁶⁸ *Вместо: Ёдетъ — было: Ему надо по дѣламъ ѣхать*

⁶⁹ *маклачить вписано.*

⁷⁰ *Далее было: они и говорили что /и/*

⁷¹ *Далее было: теперь большая*

⁷² *Далее было: и съѣзжается много богатыхъ людей края*

⁷³ *Вместо: и — было: но онъ*

⁷⁴ *Вместо: Надоѣли вы мнѣ — было: Вы мнѣ надоѣли*

⁷⁵ *Далее было: Михаилъ Степанычъ*

⁷⁶ *Вместо: Ну, — было: Конечно,*

Далее было: это

⁷⁷ *такъ и зачеркнуто и восстановлено.*

⁷⁸ *Вместо: Много — было: Сколько*

⁷⁹ *В рукописи ошибочно: лонъ*

⁸⁰ *Далее было: исколесивъ весь этотъ край.*

⁸¹ *Вместо: Вспомнилъ — было: Онъ вспомнилъ*

⁸² *Вместо: погубилъ многихъ дѣвушекъ — было: такимъ образомъ загубилъ двухъ милыхъ дѣвицъ, когда-то честныхъ, теперь*

— ...Приду, Саша! — сказалъ онъ невиднымъ берегамъ.
— Не тутъ родина ваша? — услыхалъ онъ играющій голосъ.
— Нѣтъ, сударыня. Родина моя далече отсюда...
Подумалъ, было, — сказать? Посмотрѣлъ въ себя, посмотрѣлъ на столикъ съ ведеркомъ, — нѣтъ.
— Скоро уходитъ вамъ?
— Да... полчаса, не больше...
Онъ сидѣлъ, наклонившись и отвернувшись, не думая уже, — прилично ли такъ, — смотрѣлъ на сапогъ, а губы дрожали, и хотѣлось бы закричать, побѣжать куда-то, разметаться.
— Ну, скажите... — нарушила молчаніе пѣвица. — Вы довольны своей судьбой? Она такъ тепло посмотрѣла, такъ участливо спрашивала.
— Судьбой... — сказалъ онъ, не подымая головы, забывая, прилично ли. — Судьба моя... невеселая, сударыня...
Встряхнулся, взглянулъ на нее и улыбнулся грустно.
— Все бываетъ.
Прошелся по салону, понюхалъ розовые цвѣты, которые ничѣмъ не пахли, взглянулъ на часы — второй. Пѣвица постукивала ложечкой.
— А вы далече изволите? Туда-съ... Тамъ теперь ярмарка начинается. По торговымъ дѣламъ изволите ѣхать?
— О, нѣтъ! — разсмѣялась пѣвица. — Почему вы думаете, что мы по торговымъ дѣламъ?
Посмотрѣла на баритона. Тотъ смѣялся глазами — по торговымъ дѣламъ!
— Такъ, ошибся, конечно... Слышалъ — коммерческій разговоръ, думаю — по торговымъ дѣламъ...
Смотрѣлъ на нее съ простоватой улыбкой.
— Нѣтъ, мы не по торговымъ дѣламъ... — сказала пѣвица задумчиво. — Не по тор-говымъ...

// л. 28 об.

ж.) Окончательная редакция.
Машинопись с авторской правкой 19 л.

ВОЛЧІЙ ПЕРЕКАТЬ.⁸⁴

I

Баритонъи лирическая пѣвица завершалим артистическую поѣздку.

Ихъ провожали оваціями. Баритонъ прижималъ руку и посылалъ поцѣлуи, пѣвица разоряла поднесенный букетъ, гимназисты ловили ея пальцы и щекотали губами. Все это очень мѣшало спѣшившимъ съ догрузкой. Катились скрипучія бочки съ сахаромъ, синія — съ керосиномъ, неслись на плечахъ дробнымъ шажкомъ, какъ маленькіе дома, громоздкіе ящики, пугали щебечущую толпу придушенные оберегающіе голоса:

— Пу-скай... дорогу!..

Можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ, но пѣвица выбрала пароходъ. Баритонъ убѣждалъ, что въ концѣ августа ѣхать по рѣкѣ вовсе не интересно, можетъ измѣниться погода, что они, наконецъ, рискуютъ. Говорилъ о туманахъ, о возможности застрять на мели. Но пѣвица настаивала. Она не бывала въ этихъ пустынныхъ краяхъ, гдѣ въ тихихъ селеніяхъ дремлютъ старенькія церквушки, гдѣ по погостамъ — тамъ есть такіе погосты — притаилась сиротливая жизнь. Наконецъ, хотѣла отдохнуть на водѣ, гдѣ всегда чувствуешь себя хорошо.

Ихъ импрессарио — онъ же и піанистъ — поѣхалъ впередъ — налаживать дѣло, а баритону пришлось уступить.

Такъ сказалъ имъ пароходный агентъ.

— На этомъ пароходѣ ѣхалъ министр!

Агентъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и галантно добавилъ:

— Вы дѣлаете намъ честь.

Ихъ провожали оваціями. Баритонъ прижималъ руку и посылалъ поцѣлуи, пѣвица разоряла поднесенный букетъ, гимназисты ловили ея пальцы и щекотали губами. Все это очень мѣшало спѣшившимъ съ догрузкой. Катились скрипучія бочки съ сахаромъ, синія — съ керосиномъ, неслись на плечахъ дробнымъ шажкомъ, какъ маленькіе дома, громоздкіе ящики, пугали щебечущую толпу придушенные оберегающіе голоса:

// л. 30

— Пу-скай... дорогу!..

Когда народъ отвалилъ, пѣвица сказала устало:

— Надоѣли.

— Въ ушахъ какъ кузнечики... — добавилъ съ кислымъ лицомъ баритонъ.

Походили по палубѣ, провожаемые косящими взглядами двухъ крѣпышей — штурвальныхъ, въ угрюмой сосредоточенности вертѣвшихъ туда и сюда колесо.

⁸³ Волчій перекаць. *вписано*.

⁸⁴ *Далее было:*

Баритонъ и лирическая пѣвица завершали свое турнэ

Приглядывались, кто ъдетъ. Публики не было. На затрубной части, подъ дымомъ, посаживали простые люди.

— Кажется, мы одни... — сказалъ баритонъ. — Да тутъ всегда такъ.

— Я рада, — сказала пѣвица. — Какая милая простота!

Хорошо и покойно было вокругъ. Плыли берега, слоистые отъ опадавшей за лѣто воды, въ лознячкѣ, уже потерявшіе куличковъ-свистуновъ, полетѣвшихъ къ югу. Крестами стояли въ высокихъ мыскахъ полосатые мачты съ отдыхающими воронами. Еловыя гривки падали въ пустые дуга. Широко сидѣли по взгорьямъ деревни. Лѣниво кружили крестами одинокіе вѣтряки.

— Родное, милое... — мечтательно говорила пѣвица. — Какой воздухъ!

— Но сыровато, — сказалъ баритонъ, поглаживая горло. — Не лучше ли изъ салона?

Въ салонѣ перваго класса сидѣлъ въ уголкѣ батюшка въ фіолетовой рясѣ, съ падающими на столъ волосами, и вычерпывалъ изъ тарелки, шумно похлебывая. Они просмотрѣли карту и заказали обѣдъ.

— Врядъ ли найдется порядочное вино... — сказалъ баритонъ, морщась.

— Какое-съ! — отозвался батюшка, выплевывая въ тарелку. — У нихъ и лимонадъ-то съ фальсификаціей. Налимью уху вонъ ставятъ сорокъ копеекъ, а что подали, — одни хвостики!

Баритонъ повелъ бровью, а пѣвица отвернулась къ окну и беззвучно смѣялась.

Плыли рыбьи заколы, синіе дымки костерковъ у шалашиковъ, золотистые водопадики текущихъ съ откоса пошелковъ. Пестрыми лоскутками попрыгивала дѣтвора, звонкая, какъ стекло.

Капи-танъ, капи-танъ!

Наши день-ги укралъ!...

— Ти-та-та... ти-та-та... — повторила пѣвица,

// л. 30 об

попросила дать ей стекла съ большого стола и стала вызванивать на лафитничкахъ.

— Очень похоже-съ, — сказалъ, улыбаясь, батюшка. — Точная копія!

До вечера смотрѣли они изъ салона. Берега стало заливать вечернимъ солнцемъ. Золотистыми пятнами глядѣли въ лѣсныхъ углахъ новыя сторожевыя избы, пылали ихъ пузырчатые оконца. Баканы зажигали огни, а сумерки все не уходили.

Къ ночи опять вышли на палубу. Штурвальные все ворочали колесо, вглядываясь въ мутнѣющую даль. Синіе костерки стали красными. Берега повторяли сонное пошлепыванье колесъ.

— Мы ѣдемъ въ пустотѣ, — грустно сказала пѣвица. — Какая бѣдная жизнь.

— Не скажите, сударыня, — отозвался батюшка за спиной. — Тутъ бо-гато живутъ. Одного сѣна накашиваютъ...

— Это какая звѣзда?

— Вечерняя... А, право, сыро. «Звѣзда вечерняя моя-а...»

Голосъ потонулъ въ ревѣ гудка. Штурвальный посмотрѣлъ на погружавшуюся звѣзду: снизу затягивало ее свинцовой тучей.

Въ салонѣ батюшка объяснялъ, что ѣдетъ, собственно, по второму классу, — цѣны доро-гія! — а сюда заходитъ посидѣть въ обстановкѣ. Разказалъ, что живетъ на Старомъ погостѣ, что житѣе у нихъ тихое, много гриба и голубики, отвозилъ дѣтей въ семинарію, а теперь ѣдетъ во-свояси, до будущаго года.

— А ужъ волковъ у на-ась!.. Какъ въ городѣ фонарей — столько у насъ волковъ!

Это ихъ насмѣшило. Баритонъ хохоталъ степенно, потряхивая Рухлыми сизыми щеками и намекающими у глазъ мѣшечками. П-вица смѣялась нарвно, прячась въ боа, точно ей было холодно. Смѣялся и батюшка, довольный, что такъ понравилось про волковъ. Потомъ разказалъ, что у матушки тоже большія способности къ музыкѣ и голосъ звонкій, но только не довелось подучиться: не было фортопьянъ. И опять смѣялись.

// л. 31

— Да-сь. У васъ тамъ музыкальнныя представленія по ночамъ, и у насъ музыка: у-у-у! — представилъ онъ вой волковъ.

Уходя, батюшка сказалъ:

— Въ седьмомъ часу, поутру, и погостъ мой. Позвольте съ вами распроситься и пожалеть добраго здоровья. Пріятно время провели.

И Когда вышелъ, пѣвица долго смѣялась...

— Пріятно... пріятно провели... ха-ха-ха...

— Вы нервничаете, дорогая... — сказалъ баритонъ.

Утромъ они пересѣли въ какомъ-то растрепанномъ поселкѣ на большой бѣлый пароходъ, который носилъ славное имя — Чайковскій.

— Какъ это пріятно, — показала пѣвица на золотыя буквы по бѣлому. — Лѣса, глушь, и вотъ... Это символъ.

— Тутъ и читать-то не умѣютъ!

Это былъ, дѣйствительно, прекрасный пароходъ, недавно спущенный, на которомъ ѣхалъ министръ. Было пріятно видѣть большой свѣтлый салонъ, въ красномъ деревѣ, бронзѣ и кожѣ, свѣжія скатерти, разноцвѣтныи хрусталь, розовыя шапки гортензій надъ серебромъ, зеркальныя, во всю стѣну, окна, мягкіе диваны и піанино. Отъ него еще пахло лачкомъ и слабымъ камфорнымъ духомъ.

— Какъ мило... даже цвѣты!

Съ палубы смотрѣли они на поселокъ.

Было пасмурно. Красныя ящики товарныхъ вагоновъ, тамъ и сямъ разбросанныя стройки безъ крышъ — говорило, что это только-только устраивающійся городокъ. Гулко скатывали бревна гдѣ-то, громыхало желѣзо. Толклись крючники, мужики съ кнутьями, бабы съ пирогами, молодцы съ желтыми аршинчиками въ кармашкахъ, съ пачками накладныхъ; степенный, рыжебородый, съ намасленными волосами, съ картинкой храма на широкой груди, собирающій на недостроенную церковь, — и ни одного отдыхающаго лица. Три слѣпца, ухватившись за кафтаны, стояли у края пристани, поднявъ пустые

глаза въ сѣрое небо, и причитали. Мальчикъ-поводырь, перекосивъ лицо, жестоко скребъ въ головѣ. Щелкалъ на вѣтру флагъ.

// л. 31 об.

— Будни... — показала на все пѣвица.

И опять все тянулись изрытые берега, замутившіяся, въ бѣлыхъ гребешкахъ, воды, захмурившіеся лѣса. На одной пристани, гдѣ ничего не было, кромѣ сарая и лѣса за нимъ, выгрузили піанино. Его выкатили пароходные молодцы и поставили къ горкѣ мѣшковъ. Мужикъ къ полдубкѣ потыкалъ кнудомъ въ доски.

— Стекла, што ль?

— Кто-то живеть здѣсь, любить искусство... — мечтательно сказала пѣвица.

Вспомнила батюшку, и забитое въ доски піанино показалось ей жалкимъ и лишнимъ здѣсь.

За завтракомъ она сказала задумчиво на какія-то свои мысли:

— Ну, да... Но вотъ... въ деревнѣ у насъ, въ усадьбѣ, я пѣла... Къ намъ стало столько народу приходило, заборы ломали. Приходили послѣ работы, изъ другой деревни...

Занятый паровой семгой, баритонъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Дѣвушки приносили мнѣ васильки. А парни... которые бьютъ окна въ кабакахъ и дерутся ножами, принесли разъ вѣнокъ изъ хвои и... соловья! Соловья я выпустила, а вѣнокъ храню...

— Что же вы хотите этимъ сказать?

— Ничего я не хочу сказать! — сказала она капризно. — Вотъ налейте вина.

Послѣ завтрака они гуляли по палубѣ, кутаясь въ плады. Въ первомъ классѣ опять не было пассажировъ. Въ зальцѣ второго посиживали за графинчикомъ два картузика, чокались и тыкали пальцами. Десятки головъ совались черезъ борта внизу, когда пароходъ принималъ съ лодки такихъ же. А на берегу и жилья не было.

— Откуда они появляются? — спрашивала пѣвица, вглядываясь въ глинистые лѣсистые берега.

А они нѣтъ-нѣтъ да и появлялись — то бородатые, то румяные и безусые, то сумрачныя — бабы, то веселыя — дѣвичьи лица. Выходили изъ какихъ-то лѣсныхъ своихъ деревень. Куда-то, зачѣмъ-то ѣхали. Иногда съѣзжали на такіе же пустынные берега.

Кто-то радостно крикнулъ:

— Эна, журавли-и!

// л. 32

Пѣвица долго глядѣла въ сѣрое небо. Ползли тяжелыя облака, — вотъ-вотъ начнетъ сѣять дождемъ, — а подъ ними двѣ веревочки уголкомъ, темнѣющія узелками. Да, журавли... Три сѣрыхъ креста стояли на берегу.

— Что это значить... кресты? — спросила пѣвица у капитана, съ грубымъ бурымъ лицомъ, къ которому совсѣмъ не шла маленькая фуражка.

— Кресты... — повторилъ онъ раздумчиво. — У насъ тутъ много крестовъ. Погибшіе которые... по разнымъ случаямъ...

И, разглядѣвъ какое у ней красивое, нѣжное лицо и какіе славные мечтательные глаза, мягко добавилъ:

— Скучныя наши мѣста, сударыня!

Онъ былъ изъ лоцмановъ и изъ всѣхъ вѣжливостей зналъ развѣ только одно это слово — сударыня. И отвѣтивъ на два — на три вопроса, поднялъ фуражку и четко кинулъ на благодарность:

— Мое почтенье.

Чернѣли вороны на пескахъ. Въ пролѣскахъ кружили грачи. На буромъ жнивѣ увидали точно лоскутное одѣяло — бабью толпу, провожающую бѣдную позолоту хоругвей: какой-то праздникъ. Изъ песчано-глинистыхъ береговъ глядѣли древніе валуны, точно орѣхи въ шафранномъ тѣстѣ. Хохлилось и сушилось все въ мелкомъ дождѣ. Гасла даль.

Въ салонѣ пѣвица подняла крышку піанино, взяла нѣсколько грустныхъ аккордовъ, посмотрѣла въ окно и захлопнула.

— Какая тоска!

Кричалъ пароходъ, изъ мути наплывалъ встрѣчный, тащилъ мокрую баржу съ дровами, съ выглядывающей изъ-подъ грязной рогожи головой.

— Второй день мы ѣдемъ, — говорила пѣвица, смотря на замутившіеся въ дождѣ берега, — кажется, цѣлое государство проѣхали... и только представить всю нашу Россію!..

— Дистанція огромнаго размѣра!

— Всматриваюсь я, думаю... Чѣмъ живутъ эти всѣ здѣсь... Что у нихъ хоть немножко яркаго въ жизни? Куда-то идутъ, бѣгутъ, везутъ, валятъ бревна... точно переѣзжаютъ все и никакъ не могутъ устроиться...

Баритонъ ходилъ по салону, засунувъ руки въ карманы, и, раздумывая о чемъ-то своемъ, посвистывалъ. Пѣвица сидѣла съ ногами въ диванѣ, кутаясь въ мѣхъ. Позванивали хрустали на столѣ, и розовыя шапки гортензій мѣрно дрожали въ работѣ машины.

— «Мы ѣдемъ... поздно... меркнетъ день...» Дальше? Это Тютчева, кажется...

— Можетъ, и Тютчева-чева, а можетъ, и Пушкина-кина... — въ тактъ шагамъ отозвался баритонъ. — Не помню, какъ дальше. Ъхали бы мы въ купѣ съ вами...

— Оставьте. Да... Кругомъ лѣса, неуютъ... кому-то выгрузили піанино... Кому нужно здѣсь піанино!

// л. 32 об.

— Какой-нибудь пападѣ. Будетъ попадѣя играть, а попѣ будетъ танцовать... а волки — выть...

— Живешь въ городѣ, не замѣчаешь... Петербургъ, Москва, культура, яркая жизнь... А отсюда... всѣ они какія-то пылинки, свѣтлыя точки... — она

запряталась въ мѣхъ, и только большіе глаза ея грустно глядѣли въ окно въ передней стѣнѣ, по которому брызгалъ дождь. — во всемъ этомъ. Вся Россія — огромная, сѣрая, а мы въ ней... будто какой-то малюсенькій придатокъ... какъ то піанино у лѣса.

— Зачѣмъ такъ мрачно! — съ чувствомъ сказалъ баритонъ, проглядывая объединную карту. — Гм... іоганисбергъ имѣется... Позволяете?

— А, все равно! Вся жизнь, эта вотъ и вездѣ, идетъ какимъ-то своимъ сѣрымъ путемъ, куда-то идетъ, идетъ... а мы только скользимъ, скользимъ... и мнѣ кажется иногда, что она кѣмъ-то обижена... Будни, будни...

— Смотрите, какъ огни зажигаютъ, — кивнулъ на окно баритонъ.

Начинали загораться огни бакановъ — красные, бѣлые. Изъ салона было видно, какъ въ прыгающей на волнахъ лодочкѣ возился человекъ около бѣлаго колпачка. Они проводили его, слѣдя, какъ вспыхивало и гасло. И чѣмъ дальше шель пароходъ, — больше было огней на водѣ и черноты въ небѣ. Барометръ упалъ, предсказывая бурю. Да она уже и начинала шумѣть порывами. Стоялъ въ мути нарастающій шорохъ. То лѣса шумѣли невидные. То волны накатывали на берега.

— Какой вѣтеръ!

Къ ночи стало тревожнѣй. Чаше вскрикивалъ пароходъ, чуть пошлепывалъ въ чернотѣ, нащупывая дорогу. Чаше подавалъ съ носа осипшій голосъ:

— Во-симь!.. де-вять!!

Они сидѣли у передняго окна, къ носу, и въ скупомъ свѣтѣ лампочки съ передовой мачты видѣли чью-то копошащуюся мокрую кожаную спину.

— Подъ таба-акъ! — веселѣй кричалъ голосъ. — Не маячи-ить!!

// л. 33

— Не мая-чить!! — выше перекидывалъ другой, мальчишескій, наверху гдѣ-то передавалъ штурвалу. Радостно вскрикивалъ пароходъ — такъ! такъ! — колоколь билъ отбой, и кожаная спина проваливалась.

Часовъ около одиннадцати, когда они ужинали, пароходъ заскребся и сталъ.

— Съли-таки! — воскликнулъ баритонъ и постучалъ ножичкомъ. — Съли? — спросилъ онъ служившаго имъ сѣденькаго официанта.

Тотъ наострилъ ухо, поглядывая къ окну, точно могъ тамъ что-нибудь разглядѣть, и сказалъ почтительно-вдумчиво:

— Хитрое мѣсто подошло-съ. А должны бы сойтить-съ...

Пароходъ подрожалъ на мѣстѣ, еще немного поскребся и сплылъ.

— Сошелъ-съ. Ежели, Господь дастъ, минемъ его...

— Что такое... хитрое мѣсто?

— Есть тутъ такое у насъ. Большіе Щуры-съ называются. Очень лукавое для пароходовъ-съ.

Они подошли къ окну. Плесъ былъ, должно быть, очень широкой: красные и бѣлые огни раскинулись здѣсь ширококой путанной сѣтью. Зыбились на волнѣ. Пароходъ отходилъ назадъ, кружилъ около одного огонька, а мокрая спина на носу подавала и подавала:

— Четыре съ полви-най... четыре-и!!

— Вонъ ужъ четыре-съ... — шопоткомъ докладывалъ офиціантъ, навастривая ухо на голосъ. — Каторга очень, то ямка, то перекатець, то самая заманиха-съ...

— Неужели сядемъ! — тревожно спрашивала пѣвица. — Смотрите, что это... огонь прыгаетъ?!

Близко ли, далеко ли, обманывая въ чернотѣ, метался желтенькій огонекъ. Ухнуло вѣтромъ и понесло съ воемъ по палубѣ. Качнуло вѣтромъ и понесло съ воемъ по палубѣ. Качнуло пароходъ.

— Можетъ, пассажиръ просится... — съ сомненіемъ въ голосъ сказалъ офиціантъ, осторожно заглядывая съ бочка. — Только тутъ мѣсто пустынное-съ... ни пристаньки, ничего. Маяшникъ въ шалашикѣ живетъ только.

Ближе метнулся огонекъ и пропалъ. Тревожно застучали по палубѣ, пробѣжали въ кожаныхъ курткахъ. И вотъ заревѣлъ вверху рупоръ:

— Ходи въ корму-у!

— Пассажира принимаемъ, — сказалъ офиціантъ. — А на водѣ-то теперь... самый-то волнобой, ночь-съ...

Въ полосѣ бокового огня катили крутыя волны, тускло ломая гребни.

— Смотрите... человѣкъ! въ лодкѣ стоитъ! — воскликнула пѣвица.

// л. 33 об.

Волчій Перекатъ.

II Глава.⁸⁵

Въ двадцатыхъ числахъавгуста Серегинъ опять перекинулся на средній плесъ, подъ Большіе Щуры. Такъ онъ и самъ говорилъ про себя — перекинулся: такая беспокойная была должность.

Сейчасъ же за половодьемъ провѣряли стержень на нижнемъ плесѣ, потомъ перекинули его на Завалы, гдѣ землечерпалка; три недѣли, петровками, маячили онъ на косахъ у деревни Большіе Щуры, а потомъ мѣсяца полтора обставлялъ судоходными знаками участокъ по Вычегдѣ. И только покончилъ, — срочная телеграмма кинула его вновь подъ Щуры, гдѣ стали крѣпко садиться только-что пущенные большіе пароходы. Лѣто было засушливое, вода валилась, и жалобные ящики на судоходныхъ постахъ каждый день доставляли непріятность.

Назначеніе подъ Щуры было Серегину въ радость: онъ и самъ собирался туда, хотя бы налетомъ. А когда-то онъ проклиналъ ихъ, эти Щуры. Маячники штрафились тамъ, какъ нигдѣ. Тамъ рѣка баловалась, играла перекатами и косами, ставила заманихи пароходамъ. А тепрь все здѣсь нравилось: и еловая чаща на кручахъ, и пески того берега, и вязкое побережье въ ключахъ, и валунъ, завалившійся къ самой водѣ, и самое имя — Большіе Щуры. Они таились за взгорьемъ и конечками крышъ хитро мигали пароходнымъ дымкамъ: а вотъ и мы, Большіе Щуры! а вотъ и нѣтъ насъ!

---

⁸⁵ II Глава. *вписано.*

И какъ увидалъ съ парохода поспѣшавшаго на веслахъ Рыжаго Семена – маячника, приставилъ ладони и крикнулъ раскатисто во всю рѣку:

– Навастрива-ай!

Долгимъ стономъ отвѣтила ему еловая чаща, а сбитыя крикомъ чайки заплакали. И не отъ тоски, потому что не было здѣсь тоски: весело было на свѣтлой рѣкѣ. Радовались свѣжей краской баканы; висли внизъ головами рыжія ели, точно въ веселой игрѣ, вцѣпившись корнями въ тряскіе берега, а зеленыя заглядывали на нихъ сверху; Ключи такъ сверкали, точно весь берегъ былъ въ серебрѣ. Все показалось Серегину яснымъ, веселымъ, добрымъ: даже валунъ улыбался каменной лысиной. Потому что судьба подарила ему здѣсь улыбку, и эта улыбка осталась на всемъ. Воздухъ былъ такъ звонокъ и чистъ, что Семень сразу призналъ, кто высокій стоитъ на кормѣ, загордивъ спиной

// л. 34

падающее къ пескамъ солнце. Да и кому еще ѣхать сюда, на вязкіе берега, снизу!

– Егоръ Ива-нычъ!

Серегинъ прыгнулъ въ Семенову лодку и остался стоять, качаясь на высокой волнѣ, провожаемый взглядами женщинъ, вольный, крѣпко загорѣвшій, веселый. Увидалъ свѣтлый валунъ и вспомнилъ, какъ въ бѣлой ночи не могъ спать, какъ охватилъ тогда накрѣпко этотъ холодный валунъ и вырвалъ изъ заѣвшей его, чмокнувшей глины. И все вспомнилъ. Стряхнулъ на затылокъ фуражку и руганулъ весело и Семена, и рѣку, и затихающій пароходъ:

– Раковъ все, черти, давите!

Подмигнувъ пароходу, сказалъ весело и Семень:

– Повертѣлся надъсь у косы... Та-чалъ капитанъ... шумной!

– Съ вами будешь шумной!

А Семень подмаргивалъ про себя изъ-подъ драпаго картуза подъ пискъ ерзавшихъ весель. А когда Серегинъ доставалъ папиросу, призналъ жестяную коробочку съ крашеной бабочкой наверху. Показывалъ ему какъ-то Егоръ Иванычъ эту коробочку, тыкалъ къ носу и говорилъ:

– Хорошъ я себѣ портсигаръ удѣлалъ?!

Чу-дакъ! А былъ у него настоящій портсигаръ, на пружинкѣ. На его глазахъ тогда и зашвырнулъ въ рѣку, хоть бы ему подарилъ!

– А портсигарчикъ-то вашъ надъшній ущупалъ я, рашницей досталъ. А этотъ у васъ, съ бабочкой какой былъ?

– Подгребайся, подгребайся... съ бабочкой! Съ солдаткой-то какъ?

– Хе-э... ничаво.

Отъ шалашика лаяла на воду рыжая Лиска съ бѣлоголовымъ кутенкомъ, и казалось, что въ чащѣ есть еще Лиска и тоже радуется.

Прямо съ ходу Серегинъ осмотрѣлъ запасные баканы, кучу ржавыхъ цѣпей, оглянулъ рѣку, привычно выискивая отсвѣты косъ и наносовъ.

– Какъ на скатѣ?

— У Таей, у долгой, новый перекатець задирать... Да отъ ее версту туды, квыше... заманиха ростъ стала на глыби... да къ буграмъ, жалились, что низвергло, да къ Каменьямъ...

// л. 34 об.

— Ого! Ну, завтра поврешь — погляжу. Придется подъ якоря двоихъ со Шуровъ взять...

— Безпремѣнно, што взять... Братишку бы Степандина да...

— Лакомый, чортушка, до степанидиныхъ!

И какъ сказалъ про Шуры — заманило на сердцѣ. Поднял затертый чемоданчикъ и посмотрѣлъ къ чащѣ. И Семень покосился къ чащѣ.

— Стоять-то тамоди опять будете, въ жилищѣ?

— А-а...

И русая головка голубоглазой Сашы, съ ямочками-умилками на щекахъ, игривой, увертливой Сашы, къ которой только и фхалъ, о которой — теперь было ясно — только и думалъ эти мѣсяцы рѣчной жизни, встала живой. Онъ толкнулъ легонько въ брыластую мордочку лизавшаго сапоги кутенка, далъ щелчка Лискѣ и пошелъ выбитой по осыпи тропкой. На заворотѣ посмотрѣлъ на пески того берега, осыпанные чернотой полоскавшихся въ ночи воронъ, на опускавшееся солнце.

Возилъ онъ сколько разъ Сашу на эти пески. Тогда солнце играло въ ея глазахъ, и ушки ея просвѣчивали на этомъ солнцѣ. И не разъ покусывалъ онъ эти ушки и щекоталъ усами. И теперь, вспомнивъ, почувствовалъ радость, что она не такая, какъ всѣ: ни пески, ни темная чаща, ни крѣпкія до хруста объятія не сломили ее. Точно сейчасъ слышалъ податливо-робкій шопотъ:

— Ой, миленькой, не надо...

И ловилъ ее на пескахъ, и перегибалъ за плечи на томъ камнѣ, въ бѣлой ночи, мѣрлся съ ней глазами, близко-близко,

// л. 35

въ нихъ притаившуюся робкую страсть — и жалѣлъ. Все могъ сдѣлать съ ней, юной совѣмъ, — и жалѣлъ. Зналъ, что оставитъ ее черезъ день-другой, только приди телеграмма. А для забавы можно найти другое, чего не станешь жалѣть. Вотъ тогда, когда боролся съ собой, и вывернулъ изъ глины валунъ, только ушла она отъ него, слабая съ поцѣлуевъ. Такъ и осталось въ немъ съ той поры, жалостью залегло на сердцѣ такое простое:

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не сгадала бѣ, Егоръ иванычъ...

Смотрѣла лукаво, посмѣиваясь глазами, сѣрыми съ золотинкой, такими же грѣшными, какъ у Анисьи.

// л. 35 об.

— Куда, грудашка?

— А за рыбкой... — сказала она, жеманясь, и облизнулась.

— Охъ, попадешься мужу! — весело оглянувъ ее, посмѣялся Серегинъ.

— И не сказывайте! Ито по рыбку... Свекры все бажитъ, рыбки просить... Вильнула, посмѣиваясь и облизывая красныя губы. Серегинъ пошелъ, покачивая чемоданчикомъ.

— А, Егоръ Иванычъ! Санюшку-то Милованову... выдали!

Точно дернула она его этимъ словомъ. Онъ остановился, не слыша земли, и глядѣлъ въ прыгающія степанидины губы.

— Только-только опослѣ Успенья свадьбу сыграли! И что позарились, на богатство! И рябь-то, и... Окрутили и окрутили живой рукой. Въ престоль ѣздили на Казанскую, въ Рожню, къ бабушкѣ... тамъ-отъ Санюшку и приглядѣлъ трактирщикова парень, косою который. Сватай и сватай! А отецъ-мать рады... гулять сталъ шибко Миколай-то у нихъ, все оженить думали. А дѣвка-то слабенькая, и грудишки-то у ней ягнячьи, куды бѣ ее отдавать! И даль-то какую, въ Рожню, болѣ двадцати верстъ. Ужъ и къ тестю прѣзжали госиться. А старикъ еще и поселъ все крутить... Ишла — видала: по улицѣ шатагъ, пѣсни ореть...

Не дослушалъ, пошелъ потихоньку въ Большіе Шуры. Темнѣло на тихой тропѣ, а потомъ яснѣть стало, какъ вышелъ на щуровскую полевицу. Тутъ Серегинъ присѣлъ на знакомый пенъ, досталъ «бабочку», закурилъ и смотрѣлъ на деревню. До половины казала она теперь высокія избы, съ окошечками-трояками подъ верхомъ.

// л. 36

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ день, тогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Сашурка! Такъ бы все стоялъ и смотрѣлъ, какъ кружилась она на коникѣ, подъ бисерными висюльками карусели, а ножки въ туфелькахъ — такія туфельки на Шекснѣ, въ Горицахъ, монашки продаютъ — мигали и

прятались подъ голубой, вздувающейся пузыремъ, юбкой. Поигрывала она бойкими круглыми глазами, кидала ихъ въ звонкомъ круговомъ бѣгѣ, — ловила его бѣлую тужурку. Да и не трудно ловить, когда глазъ только и видитъ одно, и никого во всѣхъ Пунсахъ и по округѣ, какъ ни ищи, не найдешь такого, цѣлой головой выше попа Ивана со Срѣтенскаго погоста. А кругомъ жестяные голоса дудками звенятъ въ уши: и съ Ярославля, и съ Костромы, и съ Вологды:

— Кольца обмѣнные, серебряныя-мѣнные, товары отмѣнные!..

— Брошки... ежели кому для Матрешки! Хороши сережки!..

— Эхъ, и зеркальцо, смотреть на лицо!.. Каждый мужикъ и баринъ будетъ благодарень...

— Отрада для души! Канфеты хороши, лампасе особенное!..

— Эхъ, и дѣвки ядрѣны, орѣхи калѣны! Съ лѣсу-бору натрясѣны, на ярмонку привезѣны, родимые мои!..

Все смотрѣлъ, какъ кружится Саша — само счастье. Вотъ бери и неси. И смотрѣлъ такъ, точно хотѣлъ выхватить ее съ коника, смять съ голубымъ платьемъ, съ ножками въ туфелькахъ, съ задорными круглыми глазами, и понести съ собой очертя голову Можетъ, и есть-то всего на всей землѣ для него одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

Купилъ онъ и зеркальце въ росписной жести,

// л. 36 об.

и жестяную баночку съ леденцами, сбившимися въ пестрый комокъ, и голубенькую змѣйку — браслетку. Насоваль ему торгошъ полны карманы и медовыхъ жемковъ, и бѣлыхъ, и розовыхъ пряниковъ, и фальшивый двугривенный сдачи. Ушелъ онъ съ ярмарки, поджидалъ на лѣсной закраинѣ, у этого пня. Тогда была ночь — бѣлый день, бѣлая ночь. Темныя избы поглядывали коньками крышъ, шурились. Видѣли, какъ одна рука прижимала закружившуюся свѣтлую головку, нажимала разгорѣвшуюся щеку на холодную пуговицу, а другая совала въ ускользящій куда-то карманъ — была тамъ каменная баночка помады — все, насыпалъ плутоватый торгошъ: и пряники, и слюнявую карамельку-гадалку, и голубенькую змѣйку, и зеркальце, и фальшивый двугривенный. И Саша смѣялась короткимъ смѣшкомъ, повизгивала со щекотки, и льнула, и не давалась. И пахло отъ ея головы сладкой помадой.

— ...Ой, миленькой, не жми...

Подбирала ноги подъ платье, не уходила и не давалась, все оглядывалась на засыпавшія избы и все пугалась.

— ...Ой, мамынька меня...

— Саша! — сказалъ Серегинъ, смотря въ край деревни. — И нѣту тебя...

// л. 37

Онъ пошелъ полевой загородиной, знакомой дорогой. Три недѣли ходилъ онъ здѣсь, — на рѣку и съ рѣки, — когда работалъ на берегу, и ходила здѣсь голоногая

въ будни Саша, носила ему обѣдать къ камню. Поглядывала на него въ сторонкѣ. Потомъ пересмѣивались глазами. Потомъ полюбились.

Желтобурья щетки жнивья глядѣли голо и холодно въ сумеркахъ, только чертополохъ силой засѣлъ на межахъ съ черножелтыми пуговками ржавой дикой рябинки. Уже не было стрѣляющихъ въ просторѣ стрижей, только черное галочье шумѣло въ холодѣющемъ небѣ, кружило надъ избами, кричало, что идетъ осень. Въ сѣрыхъ рядахъ стояли пышно разубранныя рябины, точно краснокафтанная стража, затесавшаяся въ сѣрую толпу мужиковъ. Стайки жирѣвшихъ гусей звонко трубили, подвигаясь къ ночлегамъ, и въ крикѣ ихъ чуялись холода. Черныя пугалы пялили руки въ заходѣвшихъ пустыхъ огородахъ — гдѣ все? Неуютомъ и холодомъ смотрѣло все здѣсь, и не хотѣлось итти.

И все же пошелъ.

Пьяный, косоватый Андронъ распояской бродилъ подъ избой, постукивалъ топоромъ объ стѣны — искалъ работы.

— Ягоръ Ива-нычъ!

Вогналъ въ стѣну топоръ и полѣзъ цѣловаться.

— Чисто подгадалъ я — трехъ барашковъ намедни принялъ... Дочку выдалъ, Ягоръ Иванычъ, живое дѣло!

// л. 37 об.

Угощали бараниной, рассказывали про свадьбу.

— По-четъ какой... становой, Ягоръ Иванычъ, пировалъ! Полулодокъ у сватьюшки-то, оенъ укупаетъ... Первомѣсто мнѣ теперъ въ трактирѣ у ево. Самъ бы Саньку уцопилъ, да жена жива, вотъ какой! Будетъ она у ихъ въ дому баженая, пуще хозяйки...

— Будетъ зря молотъ-то! — ступилась на него Марья, такая же круглоглазая, какъ и Саша.

Молчалъ Серегинъ, угрюмо смотрѣлъ въ сѣрую грудку вареной баранины на деревянномъ кружкѣ, по которой лѣпились мухи. Смотрѣлъ на пѣгую сашину кошку, на жующіе рты хозяевъ, на зеленыхъ чертей въ языкахъ пламени, на картинкѣ, за головой Андрона. А тотъ приставалъ — опробуй баранину-то! — наливалъ изъ зеленой бутылки, копался обрубленнымъ пальцемъ въ кускахъ и запихивалъ въ мокрый, закрытый усами, ротъ. Вытиралъ пальцы о золотистую широкую бороду, тарасилъ на Серегина голубоватые, сонные съ многодневнаго пьянства глаза, трясъ вихрами и уговаривалъ:

— Ребрушко-то опробуй...

И въ избѣ было пусто и холодно, какъ на водѣ, и все еще стоялъ здѣсь тошный и горькій духъ пьянаго праздника. Долго не могъ уснуть Серегинъ. Думалъ о Сашѣ, о своей незадачливой, неуютной жизни. Думалъ, что недалеко Еловая Рожня, что живетъ же Саша на свѣтѣ. И въ безсонной ночи казалось опять, что было на всей землѣ для него только одно, только одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

На уро Андронъ опять угощалъ бараниной и рассказывалъ, Какіе у света лошади и ковровые санки: будетъ теперь Санюшка кататься о святкахъ въ лисей шубейкѣ, — сватьюшка все сулилъ.

...Саша! — кричало тоской въ Серегинѣ.

// л. 38

Онъ забралъ чемоданчикъ и попрощался: много работы теперь на рѣкѣ; поживетъ тамъ, у Семена, въ землянкѣ.

И когда опять шелъ къ полевой загородинѣ, на задворкахъ, у знакомой рябины, нагнала его Марья, съ чего-то накрывшись поверхъ головы рванымъ шугаемъ.

— Постой, погодь-ко, Егоръ Иванычъ... Плакала по тебѣ доченька-то... Мой-то сбѣсился, слышь... Свать-то ему и курму сулилъ на семгу, и трактиромъ-то заманялъ...

— Плакала... — хмуро сказала Серегинъ, глядя въ рябины. — Теперь посмѣется.

Стиснулъ раскосившіяся, было, губы, тряхнулъ головой и пошелъ, не видя ни золотистаго въ солнцѣ жнивья, ни бордовыхъ сочныхъ головокъ татарника, что давилъ сапогами, ни журавлей, летѣвшихъ надъ его головой. Паутинки перетянулись вездѣ, паутинки плыли, играли на солнцѣ и какъ-будто заткали все впереди стеклянными нитями. Липли къ глазамъ.

Три дня работали на рѣкѣ, наводили форватеръ, снимали и ставили знаки. Три дня бились на вселахъ съ теченіемъ, насажавъ кровяныхъ мозолей. Три дня путала ихъ рѣка, сбивая поставленныя въ первый день вѣшки-указки. Три ночи каменнымъ сномъ спалъ Серегинъ въ угарной землянкѣ Семена. И всѣ эти дни и ночи летѣли гуси и журавли за солнцемъ. На четвертый день пришелъ пароходъ снизу и сдалъ депешу — ѣхать нанизъ, къ Волчьему Перекату, быть при дознаніи: тамъ утонулъ маячникъ.

Пароходъ сверху долженъ подойти передъ вечеромъ. Съ утра моросило, нависло и пошелъ вѣтеръ. Разыгрался широкій плесъ, Подъ дождемъ ставили послѣдніе баканы. Закачались огоньки на новыхъ мѣстахъ въ дождѣ — только-только заправленныя печальныя лампадки. Ночью тянуло съ еловой чащи, въ черноту ушла мутная даль песковъ, шумѣло по берегамъ осеннею непогодой. А парохода все не было.

— Можетъ, подъ Буграми шестится гдѣ... Шибко вомелько тамъ! — гадалъ Семень. — Погодка-то шумная, Егоръ Иванычъ...

// л. 38 об.

Серегинъ сидѣлъ пердъ растрескавшейся печуркой, въ дыму. Жалась со своимъ кутенкомъ вислобрюхая Лиска, смотрѣла въ огонь и плакала. Продрогъ и заголодался за день Серегинъ, хотѣлось водки. Боялся, что пароходъ запоздаетъ: закроютъ буфетъ.

— Ишь ты, утопь Васи́лій... — говорилъ Семень. — Выпивши, не иначе. И бырить тамъ, а долженъ бы выплысть, коли съ лодкой что обошло. Шутовое дѣло выплысть... можетъ, на стерженѣ понесло, въ сапоги налило. — А жонка у ево осталась, двое ли — трое ли у ево было. Такъ-то вотъ женишься, наведешь ихъ, а тамъ и потопнешь. На харчи-то и то не хватать...

Серегинъ вышелъ на волю. Хлестало дождемъ съ рѣки. Черно было на берегахъ, черно и на водѣ; но тамъ хоть по широкому плесу поигрывали, дробились въ дождѣ огоньки. Онъ смотрѣлъ на свои огоньки, разбирая кривую линію стржня. Да, вотъ наладилъ и тутъ, и тамъ... а свое не наладилъ. Ползло подъ ногами. Даже сквозь дождь и гулъ чащи пробивался булькающій шорохъ ключей. Пофыркивала рядомъ Лиска.

— Лиска!

Она взглянула и заюлила у ногъ. Бывало, сидѣла у камня, когда онъ ѣлъ, и смотрѣла въ глаза. Тогда было свѣтло на берегу.

...Что жъ не идетъ-то, а? огни не кажетъ?.. Выпить бы вкрѣпку да заснуть...

Смотрѣлъ въ черноту, за баканы, гдѣ должны показаться огни.

— Не кажить? — отзывался изъ темноты Семень, — А, ты, дѣло какое...

— Какой сегодня идетъ?

— Думается такъ, что Чиковскій... либо тотъ... Генераль... Новые, къ имъ и не приглядишься...

...Когда же?

— Егоръ Иванычъ... — просительно сказалъ голосъ Семена. — Скажи тамъ, по начальству правленія... накрышечку какую ни есть бы... мокрое время, невсутерпъ... до кишекъ мокнешь...

— Да когда же онъ, чортъ!.. господи...

— Огонь кажить! Валить!

— Лодку, Семень!

// л. 39

III.

Боковая дверь отворилась и на порогъ, жмурясь отъ яркаго свѣта, остановился высокій плечистый человекъ въ тужуркѣ и бѣлой фуражкѣ со значкомъ.

III.

— Не мая-чи-ить! — услыхалъ въ дремотѣ Серегинъ и встряхнулся.

На него смотрѣлъ съ большого стола разноцвѣтный хрусталь въ огонькахъ, бѣлоснѣжная скатерть, мѣрно качающіеся шапи цвѣтовъ. Дальше — черное, во всю стѣну, окно. За окномъ кричалъ голосъ.

...Задремаль! — подумалъ Серегинъ и покосился на ужинавшихъ.

Они сидѣли за столикомъ, другъ противъ друга, и звякали ножичками. Круглые часы на стѣнѣ показывали безъ четверти двѣнадцатъ, а когда вошелъ, было безъ двадцати пяти. А вздремнулъ и что-то такое видѣлъ — забылъ.

Старичокъ принесъ ему водки и ветчины.

— Насилу отхлопоталъ — плиту загасили.

Еще на берегу Серегинъ рѣшилъ, точно на зло кому-то, выпить да вкрѣпкую. А какъ увидалъ съ лодки, что во второмъ классѣ темно, вспомнилъ съ досадой, что кухня кончаетъ въ половинѣ двѣнадцатаго. И обрадовался: салонъ перваго класса былъ освѣщенъ. И хоть не любилъ онъ перваго класса, — аристократы тамъ все, — вошелъ.

// л. 40

При этомъ онъ накрѣпко потеръ руки и крякнулъ. За столикомъ уже прикончили⁸⁶ съ индѣйкой и ѣли земляничное мороженое буше, запивая шампанскимъ. Серегинъ⁸⁷ приглядѣлся⁸⁸ къ нимъ, къ обстановкѣ ихъ столика, къ плавнымъ⁸⁹ движениямъ молодой красивой женщины, удивительно красивой, какъ опредѣлилъ онъ. Ему Онъ замѣтилъ <?>⁹⁰ ея⁹¹ <нрзб.> очерченный⁹² ротъ,⁹³ съ поднятой верхней губкой;⁹⁴ чорными дужками выведенныя брови и бѣлое матовое лицо⁹⁵ ясно выступающее на бархатномъ фонѣ пышнаго мѣха.<нрзб.>⁹⁶ а когда она поворачивала голову въ его сторону, ея глаза <нрзб.>⁹⁷ казались ему «божественными» — онъ такъ и сказ<аль> себѣ⁹⁸ — <<>божественныя глаза». И обтянутый розовымъ платьемъ⁹⁹ ея хрупкій¹⁰⁰ станъ¹⁰¹ часто останавливалъ его¹⁰² вороватыя взгляды.¹⁰³ Баритонъ¹⁰⁴ ему не понравился. С Рыхлыя брылья подъ щеками и подглазныя натеки и синеватый цвѣтъ лица, и лѣниво-барственныйя движения ему не нравились и онъ подумалъ¹⁰⁵: рухлякъ господинъ. А когда

⁸⁶ В рукописи ошибочно: птрикончили

⁸⁷ Вместо: Серегинъ — было: Человѣкъ въ сапогахъ

⁸⁸ Вместо: приглядѣлся — было: приглядывался

⁸⁹ Вместо: плавнымъ — было: граціознымъ

⁹⁰ Вместо: Онъ замѣтилъ — было: нравились

⁹¹ Далее в рукописи ошибочно: ея

⁹² Вместо: <нрзб.> очерченный — было: тонкій

⁹³ Запятая вписана. Далее было: вырѣзанный въ формѣ малюсенькой треуголки,

⁹⁴ Далее было: ея

⁹⁵ Далее было: фарфоровой куколки,

⁹⁶ <нрзб.> вписано.

⁹⁷ <нрзб.> вписано.

⁹⁸ Вместо: и сказ<аль> себѣ — было: опредѣлилъ ихъ

⁹⁹ Вместо: розовымъ платьемъ — было: серебристой тканью

¹⁰⁰ хрупкій вписано.

¹⁰¹ Далее было: съ рельефно выступающими линиями

¹⁰² Далее было: бѣглые,

¹⁰³ Далее было: И его онъ опредѣлил<ъ> «очень замѣчательная фигура»<.>

¹⁰⁴ Вместо: Баритонъ — было: Ея партнеръ

¹⁰⁵ Вместо: подумалъ — было: сказаль про себя

увидаль, какъ барит.¹⁰⁶ Ёль,¹⁰⁷ чмокая и обсасываль, <нрзб.>¹⁰⁸ — подумаль:¹⁰⁹ жреть,¹¹⁰ какъ¹¹¹ боровъ!¹¹²

Съ¹¹³ жадностью принялся за ветчину на сковородкѣ, торопливо налив<ъ> изъ графинчика —¹¹⁴ стараясь не звякнуть и не чмокнуть. Онъ иногда¹¹⁵ замѣчалъ взгляды пѣвицы¹¹⁶ и чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко¹¹⁷, что въ присутствіи такой замѣчательной женщины, «изъ аристократовъ» хлопаетъ рюмку за рюмкой. Но безпокоиться нечего: какихъ-нибудь пять рюмокъ это¹¹⁸ <нрзб.>¹¹⁹ дѣло¹²⁰. Но это¹²¹ придало¹²² ему бодрости.¹²³ Быстро¹²⁴ покончилъ съ ветчиной и водкой и курилъ¹²⁵ съ наслажденіемъ, поглядывая то на воздушныя¹²⁶ шапки гортензій, то на нее¹²⁷. Поглядываъ и думаль, что¹²⁸ пройдетъ часа два-три¹²⁹, и опять онъ¹³⁰ опять уйдетъ въ ненастную¹³¹ ночь.¹³²

// л. 40 об.

---

¹⁰⁶ *Вместо:* барит. — *было:* теноръ

¹⁰⁷ *Запятая* вписана. *Далее было:* индѣйку и,

¹⁰⁸ *Вместо:* <нрзб.> — *было:* почмокивая косточку

¹⁰⁹ *Далее было:* ишь ты,

¹¹⁰ *Запятая* вписана.

¹¹¹ *Вместо:* жреть, какъ — *было:* какъ жреть...

¹¹² *Боровъ!* вписано. *Далее было:* зловно дня три не ёль. Боровъ.

¹¹³ *Вместо:* Съ — *было:* Онъ съ

¹¹⁴ *Вместо* *тире* *было:* и

¹¹⁵ *Вместо:* иногда — *было:* изрѣдка

¹¹⁶ *Вместо:* пѣвицы — *было:* «ея»

¹¹⁷ *Вместо:* несовсѣмъ ловко — *было:* какъ бы виноватымъ

¹¹⁸ *Далее было:* для него

¹¹⁹ *Вместо:* <нрзб.> — *было:* плевое

¹²⁰ *Далее было:* , пьянымъ не будетъ

¹²¹ *Вместо:* это — *было:* эти

Далее было: пять рюмокъ

¹²² *Вместо:* придало — *было:* придали

¹²³ *Далее было:* Кромѣ того онъ вѣдь имѣеть и нѣкоторыя достоинства, какъ красивый мужчина — это не разъ ему говорили.

¹²⁴ *Вместо:* Быстро — *было:* Онъ быстро

¹²⁵ *Вместо:* курилъ — *было:* закурилъ

¹²⁶ *Далее было:* розовы

¹²⁷ *Над* *словом:* нее — *вписан* *незачеркнутый вариант:* аристократію

¹²⁸ *Далее было:* вотъ

¹²⁹ *Вместо:* два-три — *было:* два три

¹³⁰ *Вместо:* опять онъ — *было:* онъ опять

¹³¹ *Вместо:* ненастную — *было:* холодный дождливую

¹³² *Запятая* исправлена на точку. *Далее было:* а «она» <нрзб.>, уйдетъ въ какую-то особенну<ю> свою, далекую сферу и./ Онъ ясно могъ возстановить въ памяти ея «неземной голосъ, голосъ музыки, какъ она сказала — пожалуйста»...

Но тутъ онъ¹³³ увидалъ, какъ красавица взяла¹³⁴ «рухляка»¹³⁵ за руку¹³⁶ и сказала:¹³⁷

— Не¹³⁸ сердитесь, дорогой... Вы¹³⁹ знаете,¹⁴⁰ я люблю и уважаю васъ...

Это его поразило. На его глазахъ было почти объясненіе въ любви. Даже не обращали вниманія на его присутствіе.¹⁴¹

«Плевать¹⁴² на нихъ» — сказалъ онъ себѣ. И смотрѣлъ искоса¹⁴³, какъ рухлякъ¹⁴⁴ взялъ обѣими¹⁴⁵ руками¹⁴⁶ нѣжную, маленькую, какъ у ребенка¹⁴⁷ розовую ручку,¹⁴⁸ и поцѣловалъ. — И все-таки любить...А, можетъ,¹⁴⁹ и¹⁵⁰ молодые... На¹⁵¹ вы говорить... Еще не обошлось¹⁵²...

Водка его разогрѣла¹⁵³ и дала фантазію¹⁵⁴. Онъ сталъ мечтать.¹⁵⁵ <нрзб.> подумалъ,¹⁵⁶ что если бы¹⁵⁷<...> И мечтательно представляетъ <?> себѣ <нрзб.> что если бы <нрзб.>¹⁵⁸ на пароходѣ. Дождь¹⁵⁹, вѣтеръ. — Онъ¹⁶⁰ подумалъ¹⁶¹, какъ только

---

¹³³ *Вместо:* тутъ онъ — *было:* [ему] его сейчасъ же взяло сомнѣніе. Онъ не безъ неудовольствія

¹³⁴ *Вместо:* красавица взяла — *было:* <<>божественная» протянула свою руку къ рукѣ

¹³⁵ *Далее было:* и взяла его

¹³⁶ *Далее была точка.*

¹³⁷ *и сказала: вписано.*

¹³⁸ *Вместо:* Не — *было:* Ну-ну... не

¹³⁹ *Вместо:* Вы — *было:* Вѣдь вы

¹⁴⁰ *Далее было:* какъ

¹⁴¹ *Далее было:* Это было обидно. И особенно было досадно, что эта, такая чудная, чистая, небесная женщина можетъ любить такого обрюзгаго рухляка. Онъ рѣшилъ не обращать на нихъ вниманія также и попросилъ бутылку пива.

¹⁴² *Далее было вписано:* мнѣ

¹⁴³ *Вместо:* смотрѣлъ искоса — *было:* искоса смотрѣлъ

¹⁴⁴ *Вместо:* рухлякъ — *было:* толстый

¹⁴⁵ *Вместо:* обѣими — *было:* двумя

¹⁴⁶ *Далее было:* и поцѣловалъ «ея»

¹⁴⁷ *Далее в рукописи ошибочно:* ру

¹⁴⁸ *Точка исправлена на запятую.*

¹⁴⁹ *Запятая вписана.*

¹⁵⁰ *Вместо:* и — *было:* быть,

¹⁵¹ *Вместо:* На — *было:* и на

¹⁵² *Вместо:* обошлось — *было:* обошлись

¹⁵³ *Вместо:* Водка его разогрѣла — *было:* Его разогрѣла водка

¹⁵⁴ *Над строкой вписан незачеркнутый вариант:* И вспомнилась ему Саша.

¹⁵⁵ *Вместо:* сталъ мечтать. — *было:* попробовалъ представить себѣ

¹⁵⁶ <нрзб.> подумалъ, *вписано.*

¹⁵⁷ *Далее было:* онъ — это, конечно, невозможно, — но мало ли что — ну если бы онъ скопилъ [денегъ] по <нрзб.> на билетъ, — дороги теперь билеты — и билетъ этотъ выигралъ... двѣсти тысячъ!/ Это возможно, потому что это бываетъ каждый годъ. И вотъ случай посылаетъ ему такую /женщину/ — онъ тутъ усумнился — такую точно, съ такими ручками, голосомъ, ротикомъ какъ у ребенка — ему очень нравилась /въ ней/ нѣжность и какая-то какъ бы беспомощность<.> И вотъ они ѣдутъ...

¹⁵⁸ *И мечтательно представляетъ себѣ <нрзб.> что если бы <нрзб.> вписано.*

¹⁵⁹ *Вместо:* Дождь — *было:* Кругомъ дождь

¹⁶⁰ *Вместо:* Онъ — *было:* онъ

¹⁶¹ *Вместо:* подумалъ — *было:* а. вспомнилъ б. представилъ себѣ

что его¹⁶² швыряло¹⁶³ на волнахъ. А¹⁶⁴ на¹⁶⁵ берегу¹⁶⁶, на размокшей глинь,¹⁶⁷ у¹⁶⁸ шалаша, какой-то другой глядитъ¹⁶⁹ въ¹⁷⁰ вывернувшіеся¹⁷¹ изъ-за мыса огни и торопитъ маячника.¹⁷²

Лодка¹⁷³ съ подтекомъ,¹⁷⁴ кругомъ¹⁷⁵ развезло, ни зги невидно.

Шлепнуло лодку, чуть не ударило багромъ въ руку.

// л. 40 об.

...Сходить скоро, — подумалъ Серегинъ, привалился и сталъ дремать. Слышалъ, какъ шумить порывами за окномъ, какъ сонно шуршитъ дождемъ по стеклу. Видѣлъ, какъ будто, огни въ чернотѣ, качающіеся волны, услышалъ плескъ...

— Пожалуйте-съ, Егоръ Иванычъ...

Показалось въ вязкой дремотѣ, что это сходить надо сейчасъ, и встряхнулся. Старичокъ-лакей лилъ въ фужеръ пиво.

— Вздремнули, Егоръ иванычъ...

— Да, братъ. Крутился много всѣ эти дни...

...Саша! — отозвалось тоской сердце.

Тревожно закричалъ пароходъ, и машина остановилась. Стало слышно, какъ поролъ по палубѣ дождь.

— Мы опять стали! — сказала пѣвица, кутаясь въ мѣхъ, и подошла къ окну. — Ни одного огонька нѣтъ...

Тревожно кричалъ пароходъ, точно предостерегалъ кого-то: ни-ни! ни-ни! Застучали ноги надъ головой. Ревѣлъ рупоръ. И вдругъ увидали, — за переднимъ стекломъ черкнула съ носа ракета. Треснуло и облило голубымъ свѣтомъ берегъ въ черной щетинѣ лѣса.

— Зачѣмъ ракета? — тревожно спросила пѣвица, оглядывая салонъ, и Серегину показалось, что на немъ остановились ея глаза.

— Опаснаго ничего, сударыня, — подымаясь, сказалъ онъ почтительно. — Самый тутъ стержень и завороты... Предупреждаютъ...

— Что?.. я никакъ не пойму...

¹⁶² только что его *вписано*.

¹⁶³ *Далее было:* и гнало <нрзб.> только что

¹⁶⁴ *Вместо:* А — *было:* Тамъ,

¹⁶⁵ *Далее было:* темныхъ

¹⁶⁶ *Вместо:* берегу — *было:* берегахъ

¹⁶⁷ *Запятая вписана.*

¹⁶⁸ *Далее было:* маячнаго

¹⁶⁹ *Далее было:* въ окно

¹⁷⁰ *Над строкой вписан незачеркнутый вариант:* на

¹⁷¹ *Далее в рукописи ошибочно:* на

¹⁷² *Точка вписана. Далее в рукописи ошибочно двоеточие. Далее было:*

— Семень, /<нрзб.>/ давай скорѣй... на этомъ поѣду...

[Сергѣй подаль] /<нрзб.>/, <нрзб.>,

¹⁷³ *Далее было:* у него

¹⁷⁴ *Запятая вписана.*

¹⁷⁵ *Далее было:* глину

Она взглянула через плечо, и онъ еще лучше могъ видѣть, какъ хороша она, и какіе у ней чудесные, играющіе глаза.

// л. 41

— Сильный проносъ тутъ, очень бырить, сударыня... — сколько могъ мягче сказалъ Серегинь. — Несетъ пароходъ, а стержень кривой и узкій... фарватеръсь...

Она отвернулась къ окну: нѣтъ, конечно, не инженеръ.

— И что же?..

Ему нравилось это — онъ бы сказалъ — королевское обращеніе, небрежно-отрывистые вопросы и нѣжный голосъ.

— И вотъ, если тамъ встрѣчный — столкнуться могутъ. А гудковъ на слыхать за вѣтромъ. Потому и ракета.

— Да-а...

Она отошла отъ окна, мило запахиваясь боа, точно ей было холодно. А Серегинь насторожился, не спросить ли. Она видѣла этотъ ожидающій взглядъ. Эти взгляды тянулись за ней повсюду. И этотъ, въ сапогахъ, красивый и диковатый, съ рѣзко кинутыми бровями, этотъ дѣтина, крѣпкій, какъ брусъ, смотрѣлъ на нее точно такимъ же взглядомъ, въ которомъ были еще и робость, и восхищенье.

— Вы, очевидно, хорошо знаете эти мѣста? — спросила она небрежно.

Онъ отвѣтилъ съ готовностью, что знаетъ отлично. Онъ выросъ на этой рѣкѣ. Можно сказать, волны его качали: отецъ-то его былъ лоцманъ, когда, конечно, еще не было охраняющихъ знаковъ, провожалъ суда въ трудныхъ мѣстахъ. А онъ? А онъ... вотъ эти баканы, огни, мачты по берегамъ — это его рукъ дѣло. Какъ сказать! Труда особаго нѣтъ, только безпокойное очень дѣло. Вотъ часа черезъ полтора надо сходить... Говорятъ, утонулъ маячникъ, — тѣ, что по берегамъ въ шалашахъ. Надо быть при дознаніи.

// л. 41 об.

Намолчался ли онъ, долго ли не бывалъ съ людьми, или водка развязала языкъ, или было такъ хорошо говорить съ этой красавицей, — такъ называлъ ее про себя, — онъ рассказалъ, какъ ночевалъ въ шалашѣ у маячника и какъ ставилъ баканы на плесѣ, гдѣ его забралъ пароходъ. Плохо, что подошла непогода, кругомъ развезло, темень. Выглянулъ на рѣку — огонекъ, идетъ пароходъ.

— Увидали нашъ пароходъ! — оживленно сказала она, кутаясь въ мѣхъ и щурясь. — Скажите... говорятъ, здѣсь еще попадается типъ прежнихъ ушкуйниковъ-новгородцевъ... — спросила она съ улыбкой.

Онъ слыхалъ про ушкуйниковъ.

— У насъ тутъ много крѣпкихъ людей... отважныхъ. Лоцманъ вотъ, — водяной народъ, дерзкій...

Взвыло вѣтромъ по палубѣ, прокатило по желѣзной обшивкѣ, и серегинь опять вспомнилъ, что скоро сходить. Посмотрѣлъ на часы — перваго половина.

— А зимой, что вы дѣлаете?

— Да вѣдь... то ремонтъ, то пошлють въ управленіе. А то отпускъ беру, на родину ѣду. Глухія у насъ мѣста. Тутъ у меня съ медвѣдями...

— Что такое... съ медвѣ-дями? — спросилъ баритонъ, подымая брови. — Охота?

Какъ-то разъ онъ былъ на обкладкѣ, нарочно для него устроенной почитателемъ-фабрикантомъ.

— Вотъ-съ. Только я дешево-съ, работаю исполу...

— Исполу? — морщась, спросилъ баритонъ. — Я не понимаю... исполу!

— Обкладчику трешну въ зубы, медвѣдя на придачу. Дорого положить! Промажу — плати десятку. Но только этого не бывало. У меня не сорветъ-съ! — показалъ онъ рукой. — Пршлую зиму полдюжины нащелкалъ, — мечекъ пару да пестовъ четырехъ, стариковъ...

Вѣяло отъ него силой. Широкогрудый былъ онъ, роту вершковъ двѣнадцати, съ руками, въ которыхъ прятался фужеръ пива, съ горячимъ взглядомъ и открытымъ, темнымъ съ загару, лицомъ. Ерзалъ по широкому лбу его каштановый завитокъ, враскосъ глядѣли беспокойныя брови, а мягкія губы все сбѣгались въ усмѣшку, когда говорилъ. Онъ уже не стѣснялся теперь, расхаживалъ по салону, заставляя дрожать хрусталь.

// л. 42

— Ммда... — пожевалъ баритонъ губами. — Я тоже люблю эту... охоту...

— Убивали-съ?! — радостно даже спросилъ Серегинъ.

— Однажды, въ Калужской губерніи... взялъ я одного... небольшого...

...Вретъ, брыластый... — подумалъ Серегинъ, глядя на рыхлыя щеки и намекающіе подъ глазами мѣшечки. — И такого-то рухляка — такая!

И спохватился: такъ неудобно держать себя, ходить и кричать такъ громко.

— Да вы молодецъ! — сказала пѣвица. — Расскажите намъ еще что-нибудь. Такъ мы скучали все время...

Онъ былъ счастливъ, что она говоритъ съ нимъ и такъ смотритъ. Какая женщина! Скажи ему — и по одному ея слову, за эту невиданную улыбку, въ этотъ нѣжный, пѣвучій голосъ, отъ котораго съ чего-то понывало сердце, онъ готовъ былъ бы перебить всѣхъ медвѣдей, пойти на нихъ съ голыми руками. А легкая какая, субтиленькая! Онъ рассказалъ имъ, какъ былъ разъ подъ медвѣдемъ, какъ взялъ рысь однѣми руками — ободрала, шельма, плечо! — какъ подъ Архангельскомъ, — тамъ рѣка, господа, ка-кая! версты! — переходилъ въ ледоходъ. Объ этомъ писали въ газетахъ. Ну, это когда былъ моложе, конечно. Теперь дорожить жизнью. Зажигалъ передъ ней, передъ этой чудесной розовой женщиной, весь жаръ, который таился въ душѣ. Былъ счастливъ, что она такъ глядитъ, — и вдругъ стало не по себѣ: замѣтилъ, какъ она наклонилась къ скучному рухляку и что-то шепнула.

— А не выпьете ли съ нами винца? — предложилъ баритонъ.

...Во-отъ! А прилично ли? — подумалъ Серегинь. — Скажутъ, самъ неспросился...

— Да? — съ улыбкой кивнула ему пѣвица. — Конечно, вы должны выпить.

...А, какіе глаза! Бываютъ же такія... небесныя женщины! Родятся гдѣ-то, гдѣ-то живутъ...

// л. 42 об.

Онъ не нашель, что отвѣтить. Поежилъ плечами и поклонился.

— Берите стулъ и садитесь. Вы такъ хорошо рассказываете...

...Сама красота! За такую биться до смерти можно... Рубаха видна изъ-за ворота... — и смущенно вбиралъ голову въ плечи, чтобы не показалась рубаха.

— Вамъ какого позволите? Вамъ надо выпить, вы скоро опять туда...

— Все равно-съ... какого-нибудь...

Все равно, она понимаетъ его смущенье, понимаетъ, что не умѣетъ онъ разговаривать. Имъ все извѣстно. Бываютъ же такія необыкновенныя, недаромъ онъ живутъ въ большихъ городахъ и все знаютъ. Вотъ и не дѣлаютъ ничего, и это хорошо, что онъ ничего не дѣлаютъ. Руки какія! Бѣлыя, ни морщинки, ни цыпки, атласистыя. Сливками моютъ! — слыхалъ онъ что-то про сливки. — А платье! Шкурка, прямо. Совсѣмъ и не платье, а кожаца.

...Водка-то даетъ себя знать, — слѣдилъ за собой Серегинь. — А, все равно, сходить скоро, къ чорту...

Онъ присѣлъ, чувствуя связанность, — ходить было куда свободнѣй, — потирая руки, съ которыми не зналъ что дѣлать. Въ карманы заложить, положить на колѣни или такъ, на груди, какъ этотъ?..

— Во-симв! — донесло съ носа.

— Мы не сядемъ? — шутливо спрашивала пѣвица. — Вы тутъ все знаете.

— Знаки всѣ исправно стоятъ, не должны-съ.

— Этимъ мы обязаны вамъ, нашему охранителю... Позволите этого? — дарила она ему улыбки.

// л. 43

Еще спрашиваетъ — позволите! Вотъ они, вотъ необыкновенные, настоящіе люди. А говорятъ — аристократы, въ людяхъ не понимаютъ. Шампанское! Не ждалъ — не гадалъ. Конечно, уже настоящее. Онъ никогда еще не пилъ настоящаго. Поилъ его купецъ на пароходѣ донскимъ, а это...

— Помилуйте, какой охранитель!

Это все сущіе пустяки, даже не стоитъ хорошаго разговора. Это его обязанность ставить баканы, провѣрять и направлять стрежень, слѣдить за рѣкой, чтобы не бѣловались. Ну, и почевать подъ дождемъ. Онъ чуть-чуть рисовался передъ нею. Есть такая пословица здѣшняя, — простите за грубое слово, — не потопаешь — не полопаешь. За это и деньги платятъ. Немного, шестьдесятъ рублей, но тутъ, какъ говорится, эконо-мическій законъ. Не онъ — такъ другой. А жизнь — строгая

старушка, не пошутишь. Сколько хуже его живетъ. А плотогонь какъ! Сколько ихъ пропадаетъ, какъ плоты разобьетъ — такъ и посыпятся. А маячники, а лѣса валять, — головы напрочь летятъ, въ лепешку! А на лѣсопилкахъ, а на рудникахъ мѣдныхъ! Въ бархатѣ-то живутъ — горсть. Жизнь...

Посмотрѣлъ на нее: вотъ она, въ бархатѣ живетъ, такая.

Ужъ и не замѣчалъ, какъ подливали ему. Онъ точно сорвался, поощряемый гимканьемъ рухляка и ея играющими глазами.

— Любите наши мѣста... Очень пріятно! Наши мѣста хорошія. Народъ кормятъ. Дикой край, не разработанъ еще. Разра-бо-таемъ!

Какія же они пустыя! Съ пароходу-то не видать, конечно. Пу-стыя!

— Такъ-то вотъ, господа, и про народъ говорятъ — лѣнивый! И пожить... Деревни кругомъ, въ поляхъ и лѣсахъ деревни. Деготь гонять, скипидаръ, смолу, корье деруть, лѣса валять, рѣжутъ, за границу гонять. Маслобойки! А рыбаки! Изволили семгу кушать, а нельму? А вотъ они, заколы-то, курмы... Въ ночи-то непогожія саое дорогое дѣло, когда ей пора валиться. А поморы! За тюленями, за треской, кругомъ кипятъ...

Говорилъ о возникающихъ поселеніяхъ, о падающихъ лѣсахъ, о прежнихъ лоцманахъ, доживающимъ дни свои по роднымъ селамъ. Ихъ бы послушали! О разливахъ этихъ могучихъ рѣкъ, когда на десятки верстъ ни-чего, — море и море. О ходѣ семги, какъ бѣжитъ она съ моря, сигаетъ черезъ пороги, черезъ заколы, вся-то серебряная!

// л. 43 об.

Всегда передъ нимъ стоялъ полный стаканъ. И всегда видѣлъ — вотъ-вотъ, близко совсѣмъ, — играющіе, несбыточные глаза, и въ нихъ такое, такое... какъ сказка.

...Что за вино! Пьешь — больше хочется. Еще бутылку несетъ Иванъ. теперь красное начали... вотъ ши-куютъ!

Разсказывалъ о бучахъ въ водополе, о крестахъ, о погостахъ. Сыпалъ пословицами. Вытащилъ «бабочку», положилъ на столъ, и лежала она рядышкомъ съ золотымъ портсигаромъ въ буковкахъ. Смотрѣлъ сбоку, какъ попиваетъ она глоточками, точно цыпленокъ, эта чудесная женщина, сама красота. Совсѣмъ близко взглянулъ — свѣтлые круглые глаза... Сашины глаза! А изъ души не шла камнемъ навалившаяся тоска. И вино не брало ее. Говорилъ о Щурахъ, какія хитрыя бываютъ мѣста на рѣкахъ. Тамъ и пѣсня такая есть: «отъ поры да до поры разыгралися Щуры!»

Опять кричали пароходъ, спрашивалъ ночь, тише шлепалъ колесами. Приглядѣлся Серегинъ — часто стоятъ баканы, знакомое мѣсто.

— Рожня, никакъ... — сказалъ старичокъ, дремавшій у стѣнки.

— Самая она...

Серегинъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ запотѣлость, смотрѣлъ на невидные берега. Рожня! Ни огонька не было на горѣ, и горы не было, и села съ

синими пузатыми куполами въ звѣздахъ, и трактира на самомъ вѣнцѣ горы. Прижался лицомъ къ стеклу — ничего.

— ...Сашура! — позвалъ онъ. — Чуешь ли?!

Стиснулъ зубы, сдавилъ глаза, задавилъ въ себѣ нежданно запросившіяся слезы.

// л. 44

— ...Приду, Саша! — сказалъ онъ невиднымъ берегамъ.

— Не тутъ родина ваша? — услыхалъ онъ играющій голосъ.

— Нѣтъ, сударыня. Родина моя далече отсюда...

Подумалъ, было, — сказать? Посмотрѣлъ въ себя, посмотрѣлъ на столикъ съ ведеркомъ, — нѣтъ.

— Скоро уходитъ вамъ?

— Да... полчаса, не больше...

Онъ сидѣлъ, наклонившись и отвернувшись, не думая уже, — прилично ли такъ, — смотрѣлъ на сапогъ, а губы дрожали, и хотѣлось бы закричать, побѣжать куда-то, разметаться.

— Ну, скажите... — нарушила молчаніе пѣвица. — Вы довольны своей судьбой?

Она такъ тепло посмотрѣла, такъ участливо спрашивала.

— Судьбой... — сказалъ онъ, не подымая головы, забывая, прилично ли. — Судьба моя... невеселая, сударыня...

Встряхнулся, взглянулъ на нее и улыбнулся грустно.

— Все бываетъ.

Прошелся по салону, понюхалъ розовые цвѣты, которые ничѣмъ не пахли, взглянулъ на часы — второй. Пѣвица постукивала ложечкой.

— А вы далече изволите? Туда-съ... Тамъ теперъ ярмарка начинается. По торговымъ дѣламъ изволите ѣхать?

— О, нѣтъ! — разсмѣялась пѣвица. — Почему вы думаете, что мы по торговымъ дѣламъ?

Посмотрѣла на баритона. Тотъ смѣялся глазами — по торговымъ дѣламъ!

— Такъ, ошибся, конечно... Слышалъ — коммерческій разговоръ, думаю — по торговымъ дѣламъ...

// л. 44 об.

Смотрѣлъ на нее съ простоватой улыбкой.

— Нѣтъ, мы не по торговымъ дѣламъ... — сказала пѣвица задумчиво. — Не по торговымъ...

Она подошла къ піанино, открыла крышку, посмотрѣла на черное окно. Задумалась. Постояла и тихо опустила крышку.

— Вѣтеръ какой!

Кажется, никогда не утихнетъ вѣтеръ, не перестанетъ дождь, не кончится непогожая ночь, стоящая за пароходомъ. Ни эти рвущіе ночь гудки.

— Не мая-чи-ить! — кричалъ все тотъ же не устающій голосъ.

— Не маячи-ить! — подавалъ выше, подь темнымъ небомъ.

— Вы женаты?

— Нѣтъ-сь. У меня ни жены, ни сестры... ни мамы...

Она посмотрѣла на него по-другому, чѣмъ раньше. Такой огромный, медвѣжій человекъ, а сказалъ такъ, по-ребячьи, такъ нѣжно, — ни мамы.

...Что она смотреть такъ? Вѣдь она ничего не знаетъ.

И понялъ — жалѣеть.

А если ей рассказать... Она пожалѣеть... А тотъ ужъ дремлетъ, упился...

Серегинъ смотрѣлъ въ переднее, черное окно, по которому струились капли. Поднялся, вглядываясь. Ну да, самый и есть, Волчій Перекатъ. Надвигается линія бакановъ, частыхъ огней.

Подавалъ отрывистые гудки пароходъ: гу-гу! гу-гу!

— Вотъ и сходить мнѣ...

Пѣвица посмотрѣла въ окно: онять широко раскинулись зыблющіеся огоньки, опять не видать береговъ, и все такъ же царапаются волны, бѣлѣютъ гребнями.

— Пойдите туда... Господи! — перевернула она зябкими плечами. — Въ такую тьму...

— Къ утру разсвѣтитъ... — усмѣхнулся Серегинъ. — Можетъ, осень погожая будетъ...

...Эхъ, ей бы сказать, пожалѣла бы съ такими глазами, маленькая...

— Счастливо оставаться!

// л. 45

Она протянула ему маленькую холодную руку, которую онъ боялся пожать, — такая она была крохотная.

— Вы будете счастливы... — сказала она съ чувствомъ, въ порывѣ вдругъ поднявшейся жалости къ нему, уходящему въ ночь. — Желаю вамъ... и хочу, чтобы вы были счастливы!

Онъ поклонился неуклюже, тронутый такой неожиданностью, вѣря сердечности нѣжнаго голоса. Поклонился молча кутившему рухляку.

— Мое по-чтенье!

Оглянулъ салонъ, точно искалъ свой чемоданчикъ и плащъ, оставленные у вахтеннаго. Увидалъ дремлющаго у стѣнки официанта, долго рылся въ карманахъ, вытаскивая какія-то бумажки, отыскивая кошелекъ.

— Семьдесятъ копеечекъ съ васъ, Егоръ Ивановичъ. Нѣту — потомъ отдадите.

— Какъ нѣтъ, какъ нѣтъ...

Сунулъ рубль бокомъ, наспѣхъ, поклонился къ столу и вышелъ на палубу. На него пахло вѣтряной мокрой ночью.

— Бѣдный... — вздохнула пѣвица.

— Ммда... — отозвался баритонъ. — Мнѣ показалось, вы ему пѣть хотѣли...

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да, я хотѣла бы спѣть ему... Хотѣла бы спѣть всѣмъ... всѣмъ этимъ пустымъ просторамъ...

— Вы напрасно, дорогая. Я не смѣюсь... Я бы и самъ ему спѣлъ.

Пѣвица переплела пальцы, положила на нихъ подбородокъ и задумалась.

— Да, я хотѣла спѣть, и почему-то было стыдно... Я пѣла на пароходахъ, но теперь... мнѣ показалось это такимъ... Что бы я стала пѣть? Онъ, вѣроятно, никогда ничего не слыхалъ... Но что бы я стала пѣть ему? «И тихо, и ясно, и пахнетъ сиренью?» Что-нибудь бодрое? А онъ послушаетъ и пойдетъ въ ночь?.. Мы можемъ пѣть съ вами тамъ, въ залахъ, рядамъ... а *здѣсь* надо что-то другое пѣть, въ этой жути, какую-то страшную симфонію... Она творится здѣсь, я ее чувствую, эту великую симфонію... Мои пѣсенки были бы здѣсь насмѣшкой, какимъ-то пискомъ. Да, да!.. Сюда надо итти не съ подаяньемъ!.. А когда-нибудь и здѣсь будутъ пѣть... другіе...

// л. 45 об.

Она позванивала ножичкомъ по лафитничку.

— Прикажете убирать-сь? — спросилъ офиціантъ.

— Ну, хорошо-сь, — сказалъ баритонъ. — Представимъ себѣ, что всѣ эти наши «пѣсенки»...

На палубѣ пороло дождемъ. Со свѣту ничего не было видно. Говорили вахтенные, что былъ огонь съ берегу, а вотъ нѣту. Звалъ и звалъ пароходъ.

— Даютъ? — кричалъ Серегинъ капитанскому мостику.

— А чортъ ихъ знаетъ! — сердито отвѣчалъ мостикъ. — Баканы горятъ — есть кто-нибудь...

Гдѣ берега? Непроглядная темень съ покачивающимися какими-то голыми огоньками.

— Даетъ! — крикнули отъ кормы голоса.

— Въ корму води-и! — заревѣлъ рупоръ.

Завозились кожаныя куртки въ свѣтъ фонарика, поднялись черныя жерди и упали: багры зацѣпили невидно подобрившуюся лодку.

// л. 46

— Готова-а!

Серегинъ прыгнулъ. За нимъ кинули чемоданчикъ. Подняло и швырнуло въ хлябь. Отходили свѣтлыя окна салона, узились, завернулись. Дальше, дальше уходили боковые огни, свѣтя на прыгающіе волны, пуская два долгихъ расходящихся вала, унося тыльный рубиновый огонь. Уже не было ихъ, а этотъ кормовой огонекъ становился недвижимымъ и уже не живымъ былъ, а покачивался на вольныхъ волнахъ рядовымъ унылымъ баканомъ. Дальше всего держался бѣлый на невидной мачтѣ, и не разобрать было — пароходъ ли шелъ гдѣ вдали, звѣздочка ли глядѣлась въ прорывѣ неба.

Перемѣнился вѣтеръ — упорно, густо тянулись съ береговъ, несъ шумы чащъ.

— Садись! — уже который разъ кричалъ съ веселъ робѣющей молодой голосъ.

Не видѣлъ и не думалъ Серегинъ, — кто тамъ, невидный на веслахъ. И какъ часто бываетъ, когда попадаешь во тьму съ яркаго свѣта, — остается въ глазу рѣзкое отраженіе только-что видѣннаго, — такъ и было съ Серегинимъ. Передъ глазами, во тьмѣ, на вѣтру, рѣзко стоялъ уголъ стола, бѣлая скатерть, край

серебряного ведерка, нѣжная рука въ кольцахъ, золотой портсигаръ въ буквкахъ, полстаканчика краснаго вина, розовое что-то въ окуркахъ на блюдечкѣ...

...А портсигаръ?!..

«Бабочки» не было ни въ боковомъ, ни въ другихъ карманахъ. Она осталась лежать на столикѣ, рядомъ съ тѣмъ портсигаромъ. Теперь ѣдетъ тамъ...

...Оставилъ. Ну, Иванъ уберетъ...

Вскинуло на крутую волну, швырнуло, — чуть не упалъ Серегинъ.

// л. 46 об.

— Садись, говорятъ! Не выгребешься никакъ... — кричалъ плаксиво молодой голосъ.

— Кто на веслахъ?

— Маяшникъ!

— Маяшникъ утопъ!

— Што жъ, что утопъ... А самъ кто?..

— Судходный сотритель!

— А-а... виновать...

— Тѣло нашли?

— Нѣ!..

— А ты откуда? староста нарядилъ?

— Староста! Подрушный я, съ пятаго поста! Аксень...

— Справляешься?

— Ничего... Скушно тутъ...

— Что?

— Воеть!

— Что воеть?!

— Жонка ево, въ салашѣ... не ухо дить...

Лодка толкнулась въ берегъ.

Ив. Шмелевъ¹⁷⁶

// л. 47

---

¹⁷⁶ Ив. Шмелевъ *вписано*.

б.) 8лл (1ч.)
ранняя редкция.

Баритнъ Звонаревъ Звонскій —¹⁷⁹ и вызывающая общіе восторги пѣвица Гарская¹⁸⁰ <— завершали свое> провинциальное турнэ. Они уже завершили его и завершили съ хорошей для себя пользой¹⁸¹.

Можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ, но пѣвица выбрала пароходъ. Баритонъ убѣждалъ, что въ концѣ августа ѣхать по рѣкѣ вовсе не интересно, можетъ измѣниться погода, что они, наконецъ, рискуютъ. Говорилъ о туманахъ, о возможности застрять на мели. Но пѣвица настаивала. Она не бывала въ этихъ пустынныхъ краяхъ, гдѣ въ тихихъ селеніяхъ дремлютъ старенькія церквушки, гдѣ по погостамъ — тамъ есть такіе погосты — притаилась сиротливая жизнь. Наконецъ, хотѣла отдохнуть на водѣ, гдѣ всегда чувствуешь себя хорошо.

Ихъ импрессарио — онъ же и піанистъ — поѣхалъ впередъ — налаживать дѣло, а баритону пришлось уступить.

Пока они сядутъ на небольшой пароходъ, а съ половины дороги — тамъ вода позволяетъ — поѣдутъ на самоновѣйшемъ, большомъ и роскошномъ, со всѣми удобствами. Общество можетъ гордиться своими «американцами», и пусть не подумаютъ, что полный комфортъ можно получить только на Волгѣ.

Такъ сказалъ имъ пароходный агентъ.

— На этомъ пароходѣ ѣхалъ министр!

Агентъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и галантно добавилъ:

— Вы дѣлаете намъ честь.

// л. 12

— Лучше бы ѣхать желѣзной дорогой... — скучно говорить бритый<.> — Какое удовольствіе!

— Ему отвѣчаетъ новой дождевой шорохъ. Пароходъ вскрикиваетъ отрывисто — точно — хо знаю! и дрожаніе усиливается. Быстрѣй бѣгутъ наплывають изъ темноты качающіеся огни.

— Нѣтъ, хорошо... — отвѣчаетъ брюнетка. — Здѣсь отдыхаешь... и, главное, нѣтъ людей... Кажется мы одни ѣдемъ...

— На сѣверѣ всегда такъ... — отзывается собесѣдникъ. — И потомъ конецъ августа... Вамъ не холодно?

Она еще глубже прячетъ въ пушистый мѣхъ блѣдное лицо и отрицательно качаетъ головой. Смотритъ въ темноту, куда гдѣ куда увѣренно устремляется пароходъ.

¹⁷⁷ *Далее было:* Нѣтъ конца Вверху вяло, сонно, скучно тянутся и тянутся однотонны<е> мутные облака, тяжелыя, все раздумывающія, пора или не пора не пора ли начать сыпать мелким= предосеннимъ дождемъ..

¹⁷⁸ *Далее было:* Извѣстный

¹⁷⁹ *Далее было:* по паспорту мѣщанинъ Звонаревъ

¹⁸⁰ *Далее было:* — по паспорту Господчикова, она же Сударикова,

¹⁸¹ *Далее было:* какъ денежной, такъ и иного сорта

— Нѣтъ, право хорошо... — говоритъ она. — Какая чернота... жутко... И эти огни... плывутъ, плывутъ... Какой дождь! И какъ-то странно представить себѣ, что гдѣ-то кругомъ, въ этой тѣмѣ люли... Слѣдятъ за нами... зажигаютъ огни... Сейчасъ они подѣ дождемъ... въ этихъ шалашикахъ... а кругомъ глушь... а мы здѣсь... какъ на островѣ...

— И сейчасъ будемъ ѣсть паровую семгу...

Потомъ они говорятъ, въ десятый разъ о предстоящемъ послѣ завтра концертѣ, о томъ, что они и тому и другой хорошее извѣстно и о чемъ они уже говорили.: о своемъ импресарио, о зимнемъ сезонѣ, о томъ городѣ, куда ѣдутъ и гдѣ ихъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ждутъ.

— Странно... — задумчиво говоритъ дама, всматриваясь въ темноту за окно<.> Мы ѣдемъ уже тысячу верстъ, и почти ни одного города... Точно пустыня кругомъ. Лѣса, лѣса... Ежели вдуматься... Здѣсь... здѣшніе — вѣдь живутъ же здѣсь кто-нибудь.... Не для насъ же только этотъ пароходъ<.>

// л. 12 об.

— И сейчасъ будемъ ѣсть паровую семгу...

Потомъ они говорятъ, въ десятый разъ о предстоящемъ послѣ завтра концертѣ, о томъ, что они и тому и другой хорошее извѣстно и о чемъ они уже говорили.: о своемъ импресарио, о зимнемъ сезонѣ, о томъ городѣ, куда ѣдутъ и гдѣ ихъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ждутъ.

— Странно... — задумчиво говоритъ дама, всматриваясь въ темноту за окно<.> Мы ѣдемъ уже тысячу верстъ, и почти ни одного города... Точно пустыня кругомъ. Лѣса, лѣса... Ежели вдуматься... Здѣсь... здѣшніе — вѣдь живутъ же здѣсь кто-нибудь.... Не для насъ же только этотъ пароходъ<.>

Ея собесѣдникъ всталъ и позвонилъ.

— Конечно живутъ... «дере-венскіе, русскіе люди...» Милѣйшій, когда же вы, наконецъ подадите?..

Лакей предупредительно отвѣчаетъ — сію минуточку-съ и уходитъ.

— Да, мы, дѣйствительно, бѣдны, бѣдны... — говоритъ она, откидываясь въ мягкую глубину кресла. — Да... Огромные просторы... Сколько ихъ проѣхали! и рѣдкіе золотыя точки... гдѣ люди любятъ и понимаютъ искусство, красоту... смыслъ жизни...

Пауза. Господинъ проглядываетъ преисъ-курантъ. Розовыя шапки гортензій щекочутъ его гладко выбритую щеку.

На даму, очевидно, находитъ, грустно-мечтательное настроеніе. Отчекани Медленно, какъ бы декламируя со сцены, устремивъ взглядъ на черноту за стекломъ, она читаетъ:

<—> Бѣдная картина... какъ ты мнѣ родна... тихая долина... блѣдная луна... Это, кажется Тютчевъ? Мих

— Да, кажется... — мурлыкаетъ господинъ, проглядывая бѣлыя вина. — А можетъ быть и не Тютчева... чева... чева... Можетъ быть и Пушкина кина... Вамъ бѣлое какъ понравилось?

— Ну, что вамъ? — капризно вскрикиваетъ она. — Какое тамъ еще бѣлое?..

— Бѣлое-сь... — говоритъ онъ докторально-шутливымъ тономъ, <—> которое вы красавица моя, изволили пить сегодня за обѣдомъ.

— Ахъ, мнѣ все равно. Подите ко мнѣ...

Онъ подходитъ лѣнливой развалкой, играя прейсь-курантомъ, и останавливается въ театральной позѣ.

// л. 13

— Ахъ, я что-то совсѣмъ не хочу ѣсть ... — скучно протянула она, пробуя вилокъ, шеvelopя <. —> Дайте вина...

Она пила маленькими глоточками, а онъ мастерски расправлялся съ семгой, рассказывая, какъ онъ видѣлъ рѣдкое зрѣлище, когда на эта самая семга, перепрыгивала черезъ пороги.

Но и это было невесело. Было не весело, потому что въ салонѣ было пусто и не бодрило то винцомъ.

— Нашъ пароходъ — какъ могила... — сказала она. — Какіе-то будни.

— Вы непос Какъ вы непостоянны! — говорилъ онъ, распластывая рыбу ловко <. —> Только недавно говорили, что вамъ надоѣли люди смертельно... а... мечтали даже поселиться гдѣ-то въ глуши и вести настоящую трудовую жизнь — онъ поперхнулся и извинился. На его нижней губѣ повисла тонкая косточка, но онъ не замѣчалъ этого и Его рыхлыя щеки прыгали, глаза налились кровью отъ охватившаго его припадка кашля.

— Результатъ парохода... — едва проговорилъ онъ. — разглаживая горло.

— Не потеряйте свои верхи... — засмѣялась она. — У насъ съ вами только это и есть...

— Это меня просквозило тамъ... — указалъ онъ на палубу. — Гм... Кха...

— Чтобы съ вами было, если бы вамъ пожить денька два въ тѣхъ шалашикахъ, что мы видѣли по берегамъ. — А вѣдь тутъ проводятъ всю жизнь <.> Бѣдный вы, бѣдный!

— Да но не Ничего. Тогда бы я не ѣздилъ на этихъ проклятыхъ пароходахъ въ такую погоду.

— И со мной... Но не вы ли потащили меня на сѣверъ?

— Не знаю, кто кого потащилъ. Не знаю, кто хотѣлъ показать себя и сѣверу...

— И это говорите вы! Выпейте лучше теплаго вина... Вы, кажется, хрипите...

Она протянула ему свой стаканъ.

— Хриплю?... кхы... Развѣ я хрии-плю? — постарался онъ отчетливо выговорить... < —> Нѣтъ, серьезно?..

Онъ, дѣйствительно, беззаботно. Смотрѣлъ на нее, потирая горло <.>

— Не пейте слишкомъ много... ха-ха-ха...

Она знала его болѣзненную мнительность и шутила. Но какія тутъ шутки <и>, когда его голосъ йѣнился котировался на рынкѣ выше десятки тысячъ глотокъ всѣхъ тѣхъ, кто въ настоящую минуту сторчалъ во всѣхъ этихъ шалашахъ по берегамъ... гораздо выше, чѣмъ, на которыхъ она тащила его смотрѣть, не обращая вниманія на сырую промозглую погоду. И теперь, сидя противъ нея и

разглядывающая скучная, примелькавшаяся ему черты, онъ думалъ злился на себя, что согласился поѣхать на этотъ проклятый сѣверъ.

// л. 13 об.

Боковая дверь отворилась и на порогъ, жмурясь отъ яркаго свѣта, остановился высокій плечистый человекъ въ тужуркѣ и бѣлой фуражкѣ со значкомъ. На плечѣ у него висѣла скрученная въ четверо шинель.¹⁸² Онъ стоялъ въ высокихъ сапогахъ,¹⁸³ не совсѣмъ чистыхъ.¹⁸⁴

Послѣ¹⁸⁵ сутокъ своего одиночнаго заключенія въ салонъ и бар<итонъ> и пѣвица¹⁸⁶ проявили вниманіе къ¹⁸⁷ такъ неожиданно пришедшему¹⁸⁸ изъ¹⁸⁹ ночи человекъ¹⁹⁰.

А тотъ, точно его ослѣпилъ¹⁹¹ свѣтъ, сидѣлъ на диванчикѣ и¹⁹² оглядывалъ бѣлыя скатерти, играющій хрусталь, люстру.

Было что-то въ немъ, въ этомъ пришедшемъ изъ ночи человекѣ, вызывающее жалость: можетъ быть его поношенная одежда или его стѣснительная поза. Она говорила, что и этотъ свѣтъ, и эта яркая обстановка салона вещи не совсѣмъ привычныя для него. И потому ласково сказала — пожалуйста. Онъ п быстро привсталъ и поклонился. Изъ этого короткаго и поспѣшнаго поклона она вывела заключеніе, что въ немъ, дѣйствительно есть что-то жалкое, и что онъ, конечно, какой-нибудь бѣдный загнанный чинуша.

// л. 14

При этомъ онъ накрѣпко потеръ руки и крикнулъ. За столикомъ уже прикончили¹⁹³ съ индѣйкой и ѣли земляничное мороженое буше, запивая

---

¹⁸² *Далее в рукописи ошибочно: С*

¹⁸³ *Далее в рукописи ошибочно: ись*

¹⁸⁴ *Далее было:*

— Пожалуйста затворяйте... — сказала артистъ, повышая голосъ.

— Виновать-съ... —

Только что вошедшій притворилъ дверь, съ любопытствомъ и какъ бы съ осторожностью оглядывая ужинавшихъ. Потомъ рѣшительно сдѣлавъ направился къ свободному столику и здѣсь сложилъ на диванъ пальто. И поставилъ на полъ старый облѣзлый кожаный чемоданъ. И протяжно вздохнулъ.

[Артистъ]

¹⁸⁵ *Далее в рукописи ошибочно: Послѣ*

¹⁸⁶ *Вместо: и бар<итонъ> и пѣвица — было: оба*

¹⁸⁷ *Далее было: этому человекъ, появившемуся*

¹⁸⁸ *пришедшему вписано.*

¹⁸⁹ *Далее было: бушующей*

¹⁹⁰ *человекъ вписано. Далее было: Они сейчасъ же замѣтили высокіе сапоги съ приставшей къ нимъ грязью (это покорило), потертую тужурку, сильныя волосатыя руки и загорѣлое лицо.*

¹⁹¹ *Далее было: яркій*

¹⁹² *Далее было: какъ-то изумленно*

¹⁹³ *В рукописи ошибочно: птрикончили*

шампанскимъ. Серегинъ¹⁹⁴ приглядѣлся¹⁹⁵ къ нимъ, къ обстановкѣ ихъ столика, къ плавнымъ¹⁹⁶ движеніямъ молодой красивой женщины, удивительно красивой, какъ опредѣлилъ онъ. Ему Онъ замѣтилъ <?>¹⁹⁷ ея¹⁹⁸ <нрзб.> очерченный¹⁹⁹ ротъ,²⁰⁰ съ поднятой верхней губкой,²⁰¹ черными дужками выведенныя брови и бѣлое матовое лицо²⁰² ясно выступающее на бархатномъ фонѣ пышнаго мѣха.<нрзб.>²⁰³ а когда она поворачивала голову въ его сторону, ея глаза <нрзб.>²⁰⁴ казались ему «божественными» — онъ такъ и сказ<аль> себѣ²⁰⁵ — <<>божественныя глаза». И обтянутый розовымъ платьемъ²⁰⁶ ея хрупкій²⁰⁷ станъ²⁰⁸ часто останавливалъ его²⁰⁹ вороватые взгляды.²¹⁰ Баритонъ²¹¹ ему не понравился. С Рыхлыя брылья подъ щеками и подглазныя натеки и синеватый цвѣтъ лица, и лѣнливо-барственный движенія ему не нравились и онъ подумалъ²¹²: рухлякъ господинъ. А когда увидалъ, какъ барит.²¹³ ѣлъ,²¹⁴ чмокая и обсасывалъ, <нрзб.>²¹⁵ — подумалъ:²¹⁶ жретъ,²¹⁷ какъ²¹⁸ боровъ!²¹⁹

Съ²²⁰ жадностью принялся за ветчину на сковородкѣ, торопливо налив<ъ> изъ графинчика —²²¹ стараясь не звякнуть и не чмокнуть. Онъ иногда²²² замѣчалъ взгляды пѣвицы²²³ и чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко²²⁴, что въ присутствіи такой замѣчательной женщины, «изъ аристократовъ» хлопаетъ рюмку за рюмкой. Но

¹⁹⁴ *Вместо:* Серегинъ — *было:* Человѣкъ въ сапогахъ

¹⁹⁵ *Вместо:* приглядѣлся — *было:* приглядывался

¹⁹⁶ *Вместо:* плавнымъ — *было:* граціознымъ

¹⁹⁷ *Вместо:* Онъ замѣтилъ — *было:* нравились

¹⁹⁸ *Далее в рукописи ошибочно:* ея

¹⁹⁹ *Вместо:* <нрзб.> очерченный — *было:* тонкій

²⁰⁰ *Запятая вписана. Далее было:* вырѣзанный въ формѣ малюсенькой треуголки,

²⁰¹ *Далее было:* ея

²⁰² *Далее было:* фарфоровой куколки,

²⁰³ <нрзб.> *вписано.*

²⁰⁴ <нрзб.> *вписано.*

²⁰⁵ *Вместо:* и сказ<аль> себѣ — *было:* опредѣлилъ ихъ

²⁰⁶ *Вместо:* розовымъ платьемъ — *было:* серебристой тканью

²⁰⁷ *хрупкій вписано.*

²⁰⁸ *Далее было:* съ рельефно выступающими линиями

²⁰⁹ *Далее было:* бѣглые,

²¹⁰ *Далее было:* И его онъ опредѣлил<ъ> «очень замѣчательная фигура»<>

²¹¹ *Вместо:* Баритонъ — *было:* Ея партнеръ

²¹² *Вместо:* подумалъ — *было:* сказалъ про себя

²¹³ *Вместо:* барит. — *было:* теноръ

²¹⁴ *Запятая вписана. Далее было:* индѣйку и,

²¹⁵ *Вместо:* <нрзб.> — *было:* почмокивая косточку

²¹⁶ *Далее было:* ишь ты,

²¹⁷ *Запятая вписана.*

²¹⁸ *Вместо:* жретъ, какъ — *было:* какъ жретъ...

²¹⁹ *боровъ! вписано. Далее было:* зловно дня три не ѣлъ. Боровъ.

²²⁰ *Вместо:* Съ — *было:* Онъ съ

²²¹ *Вместо тире было:* и

²²² *Вместо:* иногда — *было:* изрѣдка

²²³ *Вместо:* пѣвицы — *было:* «ея»

²²⁴ *Вместо:* несовсѣмъ ловко — *было:* какъ бы виноватымъ

безпокоиться нечего: какихъ-нибудь пять рюмокъ это²²⁵ <нрзб.>²²⁶ дѣло²²⁷. Но это²²⁸ придало²²⁹ ему бодрости.²³⁰ Быстро²³¹ покончилъ съ ветчиной и водкой и курилъ²³² съ наслаждениемъ, поглядывая то на воздушныя²³³ шапки гортензій, то на нее²³⁴. Поглядывая и думалъ, что²³⁵ пройдетъ часа два-три²³⁶, и опять онъ²³⁷ опять уйдетъ въ ненастную²³⁸ ночь.²³⁹

// л. 14 об.

...Сходить скоро, — подумалъ Серегинъ, привалился и сталъ дремать. Слышалъ, какъ шумить порывами за окномъ, какъ сонно шуршитъ дождемъ по стеклу. Видѣлъ, какъ будто, огни въ чернотѣ, качающіеся волны, услышалъ плескъ...

— Пожалуйте-съ, Егоръ Иванычъ...

Показалось въ вязкой дремотѣ, что это сходить надо сейчасъ, и встряхнулся. Старичокъ-лакей лилъ въ фужеръ пиво.

— Вздремнули, Егоръ иванычъ...

— Да, братъ. Крутился много всѣ эти дни...

...Саша! — отозвалось тоской сердце.

Тревожно закричалъ пароходъ, и машина остановилась. Стало слышно, какъ поролъ по палубѣ дождь.

— Мы опять стали! — сказала пѣвица, кутаясь въ мѣхъ, и подошла къ окну. — Ни одного огонька нѣтъ...

Тревожно кричалъ пароходъ, точно предостерегалъ кого-то: ни-ни! ни-ни! Застучали ноги надъ головой. Ревѣлъ рупоръ. И вдругъ увидали, — за переднимъ стекломъ черкнула съ носа ракета. Треснуло и облило голубымъ свѣтомъ берегъ въ черной щетинѣ лѣса.

— Зачѣмъ ракета? — тревожно спросила пѣвица, оглядывая салонъ, и Серегину показалось, что на немъ остановились ея глаза.

---

²²⁵ *Далее было:* для него

²²⁶ *Вместо:* <нрзб.> — *было:* плевое

²²⁷ *Далее было:* , пьянымъ не будетъ

²²⁸ *Вместо:* это — *было:* эти

Далее было: пять рюмокъ

²²⁹ *Вместо:* придало — *было:* придали

²³⁰ *Далее было:* Кромѣ того онъ вѣдь имѣть и нѣкоторыя достоинства, какъ красивый мужчина — это не разъ ему говорили.

²³¹ *Вместо:* Быстро — *было:* Онъ быстро

²³² *Вместо:* курилъ — *было:* закурилъ

²³³ *Далее было:* розовы

²³⁴ *Над словом:* нее — *вписан незачеркнутый вариант:* аристократію

²³⁵ *Далее было:* вотъ

²³⁶ *Вместо:* два-три — *было:* два три

²³⁷ *Вместо:* опять онъ — *было:* онъ опять

²³⁸ *Вместо:* ненастную — *было:* холодный дождливую

²³⁹ *Запятая исправлена на точку. Далее было:* а «она» <нрзб.>, уйдетъ въ какую-то особенну<ю> свою, далекую сферу и./ Онъ ясно могъ возстановить въ памяти ея «неземной голосъ, голосъ музыки, какъ она сказала — пожалуйста»...

— Опаснаго ничего, сударыня, — подымаясь, сказалъ онъ почтительно. — Самый тутъ стержень и завороты... Предупреждаютъ...

— Что?.. я никакъ не пойму...

Она взглянула черезъ плечо, и онъ еще лучше могъ видѣть, какъ хороша она, и какіе у ней чудесные, играющіе глаза.

— Сильный проносъ тутъ, очень бырить, сударыня... — сколько могъ мягче сказалъ Серегинъ. — Несетъ пароходъ, а стержень кривой и узкій... фарватеръсь...

Она отвернулась къ окну: нѣтъ, конечно, не инженеръ.

— И что же?..

// л. 15

Ему нравилось это — онъ бы сказалъ — королевское обращеніе, небрежно-отрывистые вопросы и нѣжный голосъ.

— И вотъ, если тамъ встрѣчный — столкнуться могутъ. А гудковъ на слыхать за вѣтромъ. Потому и ракета.

— Да-а...

Она отошла отъ окна, мило запахиваясь боа, точно ей было холодно. А Серегинъ насторожился, не спросить ли. Она видѣла этотъ ожидающій взглядъ. Эти взгляды тянулись за ней повсюду. И этотъ, въ сапогахъ, красивый и диковатый, съ рѣзко кинутыми бровями, этотъ дѣтина, крѣпкій, какъ брусъ, смотрѣлъ на нее точно такимъ же взглядомъ, въ которомъ были еще и робость, и восхищенье.

— Вы, очевидно, хорошо знаете эти мѣста? — спросила она небрежно.

Онъ отвѣтилъ съ готовностью, что знаетъ отлично. Онъ выросъ на этой рѣкѣ. Можно сказать, волны его качали: отецъ-то его былъ лоцманъ, когда, конечно, еще не было охраняющихъ знаковъ, провожалъ суда въ трудныхъ мѣстахъ. А онъ? А онъ... вотъ эти баканы, огни, мачты по берегамъ — это его рукъ дѣло. Какъ сказать! Труда особаго нѣтъ, только безпокойное очень дѣло. Вотъ часа черезъ полтора надо сходить... Говорятъ, утонулъ маячникъ, — тѣ, что по берегамъ въ шалашахъ. Надо быть при дознаніи.

Намолчался ли онъ, долго ли не бывалъ съ людьми, или водка развязала языкъ, или было такъ хорошо говорить съ этой красавицей, — такъ называлъ ее про себя, — онъ разсказалъ, какъ ночевалъ въ шалашѣ у маячника и какъ ставилъ баканы на плесѣ, гдѣ его забралъ пароходъ. Плохо, что подошла непогода, кругомъ развезло, темень. Выглянулъ на рѣку — огонекъ, идетъ пароходъ.

— Увидали нашъ пароходъ! — оживленно сказала она, кутаясь въ мѣхъ и щурясь. — Скажите... говорятъ, здѣсь еще попадается типъ прежнихъ ушкуйниковъ-новгородцев... — спросила она съ улыбкой.

Онъ слыхалъ про ушкуйниковъ.

// л. 15 об.

— У насъ тутъ много крѣпкихъ людей... отважныхъ. Лоцманà вотъ, — водяной народъ, дерзкій...

Взвыло вѣтромъ по палубѣ, прокатило по желѣзной обшивкѣ, и серегинъ опять вспомнилъ, что скоро сходить. Посмотрѣлъ на часы — перваго половина.

— А зимой, что вы дѣлаете?

— Да вѣдь... то ремонтъ, то пошлютъ въ управленіе. А то отпускъ беру, на родину ѣду. Глухія у насъ мѣста. Тутъ у меня съ медвѣдями...

— Что такое... съ медвѣ-дями? — спросилъ баритонъ, подымая брови. — Охота?

Какъ-то разъ онъ былъ на обкладкѣ, нарочно для него устроенной почитателемъ-фабрикантомъ.

— Вотъ-съ. Только я дешево-съ, работаю исполу...

— Исполу? — морщась, спросилъ баритонъ. — Я не понимаю... исполу!

— Обкладчику трешну въ зубы, медвѣдя на придачу. Дорого положить! Промажу — плати десятку. Но только этого не бывало. У меня не сорветъ-сь! — показалъ онъ рукой. — Прошлую зиму полдюжины нащелкалъ, — мечекъ пару да пестовъ четырехъ, стариковъ...

Вѣяло отъ него силой. Широкогрудый былъ онъ, роту вершковъ двѣнадцати, съ руками, въ которыхъ прятался фужеръ пива, съ горячимъ взглядомъ и открытымъ, темнымъ съ загару, лицомъ. Ерзалъ по широкому лбу его каштановый завитокъ, враскосъ глядѣли беспокойныя брови, а мягкія губы все сбѣгались въ усмѣшку, когда говорилъ. Онъ уже не стѣснялся теперь, расхаживалъ по салону, заставляя дрожать хрусталь.

// л. 16

— Ммда... — пожевалъ баритонъ губами. — Я тоже люблю эту... охоту...

— Убивали-сь?! — радостно даже спросилъ Серегинъ.

— Однажды, въ Калужской губерніи... взялъ я одного... небольшого...

...Вретъ, брыластый... — подумалъ Серегинъ, глядя на рыхлыя щеки и намекающіе подъ глазами мѣшечки. — И такого-то рухляка — такая!

И спохватился: такъ неудобно держать себя, ходить и кричать такъ громко.

— Да вы молодець! — сказала пѣвица. — Расскажите намъ еще что-нибудь. Такъ мы скучали все время...

Онъ былъ счастливъ, что она говоритъ съ нимъ и такъ смотреть. Какая женщина! Скажи ему — и по одному ея слову, за эту невиданную улыбку, въ этотъ нѣжный, пѣвучій голосъ, отъ котораго съ чего-то понывало сердце, онъ готовъ былъ бы перебить всѣхъ медвѣдей, пойти на нихъ съ голыми руками. А легкая какая, субтильненькая! Онъ рассказалъ имъ, какъ былъ разъ подъ медвѣдемъ, какъ взялъ рысь однѣми руками — ободрала, шельма, плечо! — какъ подъ Архангельскомъ, — тамъ рѣка, господа, ка-кая! версты! — переходилъ въ ледоходъ. Объ этомъ писали въ газетахъ. Ну, это когда былъ моложе, конечно. Теперь дорожитъ жизнью. Зажигалъ передъ ней, передъ этой чудесной розовой женщиной, весь жаръ, который таился въ душѣ. Былъ счастливъ, что она такъ

глядитъ, — и вдругъ стало не по себѣ: замѣтилъ, какъ она наклонилась къ скучному рухляку и что-то шепнула.

— А не выпьете ли съ нами винца? — предложилъ баритонъ.

...Во-отъ! А прилично ли? — подумалъ Серегинъ. — Скажутъ, самъ неспросился...

— Да? — съ улыбкой кивнула ему пѣвица. — Конечно, вы должны выпить.

...А, какіе глаза! Бываютъ же такія... небесныя женщины! Родятся гдѣ-то, гдѣ-то живутъ...

Онъ не нашель, что отвѣтить. Поежилъ плечами и поклонился.

— Берите стулъ и садитесь. Вы такъ хорошо рассказываете...

...Сама красота! За такую биться до смерти можно... Рубаха видна изъ-за ворота... — и смущенно вбиралъ голову въ плечи, чтобы не показалась рубаха.

— Вамъ какого позволите? Вамъ надо выпить, вы скоро опять туда...

— Все равно-съ... какого-нибудь...

// л. 16 об.

Все равно, она понимаетъ его смущенье, понимаетъ, что не умѣетъ онъ разговаривать. Имъ все извѣстно. Бываютъ же такія необыкновенныя, недаромъ онѣ живутъ въ большихъ городахъ и все знаютъ. Вотъ и не дѣлаютъ ничего, и это хорошо, что онѣ ничего не дѣлаютъ. Руки какія! Бѣлыя, ни морщинки, ни цапинки, атласистыя. Сливками моютъ! — слыхалъ онъ что-то про сливки. — А платье! Шкурка, прямо. Совсѣмъ и не платье, а кожаца.

...Водка-то даетъ себя знать, — слѣдилъ за собой Серегинъ. — А, все равно, сходить скоро, къ чорту...

Онъ присѣлъ, чувствуя связанность, — ходить было куда свободнѣй, — потирая руки, съ которыми не зналъ что дѣлать. Въ карманы заложить, положить на колѣни или такъ, на груди, какъ этотъ?..

— Во-симв! — донесло съ носа.

— Мы не сядемъ? — шутливо спрашивала пѣвица. — Вы тутъ все знаете.

— Знаки всѣ исправно стоятъ, не должны-съ.

— Этимъ мы обязаны вамъ, нашему охранителю... Позволите этого? — дарила она ему улыбки.

Еще спрашиваетъ — позволите! Вотъ они, вотъ необыкновенные, настоящіе люди. А говорятъ — аристократы, въ людяхъ не понимаютъ. Шампанское! Не ждалъ — не гадалъ. Конечно, уже настоящее. Онъ никогда еще не пилъ настоящаго. Поилъ его купецъ на пароходѣ донскимъ, а это...

— Помилуйте, какой охранитель!

Это все сущіе пустяки, даже не стоитъ хорошаго разговора. Это его обязанность ставить баканы, провѣрять и направлять стрежень, слѣдить за рѣкой, чтобы не бѣловались. Ну, и почевать подъ дождемъ. Онъ чуть-чуть рисовался передъ нею. Есть такая пословица здѣшняя, — простите за грубое слово, — не потопаешь — не полопаешь. За это и деньги платятъ. Немного, шестьдесятъ рублей, но тутъ, какъ говорится, эконо-мическій законъ. Не онъ — такъ другой. А жизнь — строгая

старушка, не пошутишь. Сколько хуже его живеть. А плотогонь какъ! Сколько ихъ пропадаетъ, какъ плоть разобьетъ — такъ и посыпятся. А маячники, а лѣса валять, — головы напрочь летятъ, въ лепешку! А на лѣсопилкахъ, а на рудникахъ мѣдныхъ! Въ бархатѣ-то живутъ — горсть. Жизнь...

Посмотрѣлъ на нее: вотъ она, въ бархатѣ живеть, такая.

// л. 17

Ужъ и не замѣчалъ, какъ подливали ему. Онъ точно сорвался, поощряемый гымканьемъ рухляка и ея играющими глазами.

— Любите наши мѣста... Очень пріятно! Наши мѣста хорошія. Народъ кормятъ. Дикой край, не разработанъ еще. Разра-бо-таемъ!

Какія же они пустыя! Съ пароходу-то не видать, конечно. Пу-стыя!

— Такъ-то вотъ, господа, и про народъ говорятъ — лѣнивый! И пожить... Деревни кругомъ, въ поляхъ и лѣсахъ деревни. Деготь гонять, скипидаръ, смолу, корье деруть, лѣса валять, рѣжутъ, за границу гонять. Маслобойки! А рыбаки! Изволили семгу кушать, а нельму? А вотъ они, заколы-то, курмы... Въ ночи-то непогожія саое дорогое дѣло, когда ей пора валиться. А поморы! За тюленями, за треской, кругомъ кипятъ...

Говорилъ о возникающихъ поселеніяхъ, о падающихъ лѣсахъ, о прежнихъ лоцманахъ, доживающимъ дни свои по роднымъ селамъ. Ихъ бы послушали! О разливахъ этихъ могучихъ рѣкъ, когда на десятки верстъ ни-чего, — море и море. О ходѣ семги, какъ бѣжитъ она съ моря, сигаеть черезъ пороги, черезъ заколы, вся-то серебряная!

Всегда передъ нимъ стоялъ полный стаканъ. И всегда видѣлъ — вотъ-вотъ, близко совсѣмъ, — играющіе, несбыточные глаза, и въ нихъ такое, такое... какъ сказка.

...Что за вино! Пьешь — больше хочется. Еще бутылку несетъ Иванъ. теперь красное начали... вотъ ши-куютъ!

Разсказывалъ о бучахъ въ водополе, о крестахъ, о погостахъ. Сыпалъ пословицами. Вытащилъ «бабочку», положилъ на столъ, и лежала она рядышкомъ съ золотымъ портсигаромъ въ буковкахъ. Смотрѣлъ сбоку, какъ попиваетъ она глоточками, точно цыпленокъ, эта чудесная женщина, сама красота. Совсѣмъ близко взглянулъ — свѣтлые круглые глаза... Сашины глаза! А изъ души не шла камнемъ навалившаяся тоска. И вино не брало ее. Говорилъ о Щурахъ, какія хитрыя бываютъ мѣста на рѣкахъ. Тамъ и пѣсня такая есть: «отъ поры да до поры разыгралися Щуры!»

// л. 17 об.

Опять кричали пароходъ, спрашивалъ ночь, тише шлепалъ колесами. Приглядѣлся Серегинъ — часто стоятъ баканы, знакомое мѣсто.

— Рожня, никакъ... — сказалъ старичокъ, дремавшій у стѣнки.

— Самая она...

Серегинъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ запотѣлость, смотрѣлъ на невидные берега. Рожня! Ни огонька не было на горѣ, и горы не было, и села съ синими пузатыми куполами въ звѣздахъ, и трактира на самомъ вѣнцѣ горы. Прижался лицомъ къ стеклу — ничего.

— ...Сашура! — позвалъ онъ. — Чуешь ли?!

Стиснулъ зубы, сдавилъ глаза, задавилъ въ себѣ нежданно запросившіяся слезы.

— ...Приду, Саша! — сказалъ онъ невиднымъ берегамъ.

— Не тутъ родина ваша? — услыхалъ онъ играющей голосъ.

— Нѣтъ, сударыня. Родина моя далече отсюда...

Подумалъ, было, — сказать? Посмотрѣлъ въ себя, посмотрѣлъ на столикъ съ ведеркомъ, — нѣтъ.

— Скоро уходитъ вамъ?

— Да... полчаса, не больше...

Онъ сидѣлъ, наклонившись и отвернувшись, не думая уже, — прилично ли такъ, — смотрѣлъ на сапогъ, а губы дрожали, и хотѣлось бы закричать, побѣжать куда-то, разметаться.

— Ну, скажите... — нарушила молчаніе пѣвица. — Вы довольны своей судьбой?

Она такъ тепло посмотрѣла, такъ участливо спрашивала.

— Судьбой... — сказалъ онъ, не подымая головы, забывая, прилично ли. — Судьба моя... невеселая, сударыня...

Встряхнулся, взглянулъ на нее и улыбнулся грустно.

— Все бываетъ.

// л. 18

Она протянула ему маленькую холодную руку, которую онъ боялся пожать, — такая она была крохотная.

— Вы будете счастливы... — сказала она съ чувствомъ, въ порывѣ вдругъ поднявшейся жалости къ нему, уходящему въ ночь. — Желаю вамъ... и хочу, чтобы вы были счастливы!

Онъ поклонился неуклюже, тронутый такой неожиданностью, вѣря сердечности нѣжнаго голоса. Поклонился молча курившему рухляку.

— Мое по-чтенье!

Оглянулъ салонъ, точно искалъ свой чемоданчикъ и плащъ, оставленные у вахтеннаго. Увидалъ дремлющаго у стѣнки официанта, долго рылся въ карманахъ, вытаскивая какія-то бумажки, отыскивая кошелекъ.

— Семьдесятъ копеечекъ съ васъ, Егоръ Ивановичъ. Нѣту — потомъ отдадите.

— Какъ нѣтъ, какъ нѣтъ...

Сунулъ рубль бокомъ, наспѣхъ, поклонился къ столу и вышелъ на палубу. На него пахло вѣтряной мокрой ночью.

— Бѣдный... — вздохнула пѣвица.

— Ммда... — отозвался баритонъ. — Мнѣ показалось, вы ему пѣть хотѣли...

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да, я хотѣла бы спѣть ему... Хотѣла бы спѣть всѣмъ... всѣмъ этимъ пустымъ просторамъ...

— Вы напрасно, дорогая. Я не смѣюсь... Я бы и самъ ему спѣлъ.

Пѣвица переплела пальцы, положила на нихъ подбородокъ и задумалась.

— Да, я хотѣла спѣть, и почему-то было стыдно... Я пѣла на пароходахъ, но теперь... мнѣ показалось это такимъ... Что бы я стала пѣть? Онъ, вѣроятно, никогда ничего не слыхалъ... Но что бы я стала пѣть ему? «И тихо, и ясно, и пахнетъ сиренью?» Что-нибудь бодрое? А онъ послушаетъ и поидетъ въ ночь?.. Мы можемъ пѣть съ вами тамъ, въ залахъ, рядамъ... а *здѣсь* надо что-то другое пѣть, въ этой жути, какую-то страшную симфонію... Она творится здѣсь, я ее чувствую, эту великую симфонію... Мои пѣсенки были бы здѣсь насмѣшкой, какимъ-то пискомъ. Да, да!.. Сюда надо итти не съ подаяньемъ!.. А когда-нибудь и здѣсь будутъ пѣть... другіе...

Она позванивала ножичкомъ по лафитничку.

— Прикажете убирать-съ? — спросилъ офиціантъ.

— Ну, хорошо-съ, — сказалъ баритонъ. — Представимъ себѣ, что всѣ эти наши «пѣсенки»...

На палубѣ пороло дождемъ. Со свѣту ничего не было видно. Говорили вахтенные, что былъ огонь съ берегу, а вотъ нѣту. Звалъ и звалъ пароходъ.

— Даютъ? — кричалъ Серегинъ капитанскому мостику.

— А чортъ ихъ знаетъ! — сердито отвѣчалъ мостикъ. — Баканы горятъ — есть кто-нибудь...

Гдѣ берега? Непроглядная темень съ покачивающимися какими-то голыми огоньками.

в) 4 лл.

Ранняя редакция.

Одна из глав рассказа «Волчий пережат»

<В верхней части листа карандашные пометы И. С. Шмелева: Серегинъ Суржинъ Сурзинъ Хлобызевъ Селикинъ — Ред.>

<В верхней левой части листа запись И. С. Шмелева: <нрзб.> — Ред.>

Одна изъ главъ рассказа Волчій перекачь.

Только въ двадцатыхъ числахъ августа Серегинъ опять перекинулся на средній плесь, подъ Большіе Щуры. Такъ онъ и самъ говорилъ про себя — перекинулся: такая неспокойная была должность.

Сейчасъ же за половодьемъ провѣряли стержень на нижнемъ плесѣ, потомъ перекинули его на Завалы, гдѣ землечерпалка; три недѣли, петровками, маячилъ онъ на косахъ у деревни Большіе Щуры, а потомъ мѣсяца полтора обставлялъ судоходными знаками участокъ по Вычегдѣ. И только покончилъ, — срочная телеграмма кинула его вновь подъ Щуры, гдѣ стали крѣпко садиться только-что пущенные большіе пароходы. Лѣто было засушливое, вода валилась, и жалобные ящики на судоходныхъ постахъ каждый день доставляли непріятность.

Назначеніе подъ Щуры было Серегину въ радость: онъ и самъ собирался туда, хотя бы налетомъ. А когда-то онъ проклиналъ ихъ, эти Щуры. Маячники штрафились тамъ, какъ нигдѣ. Тамъ рѣка баловалась, играла перекатами и косами, ставила заманихи пароходамъ. А тепрь все здѣсь нравилось: и еловая чаща на кручахъ, и пески того берега, и вязкое побережье въ ключахъ, и валунъ, завалившійся къ самой водѣ, и самое имя — Большіе Щуры. Они таились за взгорьемъ и конечками крышъ хитро мигали пароходнымъ дымкамъ: а вотъ и мы, Большіе Щуры! а вотъ и нѣтъ насъ!

И какъ увидалъ съ парохода поспѣшавшаго на веслахъ Рыжаго Семена — маячника, приставилъ ладони и крикнулъ раскатисто во всю рѣку:

— Навастрива-ай!

// л. 20

Долгимъ стономъ отвѣтила ему еловая чаща, а сбитыя крикомъ чайки заплакали. И не отъ тоски, потому что не было здѣсь тоски: весело было на свѣтлой рѣкѣ. Радовались свѣжей краской баканы; висли внизъ головами рыжія ели, точно въ веселой игрѣ, вцѣпившись корнями въ тряскіе берега, а зеленыя заглядывали на нихъ сверху; Ключи такъ сверкали, точно весь берегъ былъ въ серебрѣ. Все показалось Серегину яснымъ, веселымъ, добрымъ: даже валунъ улыбался каменной лысиной. Потому что судьба подарила ему здѣсь улыбку, и эта улыбка осталась на всемъ. Воздухъ былъ такъ звонокъ и чистъ, что Семень сразу призналъ, кто высокій стоитъ на кормѣ, загородивъ спиной падающее къ пескамъ солнце. Да и кому еще ѣхать сюда, на вязкіе берега, снизу!

— Егоръ Ива-нычь!

Серегинъ прыгнулъ въ Семенову лодку и остался стоять, качаясь на высокой волнѣ, провожаемый взглядами женщинъ, вольный, крѣпко загорѣвшій, веселый. Увидалъ свѣтлый валунъ и вспомнилъ, какъ въ бѣлой ночи не могъ спать, какъ

охватили тогда накрѣпко этотъ холодный валунъ и вырвалъ изъ заѣвшей его, чмокнувшей глины. И все вспомнилъ. Стряхнулъ на затылокъ фуражку и руганулъ весело и Семена, и рѣку, и затихающій пароходъ:

— Раковъ все, черти, давите!

Подмигнувъ пароходу, сказалъ весело и Семень:

— Повертѣлся надъсь у косы... Та-чалъ капитанъ... шумной!

— Съ вами будешь шумной!

А Семень подмаргивалъ про себя изъ-подъ драного картуза подъ пискъ ерзавшихъ весель. А когда Серегинъ доставалъ папиросу, призналъ жестяную коробочку съ крашеной бабочкой наверху. Показывалъ ему какъ-то Егоръ Иванычъ эту коробочку, тыкалъ къ носу и говорилъ:

— Хорошь я себѣ портсигаръ удѣлалъ?!

// л. 20 об.

Чу-дакъ! А былъ у него настоящій портсигаръ, на пружинкѣ. На его глазахъ тогда и зашвырнулъ въ рѣку, хоть бы ему подарилъ!

— А портсигарчикъ-то вашъ надъшній ущупалъ я, рашницей досталъ. А этотъ у васъ, съ бабочкой какой былъ?

— Подгребайся, подгребайся... съ бабочкой! Съ солдаткой-то какъ?

— Хе-э... ничаво.

Отъ шалашика лаяла на воду рыжая Лиска съ бѣлоголовымъ кутенкомъ, и казалось, что въ чащѣ есть еще Лиска и тоже радуется.

Прямо съ ходу Серегинъ осмотрѣлъ запасные баканы, кучу ржавыхъ цѣпей, оглянулъ рѣку, привычно выискивая отсвѣты косъ и наносовъ.

— Какъ на скатѣ?

— У Таей, у долгой, новый перекатець задирать... Да отъ ее версту туды, квыше... заманиха ростъ стала на глыби... да къ бутрамъ, жалились, что низвергло, да къ Каменьямъ...

— Ого! Ну, завтра поврешь — погляжу. Придется подъ якоря двоихъ со Щуровъ взять...

— Безпремѣнно, што взять... Братишку бы Степандина да...

— Лакомый, чортушка, до степанидиныхъ!

И какъ сказалъ про Щуры — заманило на сердцѣ. Поднялъ затертый чемоданчикъ и посмотрѣлъ къ чащѣ. И Семень покосился къ чащѣ.

— Стоять-то тамоди опять будете, въ жилищѣ?

— А-а...

И русая головка голубоглазой Саши, съ ямочками-умилками на щекахъ, игривой, увертливой Саши, къ которой только и ѣхалъ, о которой — теперь было ясно — только и думалъ эти мѣсяцы рѣчной жизни, встала живой. Онъ толкнулъ легонько въ брыластую мордочку лизавшаго сапоги кутенка, далъ щелчка Лискѣ и пошелъ выбитой по осыпи тропкой. На заворотѣ посмотрѣлъ на пески того берега, осыпанные чернотой полоскавшихся въ ночи воронъ, на опускавшееся солнце.

Возилъ онъ сколько разъ Сашу на эти пески. Тогда солнце играло въ ея глазахъ, и ушки ея просвѣчивали на этомъ солнцѣ. И не разъ покусывалъ онъ эти ушки и щекоталъ усами. И теперь, вспомнивъ, почувствовалъ радость, что она не такая, какъ всѣ: ни пески, ни темная чаща, ни крѣпкія до хруста объятія не сломили ее. Точно сейчасъ слышалъ податливо-робкій шопотъ:

— Ой, миленькой, не надо...

И ловилъ ее на пескахъ, и перегибалъ за плечи на томъ камнѣ, въ бѣлой ночи, мѣрялся съ ней глазами, близко-близко, видѣлъ въ нихъ притаившуюся робкую страсть — и жалѣлъ. Все могъ сдѣлать съ ней, юной совсѣмъ, — и жалѣлъ. Зналъ, что оставить ее черезъ день-другой, только приди телеграмма. А для забавы можно найти другое, чего не станешь жалѣть. Вотъ тогда, когда боролся съ собой, и вывернулъ изъ глины валунъ, только ушла она отъ него, слабая съ поцѣлуевъ. Такъ и осталось въ немъ съ той поры, жалостью залегло на сердцѣ такое простое:

— Не возьмешь за себя!

Не взялъ бы. Брать за себя, когда больше живешь по рѣкамъ, — надо подумать и подумать.

Еловая чаща дохнула прянымъ и кислымъ духомъ, и этотъ застойный духъ вызвалъ недавнія встрѣчи подъ елями — въ паутинахъ и смолистыхъ вѣтвяхъ.

— Сашурка! — любовно сказалъ Серегинъ еловой чащѣ.

// л. 21 об.

Въ еляхъ было глухо и сумрачно. Вспоминались на знакомыхъ мѣстахъ ясные сашины глаза. Онъ шелъ корнистой тропой, слыша только шорохи и паденье шишекъ — звуки еловыхъ чащъ. Уловилъ шелестъ шаговъ впереди, остановился и загадалъ радостно — Саша? Увидалъ бѣлый платочекъ въ зеленыхъ еляхъ, красное понизу и по красной баскѣ призналъ Степаниду, молодую солдатку, которую видалъ у Семена. И вспомнилъ, какъ на послѣдней работѣ ходила къ нему бѣлозубая, въ шумящихъ голубыхъ бусахъ, бойкая и задорная, чужая, Анисья.

— Ой... напужали какъ, сердце зашло! — ойкнула Степанида. — И не сгадала бь, Егоръ иванычъ...

Смотрѣла лукаво, посмѣиваясь глазами, сѣрыми съ золотинкой, такими же грѣшными, какъ у Анисьи.

— Куда, грудашка?

— А за рыбкой... — сказала она, жеманясь, и облизнулась.

— Охъ, попадешься мужу! — весело оглянувъ ее, посмѣялся Серегинъ.

— И не сказывайте! Ито по рыбку... Свекры все бажить, рыбки просить... Вильнула, посмѣиваясь и облизывая красныя губы. Серегинъ пошелъ, покачивая чемоданчикомъ.

— А, Егоръ Иванычъ! Санюшку-то Милованову... выдали!

Точно дернула она его этимъ словомъ. Онъ остановился, не слыша земли, и глядѣль въ прыгающія степанидины губы.

— Только-только опослѣ Успенья свадьбу сыграли! И что позарились, на богатство! И рябь-то, и... Окрутили и окрутили живой рукой. Въ престоль ѣздили на Казанскую, въ Рожню, къ бабушкѣ... тамъ-отъ Санюшку и приглядѣль трактирщикова парень, косою который. Сватай и сватай! А отецъ-мать рады... гулять сталь шибко Миколай-то у нихъ, все оженить думали. А дѣвка-то слабенькая, и грудишки-то у ней ягнячы, куды бѣ ее отдавать! И даль-то какую, въ Рожню, болѣ двадцати версть. Ужъ и къ тестю прѣзжали госитъся. А старикъ еще и поселъ все крутить... Ишла — видала: по улицѣ шатать, пѣсни ореть...

// л. 22

тропѣ, а потомъ яснѣть стало, какъ вышелъ на щуровскую полевину. Тутъ Серегинъ присѣлъ на знакомый пенъ, досталъ «бабочку», закурилъ и смотрѣль на деревню. До половины казала она теперь высокія избы, съ окошечками-тройками подъ верхомъ.

...На ярмаркѣ, въ Пунсахъ, на Троицынъ день, тогда хорошо столкнулись они, какъ сговорились. Ахъ, Сашурка! Такъ бы все стоялъ и смотрѣль, какъ кружилась она на коникѣ, подъ бисерными висюльками карусели, а ножки въ туфелькахъ — такія туфельки на Шекснѣ, въ Горицахъ, монашки продають — мигали и прятались подъ голубой, вздувающейся пузыремъ, юбкой. Поигрывала она бойкими круглыми глазами, кидала ихъ въ звонкомъ круговомъ бѣгѣ, — ловила его бѣлую тужурку. Да и не трудно ловить, когда глазъ только и видитъ одно, и никого во всѣхъ Пунсахъ и по округѣ, какъ ни ищи, не найдешь такого, цѣлой головой выше попа Ивана со Срѣтенскаго погоста. А кругомъ жестяные голоса дудками звенять въ уши: и съ Ярославля, и съ Костромы, и съ Вологды:

— Кольца обмѣнные, серебряныя-мѣнные, товары отмѣнные!..

— Брошки... ежели кому для Матрешки! Хороши сережки!..

— Эхъ, и зеркальцо, смотреть на лицо!.. Каждый мужикъ и баринъ будетъ благодарень...

— Отрада для души! Каньфеты хороши, лампасе особенное!..

— Эхъ, и дѣвки ядрёны, орѣхи калёны! Съ лѣсу-бору натрясёны, на ярмонку привезёны, родимые мои!..

Все смотрѣль, какъ кружится Саша — само счастье. Вотъ бери и неси. И смотрѣль такъ, точно хотѣль выхватить ее съ коника, смять съ голубымъ платьемъ, съ ножками въ туфелькахъ, съ задорными круглыми глазами, и понести съ собой очертя голову Можетъ, и есть-то всего на всей землѣ для него одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

// л. 22 об.

Купилъ онъ и зеркальце въ росписной жести, и жестяную баночку съ леденцами, сбившимися въ пестрый комокъ, и голубенькую змѣйку — браслетку.

Насовалъ ему торгашъ полны карманы и медовыхъ жемковъ, и бѣлыхъ, и розовыхъ пряниковъ, и фальшивый двугривенный сдачи. Ушелъ онъ съ ярмарки, поджидалъ на лѣсной закраинѣ, у этого пня. Тогда была ночь — бѣлый день, бѣлая ночь. Темныя избы поглядывали коньками крышъ, шурились. Видѣли, какъ одна рука прижимала закружившуюся свѣтлую головку, нажимала разгорѣвшуюся щеку на холодную пуговицу, а другая совала въ ускользящую куда-то карманъ — была тамъ каменная баночка помады — все, насыпаль плутоватый торгашъ: и пряники, и слюнявую карамельку-гадалку, и голубенькую змѣйку, и зеркальце, и фальшивый двугривенный. И Саша смѣялась короткимъ смѣшкомъ, повизгивала со щекотки, и льнула, и не давалась. И пахло отъ ея головы сладкой помадой.²⁴⁰

// л. 23

---

²⁴⁰ *Далее было вписано: <нрзб.>*

Разрозненные листы
11 лл. (2 ч.)
Автограф на конверте.

Желтобурия щетки жнивья глядѣли голо и холодно въ сумеркахъ, только чертополохъ силой засѣлъ на межахъ съ черножелтыми пуговками ржавой дикой рябинки. Уже не было стрѣляющихъ въ просторѣ стрижей, только черное галочье шумѣло въ холодѣющемъ небѣ, кружило надъ избами, кричало, что идетъ осень. Въ сѣрыхъ рядахъ стояли пышно разубранныя рябины, точно краснокафтанная стража, затесавшаяся въ сѣрую толпу мужиковъ. Стайки жирѣвшихъ гусей звонко трубили, подвигаясь къ ночлегамъ, и въ крикѣ ихъ чуялись холода. Черныя пугалы пялили руки въ заходѣвшихъ пустыхъ огородахъ — гдѣ все? Неуютомъ и холодомъ смотрѣло все здѣсь, и не хотѣлось итти.

И все же пошелъ.

Пьяный, косоватый Андронъ распояской бродилъ подъ избой, постукивалъ топоромъ объ стѣны — искалъ работы.

— Ягоръ Ива-нычъ!

Вогналъ въ стѣну топоръ и полѣзъ цѣловаться.

— Чисто подгадалъ я — трехъ барашковъ намедни принялъ... Дочку выдалъ, Ягоръ Иванычъ, живое дѣло!

Угощали бараниной, рассказывали про свадьбу.

— По-четъ какой... становой, Ягоръ Иванычъ, пировалъ! Полулодокъ у сватьюшки-то, оень укупаетъ... Первомѣсто мнѣ теперъ въ трактирѣ у ево. Самъ бы Саньку уцопилъ, да жена жива, вотъ какой! Будетъ она у ихъ въ дому баженая, пуще хозяйки...

— Будетъ зря молоть-то! — ступилась на него Марья, такая же круглоглазая, какъ и Саша.

Молчалъ Серегинъ, угрюмо смотрѣлъ въ сѣрую грудку вареной баранины на деревянномъ кружкѣ, по которой лѣпились мухи. Смотрѣлъ на пѣгую сашину кошку, на жующіе рты хозяевъ, на зеленыхъ чертей въ языкахъ пламени, на картинкѣ, за головой Андрона. А тотъ приставалъ — опробуй баранину-то! — наливалъ изъ зеленой бутылки, копался обрубленнымъ пальцемъ въ кускахъ и запахивалъ въ мокрый, закрытый усами, ротъ. Вытиралъ пальцы о золотистую широкую бороду, тарачилъ на Серегина голубоватые, сонные съ многодневнаго пьянства глаза, трясъ вихрами и уговаривалъ:

— Ребрушко-то опробуй...

И въ избѣ было пусто и холодно, какъ на водѣ, и все еще стоялъ здѣсь тошный и горькій духъ пьянаго праздника. Долго не могъ уснуть Серегинъ. Думалъ о Сашѣ, о своей незадачливой, неуютной жизни. Думалъ, что недалеко Еловая Рожня, что живетъ же Саша на свѣтѣ. И въ безсонной ночи казалось опять, что было на всей землѣ для него только одно, только одна эта Саша, его судьба, радостное одно за всю жизнь.

На уро Андронъ опять угощалъ бараниной и рассказывалъ, Какіе у света лошади и ковровые санки: будетъ теперъ Санюшка кататься о святкахъ въ лисей шубейкѣ, — сватьюшка все сулилъ.

...Саша! — кричало тоской въ Серегинѣ.

Онъ забралъ чемоданчикъ и попрощался: много работы теперь на рѣкѣ; поживетъ тамъ, у Семена, въ землянкѣ.

И когда опять шелъ къ полевой загородиѣ, на задворкахъ, у знакомой рябины, нагнала его Марья, съ чего-то накрывшись поверхъ головы рванымъ шугаемъ.

— Постой, погодь-ко, Егоръ Иванычъ... Плакала по тебѣ доченька-то... Мой-то сбѣсился, слышь... Свать-то ему и курму сулило на семгу, и трактиромъ-то заманялъ...

— Плакала... — хмуро сказалъ Серегинъ, глядя въ рябины. — Теперь посмѣется.

Стиснулъ раскосившіяся, было, губы, тряхнулъ головой и пошелъ, не видя ни золотистаго въ солнцѣ жнивья, ни бордовыхъ сочныхъ головокъ татарника, что давилъ сапогами, ни журавлей, летѣвшихъ надъ его головой. Паутинки перетянулись вездѣ, паутинки плыли, играли на солнцѣ и какъ-будто заткали все впереди стеклянными нитями. Липли къ глазамъ.

Три дня работали на рѣкѣ, наводили форватеръ, снимали и ставили знаки. Три дня бились на вселахъ съ теченіемъ, насажавъ кровяныхъ мозолей. Три дня путала ихъ рѣка, сбивая поставленныя въ первый день вѣшки-указки. Три ночи каменнымъ сномъ спалъ Серегинъ въ угарной землянкѣ Семена. И всѣ эти дни и ночи летѣли гуси и журавли за солнцемъ. На четвертый день пришелъ пароходъ снизу и сдалъ депешу — ѣхать нанизъ, къ Волчьему Перекату, быть при дознаніи: тамъ утонулъ маячникъ.

Пароходъ сверху долженъ подойти передъ вечеромъ. Съ утра моросило, нависло и пошелъ вѣтеръ. Разыгрался широкій плесъ, Подъ дождемъ ставили послѣдніе баканы. Закачались огоньки на новыхъ мѣстахъ въ дождѣ — только-только заправленныя печальныя лампадки. Ночью тянуло съ еловой чащи, въ черноту ушла мутная даль песковъ, шумѣло по берегамъ осеннею непогодой. А парохода все не было.

— Можетъ, подъ Буграми шестится гдѣ... Шибко вомелько тамъ! — гадалъ Семень. — Погодка-то шумная, Егоръ Иванычъ...

Серегинъ сидѣлъ пердъ растрескавшейся печуркой, въ дыму. Жалась со своимъ кутенкомъ вислобрюхая Лиска, смотрѣла въ огонь и плакала. Продрогъ и заголодался за день Серегинъ, хотѣлось водки. Боялся, что пароходъ запоздаетъ: закроютъ буфетъ.

// л. 24 об.

— Ишь ты, утопъ Василій... — говорилъ Семень. — Выпивши, не иначе. И бырить тамъ, а долженъ бы выплысть, коли съ лодкой что обошлось. Шутовое дѣло выплысть... можетъ, на стерженѣ понесло, въ сапоги налило. — А жонка у ево осталась, двое ли — трое ли у ево было. Такъ-то вотъ женишься, наведешь ихъ, а тамъ и потопнешь. На харчи-то и то не хватать...

Серегинъ вышелъ на волю. Хлестало дождемъ съ рѣки. Черно было на берегахъ, черно и на водѣ; но тамъ хоть по широкому плесу поигрывали, дробились въ

дождѣ огоньки. Онѣ смотрѣлъ на свои огоньки, разбирая кривую линію стржня. Да, вотъ наладилъ и тутъ, и тамъ... а свое не наладилъ. Ползло подѣ ногами. Даже сквозь дождѣ и гулъ чащи пробивался булькающій шорохъ ключей. Пофыркивала рядомъ Лиска.

— Лиска!

Она взглянула и заюлила у ногъ. Бывало, сидѣла у камня, когда онѣ ѣлъ, и смотрѣла въ глаза. Тогда было свѣтло на берегу.

...Что жѣ не идетъ-то, а? огни не кажутся?.. Выпить бы вкрѣпкую да заснуть...

Смотрѣлъ въ черноту, за баканы, гдѣ должны показаться огни.

— Не кажить? — отзывался изъ темноты Семень, — А, ты, дѣло какое...

— Какой сегодня идетъ?

— Думается такъ, что Чиковскій... либо тотъ... Генераль... Новые, къ имѣ и не приглядишься...

...Когда же?

— Егоръ Иванычъ... — просительно сказалъ голосъ Семена. — Скажи тамъ, по начальству правленія... накрышечку какую ни есть бы... мокрое время, невсутерпѣ... до кишекъ мокнешь...

// л. 25

— Да когда же онѣ, чортъ!.. господи...

— Огонь кажить! Валитъ!

— Лодку, Семень!

Спотыкаясь и катясь по глинѣ, Серегинѣ вбѣжалъ въ землянку, прыгнулъ черезъ скулившаго на ступенькѣ кутенка, накрылся плащомъ, схватилъ чемоданчикъ и выбѣжалъ въ темень. Застучало дождемъ по клеенкѣ, загремѣло въ вѣтрѣ, какъ жестью, — жесткимъ плащомъ.

— Лодка гдѣ? Фонарь зажигай, живѣй фонарь зажигай!...

— Здѣся... Да спицы смокли...

— Давай, чортъ тебя... мимо проскочить...

Заюлило золотыми змѣйками на глинѣ, въ ключахъ, закачался тусклый фонарикъ на палкѣ. Загромыхали весла.

— Ну, дай, Господи... Прямо, шурга пошла... Держись, Егоръ Иванычъ!

Крѣпко накатывало волной, мѣшало выбраться. Серегинѣ стоялъ, упершись ногами въ борта. Слѣдилъ, какъ взвиваются высокіе огни по стржню.

— Паруси-итъ, Егоръ Иванычъ! — кричалъ Семень, наваливаясь изо всѣхъ силъ на весла. — Садись ты, шумной!..

Срывало вѣтромъ. Серегинѣ махалъ огнемъ. Не давали гудка высокіе наплывающіе огни, не трепетало сигналомъ.

— Лихо дѣло, не черпануть бы... Садись!

— Гребись, знай!

Ближе, ближе подбирались огни. Шлепнуло волной съ боку, подняло и бросило въ хлябь.

— Садись! — заревѣлъ Семень. — Шутова голова!

— Знай, гребись!

— По-спѣемъ! Кружить ему два раза! Машутъ вонь...

Плавно, дугой, покачался огонь-сигналь, и, наполняя ночь новымъ, уже сознательнымъ шумомъ, загудѣлъ пароходъ, показывая освѣщенный бокъ.

— Доббе-ремся... — уже весело, крехтя отъ усилій, крикнулъ Семень, точно и онъ дожидался парохода. — Какъ тепломъ отъ ево...

// л. 25 об.

14 сент. 1912

Зарница.

*Хитрое мѣсто.*²⁴¹

На носу загремѣли, стаскивая:

— Не Двѣ-на-а-дца-ать...одиннадцать... дѣсяи-иать²⁴²...

Рѣже зашлепали пластины колесъ, точно нащупывали дорогу. Черезъ огромное во всю стѣну стекло салона не было ни на черномъ фонѣ отсвѣчивала бѣлый почекъ передовой носовой мачты и наплывающіе тусклые зыблящіеся огоньки — красные и бѣлые. Тамъ, въ черномъ просторѣ рѣчномъ просторѣ покачивались бакены — веселые красные и бѣлые колпачки днемъ, (теперь въ ночную пору, невѣрные, подстерегающіе)²⁴³. А надъ ними, и по невидимымъ берегамъ двигались тоже огни, забѣгающіе впередъ, на заворотахъ — точно заманивающіе дальше и дальше впередъ.

— Подъ та-ба-акъ.... Не маячить...

Слышно, какъ порывъ вѣтра кидаетъ изъ темноты дождемъ встрѣчнымъ, но въ салонѣ свѣтло и тепло, и уютно. Красное дерево играетъ<> Позваниваетъ хрусталь. Сверкаетъ бронза и серебро приборо<въ> сервировки, и розовыя шапки гортензій сонно покачиваются въ ровномъ вздрагиваніи и мягко ложится золотистый свѣтъ люстръ на красное дерево стѣнъ.

Въ салонѣ только двое: Дама, истомленного вида, усталая брюнетка, кутающаяся въ боа и господинъ съ бритымъ рыхлымъ лицомъ, въ сѣрой парѣ Они сидятъ у передняго зеркальнаго окна и смотрятъ в<п>ередъ. Ползутъ по стеклу струйки.

— Лучше бы ѣхать желѣзной дорогой... — скучно говоритъ бритый<> — Какое удовольствіе!

— Ему отвѣчаетъ новой дождевой шорохъ. Пароходъ вскрикиваетъ отрывисто — точно — хо знаю! и дрожаніе усиливается. Быстрѣй бѣгутъ наплываютъ изъ темноты качающіеся огни.

— Нѣтъ, хорошо... — отвѣчаетъ брюнетка. — Здѣсь отдыхаешь... и, главное, нѣтъ людей... Кажется мы одни ѣдемъ...

— На сѣверѣ всегда такъ... — отзывается собесѣдникъ. — И потомъ конецъ августа... Вамъ не холодно?

²⁴¹ *Хитрое мѣсто. вписано*

²⁴² *Вместо: дѣсяи-иать — было: дѣся-ать*

²⁴³ *Открывающая и закрывающая скобки вписаны.*

Она еще глубже прячетъ въ пушистый мѣхъ блѣдное лицо и отрицательно качаетъ головой. Смотритъ въ темноту, куда гдѣ куда увѣренно устремляется пароходъ.²⁴⁴

// л. 26

Ш.

— Не мая-чи-ить! — услыхалъ въ дремотѣ Серегинъ и встряхнулся.

---

²⁴⁴ *Далее было:* Это былъ, дѣйствительно, прекрасный пароходъ, недавно спущенный, на которомъ ѣхалъ министръ. Было пріятно видѣть большой свѣтлый салонъ, въ красномъ деревѣ, бронзѣ и кожѣ, свѣжія скатерти, разноцвѣтный хрусталь, розовыя шапки гортензій надъ серебромъ, зеркальныя, во всю стѣну, окна, мягкіе диваны и піанино. Отъ него еще пахло лачкомъ и слабымъ камфорнымъ духомъ.

— Какъ мило... даже цвѣты!

Съ палубы смотрѣли они на поселокъ.

Было пасмурно. Красные ящики товарныхъ вагоновъ, тамъ и сямъ разбросанныя стройки безъ крышъ — говорило, что это только-только устраивающійся городокъ. Гулко скатывали бревна гдѣ-то, громыхало желѣзо. Толклись крючники, мужики съ кнутьями, бабы съ пирогами, молодцы съ желтыми аршинчиками въ кармашкахъ, съ пачками накладныхъ; степенный, рыжебородый, съ намасленными волосами, съ картинкой храма на широкой груди, собирающій на недостроенную церковь, — и ни одного отдыхающаго лица. Три слѣпца, ухватившись за кафтаны, стояли у края пристани, поднявъ пустые глаза въ сѣрое небо, и причитали. Мальчикъ-поводыръ, перекосивъ лицо, жестоко скребъ въ головѣ. Щелкалъ на вѣтру флагъ.

// л. 26 об.

— Будни... — показала на все пѣвица.

И опять все тянулись изрытые берега, замутившіяся, въ бѣлыхъ гребешкахъ, воды, замутившіеся лѣса. На одной пристани, гдѣ ничего не было, кромѣ сарая и лѣса за нимъ, выгрузили піанино. Его выкатили пароходные молодцы и поставили къ горкѣ мѣшковъ. Мужикъ къ полушубкѣ потыкалъ кнутомъ въ доски.

— Стекла, што ль?

— Кто-то живетъ здѣсь, любить искусство... — мечтательно сказала пѣвица.

Вспомнила батюшку, и забитое въ доски піанино показалось ей жалкимъ и лишнимъ здѣсь.

За завтракомъ она сказала задумчиво на какія-то свои мысли:

— Ну, да... Но вотъ... въ деревнѣ у насъ, въ усадьбѣ, я пѣла... Къ намъ стало столько народу приходило, заборы ломали. Приходили послѣ работы, изъ другой деревни...

Занятый паровой семгой, баритонъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Дѣвушки приносили мнѣ васильки. А парни... которые бьютъ окна въ кабакахъ и дерутся ножами, принесли разъ вѣнокъ изъ хвои и... соловья! Соловья я выпустила, а вѣнокъ храню...

— Что же вы хотите этимъ сказать?

— Ничего я не хочу сказать! — сказала она капризно. — Вотъ налейте вина.

Послѣ завтрака они гуляли по палубѣ, кутаясь въ плады. Въ первомъ классѣ опять не было пассажировъ. Въ зальцѣ второго посиживали за графинчикомъ два картузика, чокались и тыкали пальцами. Десятки головъ совались черезъ борта внизу, когда пароходъ принималъ съ лодки такихъ же. А на берегу и жилья не было.

— Откуда они появляются? — спрашивала пѣвица, глядя въ глинистые лѣсистые берега.

// л. 27

А они нѣтъ-нѣтъ да и появлялись — то бородатые, то румяные и безусые, то сумрачныя — бабы, то веселыя — дѣвичьи лица. Выходили изъ какихъ-то лѣсныхъ своихъ деревень. Куда-то, зачѣмъ-то

На него смотрѣлъ съ большого стола разноцвѣтный хрусталь въ огонькахъ, бѣлоснѣжная скатерть, мѣрно качающіеся шапи цвѣтовъ. Дальше — черное, во всю стѣну, окно. За окномъ кричалъ голосъ.

...Задремаль! — подумаль Серегинъ и покосился на ужинавшихъ.

Они сидѣли за столикомъ, другъ противъ друга, и звякали ножичками. Круглые часы на стѣнѣ показывали безъ четверти двѣнадцатъ, а когда вошелъ, было безъ двадцати пяти. А вздремнулъ и что-то такое видѣлъ — забылъ.

Старичокъ принесъ ему водки и ветчины.

— Насилу отхлопоталь — плиту загасили.

Еще на берегу Серегинъ рѣшилъ, точно на зло кому-то, выпить да вкрѣпку. А какъ увидалъ съ лодки, что во второмъ классѣ темно, вспомнилъ съ досадой, что кухня кончаеть въ половинѣ двѣнадцатаго. И обрадовался: салонъ перваго класса былъ освѣщенъ. И хоть не любилъ онъ перваго класса, — аристократы тамъ все, — вошелъ.

// л. 28

Ѣлъ ветчину, выпиваль рюмку за рюмкой, поглядывая на ужинавшихъ. Господинъ былъ кистлый съ лица, съ рыхлыми синими щеками, брыластый, рухлякъ; и голосъ былъ непріятный, и движенія барственныя. Зато дама была красавица. У ней было нѣжное, бѣлое, какъ изъ воску, лицо, тонкія, яркія губки, темныя бровки мягкими дужками и чудесные свѣтлыя локоны, какіе видалъ онъ въ Архангельскѣ, въ лучшей парикмахерской, за окномъ. А когда увидалъ глаза, — сладко тронуло сердце. Такъ и подумаль — божественныя глаза. На ней было чуть розоватое, съ блескомъ, платье, и на плечахъ пышный мѣхъ, запавшій на спинку стула. И все въ ней было прекрасно: какъ поворачивала пышную головку, въ золотистой повязкѣ, какъ держала стаканчикъ, какъ пила маленькими глоточками и какъ говорила.

Онъ съѣлъ ветчину и допилъ всю водку. Закурилъ и почувствовалъ наплывающую истому.

// л. 28 об.

Въ началѣ лѣта какъ-то ѣхали съ нами...

— Крутился, Иванъ, такое дѣло. На Вычегдѣ былъ полтора мѣсяца, комары ѣли.

— Летучая ваше дѣло...

ВОЛЧІЙ ПЕРЕКАТЪ.

Баритонъ и лирическая пѣвица

ѣхали. Иногда съѣзжали на такіе же пустынные берега.

// л. 27 об

Баритонъ и ририческая²⁴⁵ пѣвица

Однажды осеннимъ вечеромъ баритонъ и лирическая пѣвица ѣхали по рѣкѣ
Погода была сквернѣйшая

// л. 29

двѣнадцати, съ руками, въ которыхъ прятался фужеръ пива, съ горячимъ взглядомъ и открытымъ, темнымъ съ загару, лицомъ. Ерзалъ по широкому лбу его каштановый завитокъ, враскосъ глядѣли беспокойныя брови, а мягкія губы все сбѣгались въ усмѣшку, когда говорилъ. Онъ уже не стѣснялся теперъ, расхаживалъ по салону, заставляя дрожать хрусталь.

— Ммда... — пожевалъ баритонъ губами. — Я тоже люблю эту... охоту...

— Убивали-съ?! — радостно даже спросилъ Серегинъ.

— Однажды, въ Калужской губерніи... взялъ я одного... небольшого...

Объ этомъ писали въ газетахъ. Ну, это когда былъ моложе, конечно. Теперъ дорожить жизнью. Зажигалъ передъ ней, передъ этой чудесной розовой женщиной, весь жаръ, который таился въ душѣ. Былъ счастливъ, что она такъ глядитъ, — и вдругъ стало не по себѣ: замѣтилъ, какъ она наклонилась къ скучному рухляку и что-то шепнула.

— А не выпьете ли съ нами винца? — предложилъ баритонъ.

// л. 30

...Во-отъ! А прилично ли? — подумалъ Серегинъ. — Скажутъ, самъ неспросился...

— Да? — съ улыбкой кивнула ему пѣвица. — Конечно, вы должны выпить.

...А, какіе глаза! Бываютъ же такія... небесныя женщины! Родятся гдѣ-то, гдѣ-то живутъ...

Онъ не нашель, что отвѣтить. Поежилъ плечами и поклонился.

— Берите стулъ и садитесь. Вы такъ хорошо рассказываете...

...Сама красота! За такую биться до смерти можно... Рубаха видна изъ-за ворота... — и смущенно вбиралъ голову въ плечи, чтобы не показалась рубаха.

— Вамъ какого позволите? Вамъ надо выпить, вы скоро опять туда...

— Все равно-съ... какого-нибудь...

Все равно, она понимаетъ его смущенье, понимаетъ, что не умѣетъ онъ разговаривать. Имъ все извѣстно. Бываютъ же такія необыкновенныя, недаромъ онѣ живутъ въ большихъ городахъ и все знаютъ. Вотъ и не дѣлаютъ ничего, и это хорошо, что онѣ ничего не дѣлаютъ. Руки какія! Бѣлыя, ни морщинки, ни ципинки, атласистыя. Сливками моютъ! — слыхалъ онъ что-то про сливки. — А платье! Шкурка, прямо. Совсѣмъ и не платье, а кожаца.

---

²⁴⁵ Так в рукописи.

...Водка-то даетъ себя знать, — слѣдилъ за собой Серегинъ. — А, все равно, сходить скоро, къ чорту...

Онъ присѣлъ, чувствуя связанность, — ходить было куда свободнѣй, — потирая руки, съ которыми не зналъ что дѣлать. Въ карманы заложить, положить на колѣни или такъ, на груди, какъ этотъ?..

// л. 30 об.

ВОЛЧІЙ ПЕРЕКАТЪ.

I.

Баритонъ Сальскій и²⁴⁶ пѣвица Энтоновцева <?>²⁴⁷

— Даетъ! — крикнули отъ кормы голоса.

— Въ корму води-и! — заревѣлъ рупоръ.

Завозились кожаныя куртки въ свѣтъ фонарика, поднялись черныя жерди и упали: багры зацѣпили невидно подобравшуюся лодку.

— Готова-а!

Серегинъ прыгнулъ. За нимъ кинули чемоданчикъ. Подняло и швырнуло въ хлябь. Отходили свѣтлыя окна салона, узились, завернулись. Дальше, дальше уходили боковые огни, свѣтя на прыгающіе волны, пуская два долгихъ расходящихся вала, унося тыльный рубиновый огонь. Уже не было ихъ, а этотъ кормовой огонекъ становился недвижимымъ и уже не живымъ былъ, а покачивался на вольныхъ волнахъ рядовымъ унылымъ баканомъ. Дольше всего держался бѣлый на невидной мачтѣ, и не разобрать было — паруходъ ли шелъ гдѣ вдали, звѣздочка ли глядѣлась въ прорывѣ неба.

Перемѣнился вѣтеръ — упорно, густо тянулись съ береговъ, несъ шумы чащъ.

— Садись! — уже который разъ кричалъ съ веселъ робѣющей молодой голосъ.

// л. 32

Волчій перекалъ.

// л. 32 об.

<На конверте пометы рукой И. С. Шмелева: <нрзб.> — Ред.>

// л. 34.

²⁴⁶ Далее было: <нрзб.>

²⁴⁷ Баритонъ Сальскій и пѣвица Энтоновцева вписано карандашом.